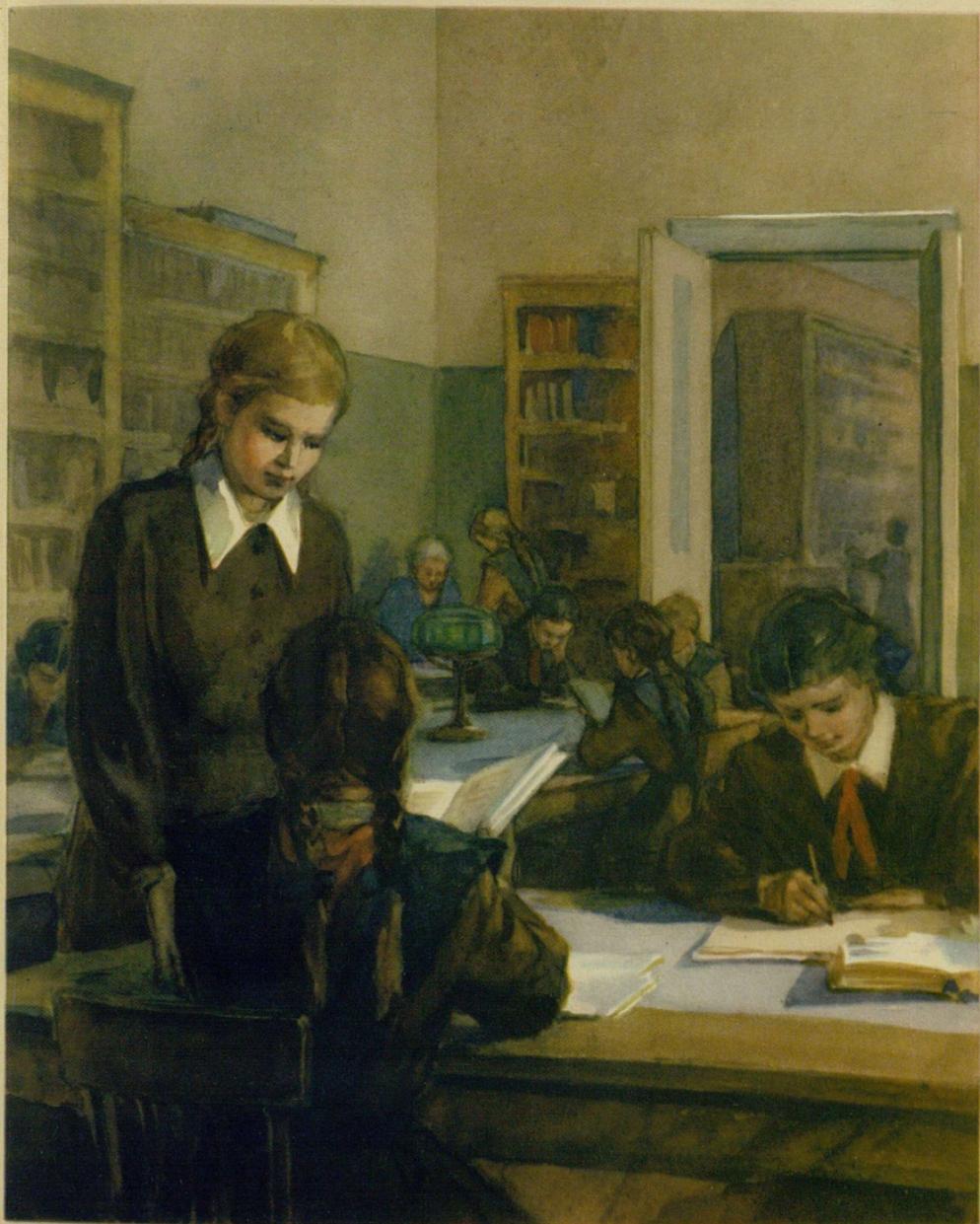

ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1953 г.

9

Е. Трутнева.

Рисунки В. Федяевой.

В окна школы смотрит осень,
День прозрачен, как стекло.
Стала жёсткой хвоя сосен;
Под берёзами светло.

Листья клёна под ногами
Золотым ковром легли.
Не видать плотов на Каме.
Улетают журавли.

Сколько споров, разговоров
В каждом школьном уголке:
О грибном богатстве бора,
О рыбалке, о реке!

Хороши леса Урала,
Реки быстры, глубоки!
И горит костёр, бывало,
Над обрывом у реки.

Листья сыплются за школой...
Слышен громкий спор сорок.
Прозвенел звонок весёлый —
Начинается урок.

В уголке живой природы
Наши новые жильцы:
Разноцветные удоды,
Беспокойные скворцы.

В яркой зелени, у окон,
Точно в омуте родном,
Краснопёрый бойкий окунь
В светлом доме водяном.

Две лягушки — две подружки
Притаились — не найдёшь!
А в углу зарылся в стружки
Молодой сердитый ёж!

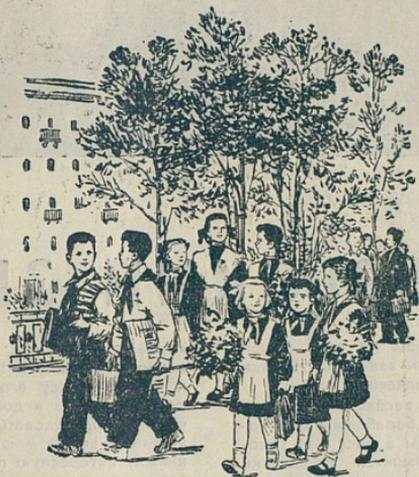
Птички песенки пропеть;
Свезены хлеба с полей,
И красуются букеты
На столах учителей.

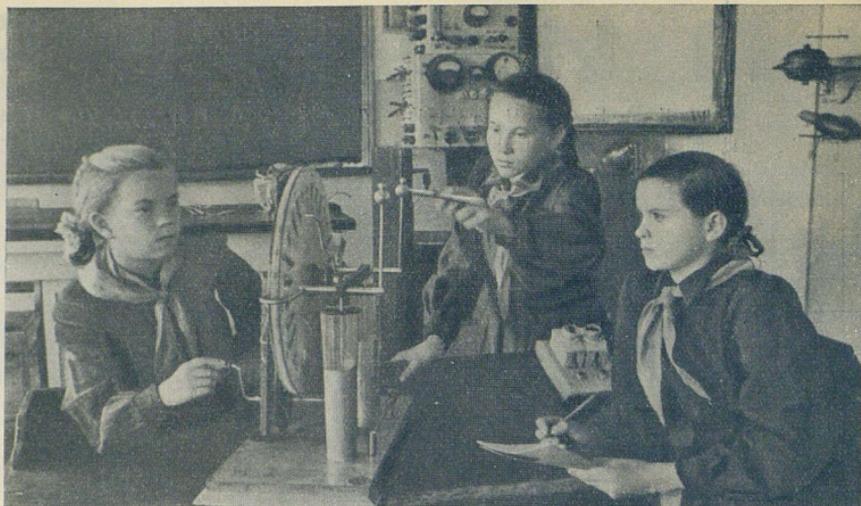
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 9 сентябрь 1953 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В физическом кабинете.

СЕНТЯБРЬСКИЙ ЗВОНОК

Первым сентябрьским утром по всей нашей необъятной стране призывно зазвонили десятки тысяч школьных звонков, молчавших летом.

Лето для ребят несло свои весёлые и заманчивые звуки. Пели горы, били барабаны в пионерских лагерях. Щебетали птицы в лесу над головами школьников, отправлявшихся в дальние походы, и дятел отстукивал их шаг. Бухал мяч, заливался свисток судьи на спортивной площадке. Горное эхо перенимало пионерскую песню. И мерно шумел тёплый прибой у артековского берега.

А сейчас в жизнь миллионов советских ребят властно вошёл замолкший весной, а теперь снова громко запевший свою утреннюю песенку трезвон знакомого школьного звонка.

Он возвестил о начале нового учебного года в школах Советской страны.

Раньше всех встречают новый год в стране школьники! На календаре ещё везде год 1953-й. А школьники уже начали свой новый год учения, который записан всюду как учебный год 1953/54. Как на придорожном знаке-столбе, отмечающем километры.

И значит, ты, школьник или школьница, с первым осенним звонком в школе ступил на новый отрезок того большого, просторного пути, который советский народ, строящий коммунизм, заботливо проложил для своих детей, чтобы они могли уверенно идти к большой, прекрасной цели: стать полезными, нужными, верными людьми для своей Родины и быть по-настоящему счастливыми.

Конечно, время, о приходе которого возвестили во всех уголках страны школьные звонки,— это

серьёзное, строгое, трудовое время в жизни наших школьников. И надо относиться с уважением к каждому часу его, отмеченному в школьном расписании. Да и дома следует с толком и расчётливо расходовать часы и минуты, чтобы успеть и все домашние задания приготовить, и книжку интересную прочесть, и на экскурсию со своими товарищами-пионерами сходить, и на лыжах или коньках побегать. На всё это должно хватить времени! Ведь самые опытные педагоги, крупнейшие учёные нашей Родины составили план ваших школьных занятий на год. Они подсчитали время, которое потребуется вам и в школе и дома, чтобы успешно пройти и завершить новый учебный год. Только с первых же дней его не запускайте занятий. Нагонять потом всегда труднее. И пеняйте на себя, если, пропустив первые важные часы и дни, откладывая на завтра то, что надо выучить сегодня, упустив время, вы спохватитесь потом, в последние недели, оставшиеся до экзаменов. Поэтому беритесь за дело серьёзно, усердно, сейчас же после первого школьного звонка.

Да ведь и лето не прошло для вас впустую, если вы прожили его с толком. Ведь что-то передумалось, узналось, открылось. И сил стало больше, и новые интересы появились, и новые хорошие товарищи прибавились к старым друзьям.

Есть что вспомнить и о чём рассказать друг другу нашим школьникам, которым Родина заботливо и щедро открывала все радости летнего отдыха.

Но вот прозвенели первые школьные звонки... С благодарностью славной Родине нашей за заботу и ласку, со свежими силами — за парту, за книгу, за дело, друзья!

Мечта

Обо всём можно сказать красиво, но
лучше всего — слово о хорошем человеке.

М. Горький.

Повесть Бориса Емельянова.

Рисунки Б. Винокурова.

Почему плакала Нина Тимофеева?

Ранним весенним утром 1945 года командующий энской армией генерал Никитин приехал в армейский хирургический госпиталь. Великая Отечественная война кончилась. Три дня назад пал Берлин.

Генерал шёл из палаты в палату, от койки к койке, здороваясь с ранеными офицерами, сержантами и солдатами, зорко осматривая, всё ли здесь делается для них, для героев, как надо, заботливыми и умелыми руками.

На пороге одной из палат он остановился. На фоне большого светлого окна отчётливо выделялось высокое изголовье аккуратно заправленной кровати. На белой подушке, запрокинутое вверх, виднелось знакомое Никитину упрямое худое лицо. Седой клок волос выбивался из-под марлевой повязки, косматые брови сходились у переносицы, а чуть повыше, на лбу, густой сеткой собирались морщины. Это лицо генерал не раз видел и хорошо помнил. Он шагнул вперёд...

Полковник Андрей Гаврилович Тимофеев лежал на койке, прямой и тихий, скрестив на груди руки, и неотрывно глядел в белый, сверкающий потолок. Посетителей к нему не пускали: думали, что лишнее волнение может повредить раненому. Как часто бывает в таких случаях, люди, охранявшие здоровье Тимофеева, и сами не знали толком, что для него полезней и лучше — волнение или покой.

Генерал хорошо знал полковника Тимофеева. Совсем недавно, каких-нибудь две недели назад, выйдя на ближние подступы к Берлину, танковая дивизия полковника Тимофеева крепко и самоотверженно, прямо с марша, прикрыла правый фланг армии Никитина, смелой атакой опроки-

нула на этом участке последнюю контратаку резервов немцев и позволила Никитину спокойно подготовиться к наступлению.

Из этой атаки танк Тимофеева не вернулся. Раненого полковника вынес из боя на руках башнер соседнего танка. Больше никого из экипажа Тимофеева в живых не осталось, а генерал знал, что на командирской машине с первых дней войны была радисткой жена Тимофеева — Наталья Васильевна. Не мудрено, что сейчас, находясь в госпитале, полковник Тимофеев никого не узнавал и, казалось, ничего не чувствовал. Даже на перевязках, частых и мучительных, от него не слышали ни крика, ни стоана.

— Две тяжёлые раны и глубокая контузия, — доложил командующему армией главный врач госпиталя. — И тяжелейшая нервная травма...

Генерал подошёл ближе и стал на свету, так, что Тимофеев не мог его не видеть.

— Здравствуй, Андрей Гаврилович, — сказал Никитин. — Вот где привелось встретиться. Я даже поблагодарить тебя не успел, товарищ!

Полковник молчал. На один миг в его глазах мелькнуло сознание, но тотчас же исчезло. Белье, чуть тронутые восковой желтизной руки так и остались лежать поверх одеяла.

— Андрей Гаврилович! — сказал генерал. — Поздравляю тебя с победой. Очнись, старина! Всё будет хорошо. Не горюй...

Губы полковника зашевелились. Еле слышный, хриплый, нечеловеческий какой-то возглас сорвался с них. На лбу среди морщин надулась и сразу опала синяя жила. Руки остались неподвижными.

Последняя фронтовая встреча была у

Никитина с Тимофеевым в 1944 году в лесу, недалеко от Минска. Танки ударного корпуса, приданного армии Никитина, сосредоточивались для атаки, и Никитин приехал к танкистам перед боем. Машины стояли под деревьями, укрытые ветками сосен и елей, в лесу пахло грибами и хвоей, а в командирском дивизионном блиндаже, куда сразу зашёл генерал, точно сад расцвёл. Столько здесь было цветов: колокольчиков и ромашек!

Командир первой дивизии полковник Тимофеев сидел на скамье у стола и вслух читал офицерам пушкинскую «Полтаву». Светловолосая, ещё молодая женщина в синем комбинезоне с погонами старшины и орденом Красного Знамени на груди стояла у входа и смутилась было, увидев начальство. Полковник встал навстречу Никитину, точно и спокойно отдал рапорт, а потом сказал просто:

— Мои офицеры. Моя жена.

Вот это она и была — Наталья Васильевна Тимофеева. Далеко отсюда, под Воронежем, у неё училась дочка, маленькая или большая, генерал так и не мог вспомнить.

На карте-двухвёрстке, разостланной на столе в блиндаже, полковник аккуратно вычертил направление предстоящего танкового удара. Красные стрелы на карте били в крепкую оборону немцев и казалось, сгибались от усилия. Генерал заметил, что левая крайняя стрела слегка отклонялась в сторону, обходя молодую лесную посадку на склоне холма, и спросил:

— Почему?

Тимофеев пожал плечами и улыбнулся.

— Скорость не теряется, — сказал он, — и выход танков хорошо прикрыт. А лесу и так уничтожили пропасть, товарищ генерал-лейтенант. Лес-то — он нашенский. Грешно ведь зря, без особой надобности, пускать по этим ёлкам тяжёлые танки.

Обо всём этом генерал Никитин вспомнил сейчас здесь, в госпитальной палате.

— Скучно тут у вас, — сказал он вдруг главному врачу. — Тимофеев цветы любит, воздух, а у вас окна закрыты.

Цветы появились, как по волшебству, благо дело было весной, — огромные ветки белой сирени. Генерал отошёл к окну вместе с врачом и сам распахнул тяжёлую оконную раму.

Когда они вернулись к постели раненого, Тимофеев лежал с закрытыми глазами, вслушиваясь в уличный шум при-

фронтного города. Глубокие морщины на его лбу посветлели, разгладились.

Генерал вышел из палаты тихо, стараясь не стучать каблуками.

Машина ждала его у подъезда.

— Прощайте, — сказал командующий главному врачу госпиталя, спускаясь по лестнице. — Завтра доложите мне о здоровье полковника. Он должен встать, обязательно должен! Ну, а ты что тут делаешь, девочка?

В другое время, занятый важными и неотложными делами, генерал, быть может, и не заметил бы эту худенькую, маленькую фигурку, одиноко стоящую у крыльца. Но на этот раз пройти мимо неё «просто так» было невозможно, и генерал сам сначала не понял, почему. На вид девочке было лет тринадцать — четырнадцать. Аккуратненькое её платье из защитной бумажной материи по-военному туго стягивалось широким кожаным ремнём. Пионерский, чисто выстиранный и выглаженный галстук повязан по всей форме, тёмные волосы заплетены в тяжёлую косу.

Услышав шаги на лестнице и заданный ей вопрос, девочка повернулась, и на генерала в упор глянули серые, знакомые глаза. Они смотрели на него так же устало и сосредоточенно, как и те, другие, там, в палате. Видно было, что девочка, стоя здесь, делает какое-то своё, тоже очень важное и неотложное дело, и лучше бы ей не мешать попусту и зря не тревожить. Она даже повернулась, чтобы отойти в сторону и освободить проход к машине этому старому военному человеку...

— Подожди-ка, — сказал генерал торпливо. — Подожди, как же так? Ты часом не дочка полковника Тимофеева? Глаза совершенно одинаковые. Тебя не пускают к отцу? Чего ты ждёшь?

— Я жду, когда мне разрешат к нему пойти, — ответила девочка. — Я уже давно приехала. Меня сюда на самолёте привезли танкисты. Наш дом сгорел, и я теперь здесь живу. И всё жду. Никто не знает, когда мне будет можно увидеть папу.

— Я знаю, — уверенно заявил генерал, крепко обнимая девочку за плечи. — Завтра можно будет. Завтра! Понимаешь? А сегодня, сейчас, ты поедешь ко мне в гости, расскажешь мне обо всём, и мы с тобой решим, как быть дальше.

Большой зелёный автомобиль тронулся с места неслышно, бережно. Шофёру ко-

На вид девочке было лет тринадцать—четырнадцать.

мандующего не часто приходилось возить таких пассажиров. Он удивлённо и заботливо посмотрел на девочку и почему-то вздохнул. У этого спокойного, строгого на вид человека своя такая девочка жила в Москве, рядом с Парком культуры и отдыха.

В машине Нина Тимофеева сидела тихая и строгая, совсем не глядела по сторонам, и только руки её, положенные на колени, изредка вздрагивали. Никитин мельком поглядывал на них и побыстрей отворачивался. За сегодняшний день он уже наглядился на эти тимофеевские руки.

— Он у тебя совсем молодец, — сказал генерал, прерывая молчание. — Вот только молчит и ни с кем не разговаривает.

— Он очень маму любил, — со вздохом сказала Нина и вновь замолчала.

Только в цветущем, дымящемся от цветенья вишнёвом саду, который со всех сторон окружал здание штаба армии, девочка оживилась, глаза её заблестели, лицо порозовело.

«Опять отцовское», — подумал генерал.

— Ты что там шепчешь? — спросил он вдруг. — Ты говори громче. Я после наших фронтовых оркестров плохо слышу.

— Папу надо сюда привезти, — ответила Нина, оглядывая белый вишнёвый дым над садом. — Хорошо здесь, просторно, светло. Правда?

— Совсем даже не правда! — резко ответил генерал. — Подумаешь, засмотрелась на немецкие вишни! Нашла простор!

И генерал задумался. За завтраком он то и дело взглядывал на Нину и тотчас же прятал взгляд, как будто чего-то смущаясь.

— Ну что вы? — наконец сказала Нина. — Что вы на меня так смотрите?

— Надо и смотрю, — сказал генерал сердито. — Ешь компот и слушай, что скажу. Горя на нашей земле сейчас у людей хватает. Была вот и у меня мать. Жила она и работала в маленьком городке под Владимиром. Тихо жила, никого не трогала. Димик у неё стоял в саду среди яблонь. Всё ждала, что сын вернётся домой и поживёт напоследок с ней, со старухой. Так и не дождалась, умерла. Когда было сыну... Сыну и сейчас времени нет возвращаться, — сказал генерал, помолчав. — Дом стоит пустой. Яблони одиночки. Подснежники там хорошие росли в саду... Короче говоря, через месяц забережь отсюда отца и увезишь. А я когда-нибудь к вам в гости приеду. Договорились? А плакать здесь не полагается, матушка. Здесь учреждение казённое, военное. Здесь, моя милая, не плачут. На дворе весна, птицы поют. Нина! Ниночка! Я тебе как командующий приказываю — не реви!

Но, обняв генерала за жёсткий воротник кителя, царапая нос о вышитые широкие погоны, Нина Тимофеева плакала навзрыд, и никакие приказы этих слёз остановить не могли.

На новом месте

На высокой горе стоит город Владимир. От Золотых его ворот на много вёрст виден широкий простор земли. Затемливо вьётся внизу под горой речка Клязьма, темнеют на горизонте муромские леса. Отсюда, с горы, рукой подать до Муром, до древних богатырских вотчин.

Во Владимире Андрей Гаврилович и Нина остановились проездом. Маленький городок, в котором их ждали, скрывался где-то вдаль, за лесами. Весь завтрашний день надо было потратить на дорогу. Хорошо ещё, что военный комиссар области приказал до самого дома довести их на казённой машине.

— Там на месте вас и без меня встретят, — сказал он Андрею Гавриловичу. — Команда, кому следует, отдана, не беспо-

Долго сидели на скамейке над обрывом Нина и Андрей Гаврилович.

койтесь. Живите, товарищ полковник, при-
выкайте; работу, когда поправитесь, под-
берём вам полегче. Думали уже о работе
или нет?

Нина сперва даже обиделась на комис-
сара. Отец ещё на костылях ходит с тру-
дом, а ему уже подыскивают занятие. Так
она и хотела сказать напрямик: рано,
мол, о работе с отцом говорить — и хоро-
шо, что не успела высказать вслух своё
возмущение.

Андрей Гаврилович словам комиссара
неожиданно для Нины обрадовался и ска-
зал, что он вот уж месяц, как об этом
думает и уже кое-что придумал... Деда и
прадеды неплохие разводили сады и в на-
следство ему оставили хитрую садовую
науку. Пожалуй, в новой жизни такая на-
ука пригодится и пойдёт людям на поль-
зу. Дело ведь идёт не к войне, а от войны
к миру. Колхозам по соседству наверняка
понадобятся новые урожайные яблони и
вишни. Достать их на первых порах будет
негде, придётся выращивать самим. Тогда,
стало быть, и он понадобится своим но-
вым соседям — колхозникам.

Такую вот работу он считал бы важ-
ной. Как комиссар думает? Если сил хва-
тит, книгу бы ещё хотел написать о своих
танкистах. Найдёт, наверно, и райком
партии поручение старому коммунисту.

Дочку надо вывести в люди — тоже за-
бота.

Комиссар очень одобрил решение Анд-
рея Гавриловича. Дело, правда, полков-
ник выбирал себе нелёгкое и хлопотное,
но выбор трудного для себя занятия та-
ким человеком, как Тимофеев, показался
военному комиссару правильным, и он
сразу забыл о своём обещании поды-
скать раненому полковнику работу «по-
легче».

— Владимирская земля издавна к яго-
де и к яблоку привыкла,— сказал комис-
сар.— Вишней мы на весь мир прославле-
ны. Если знания имеете да желание,
большую пользу можете принести. Час
добрый! Отдохните, переночуете у нас и
с утра поезжайте потихоньку...

...Поздно вечером, когда умолк город-
ской шум, Нина и Андрей Гаврилович
пришли на обрыв Владимирской горы.
Долго они сидели на скамейке, обняв-
шись, всё глядели в синюю ночную даль
и не могли наглядеться.

В первый раз за много месяцев Нина
отдыхала всем сердцем. Так тихо было во-
круг, что она даже вздрогнула, когда
Андрей Гаврилович неожиданно повер-
нулся к ней резким и быстрым движе-
нием. Показалось ему, что слеза блеснула
у дочери на ресницах.

— Ты не плачь, не грусти,— сказал он ласково.— Держи себя, как в строю, твёрдо. Жизнь у тебя впереди, хорошая жизнь...

— Ты, папка, тоже никогда не плачь,— ответила Нина спокойно.— Жизнь у всех у нас впереди хорошая. Мы же с тобой советские люди? Правда? Нам должно очень хорошо жить на свете!

Андрей Гаврилович с удивлением, пристально посмотрел на Нину. Она сидела на скамье, обняв колени руками, прислушиваясь к чему-то, слышному только ей одной.

Только что прошёл дождь. Звенели и журчали вокруг бесчисленные ручьи, далеко за мостом протяжно и грустно вздыхала гармоника, и совсем близко, падая с деревьев, редко стучали о землю дождевые капли. Если получше прислушаться, можно было различить в неподвижном ночном воздухе дальний скрип садовой калитки, звон ведер под горой у колодца, разговор коростелей на лугу, и всё вместе это называлось покоем и тишиной, большой тишиной земли.

Думалось и мечталось о жизни, о счастье, которое, наверно, где-нибудь здесь близко, может быть, рядом. Почему бы и не вернуться к ним счастью? Залечатся раны отца. Будет на земле мир. Вырастет она, Нина, большой и счастливой. Ох, как много надо ей счастья! Есть ли столько его на земле?

— Папка,— спросила Нина,— хорошо тебе здесь?

— Хорошо! — откликнулся Андрей Гаврилович.

И они оба опять надолго замолчали. Из-за Клязьмы, с лугов еле слышно, но всё ясней и ясней поднималась песня. Вот донеслись, угадались первые её слова, и Нина чуть крепче сжала отцовскую руку. Пели внизу над рекой девичьи голоса:

Слети к нам тихий вечер
На мирные поля,
Тебе поём мы песню,
Вечерняя заря...

Тяжело опираясь на костыли, Андрей Гаврилович встал со скамейки.

— Видишь, вон огоньки бегут,— сказал он, показывая рукой вдаль, за Клязьму.— Машины идут по нашей дороге...

Утром, на восходе солнца, они ещё раз вышли на край Владимирской горы. Внизу над Клязьмой стлался белый туман, и лес за рекой стоял, как в дыму, неясный

и тёмный. Словно шлем сказочного великана, горел в небе купол Успенского собора. Вся огромная Владимирская гора сияла и сверкала на солнце: сюда, в высоту, не доходили туманы. От ближних окраин города тянулись к облакам башенные краны новостроек, а совсем высоко в синем небе, невидимый глазом с земли, рокотал самолёт.

Неподалёку, за оградой, раздался длинный и нетерпеливый автомобильный гудок. Видно было, как шофёр выскочил из машины и замахал рукой.

— Ну что ж, дочка,— сказал Андрей Гаврилович.— Слышишь, зовёт нас. Стало быть, поедем... домой.

Трудно выговорил Андрей Гаврилович это простое слово.

Лесная дорога обрывалась на взгорье. На повороте замедлила ход шедшая впереди грузовая машина, и её пришлось обгонять. Приветливо заулыбались детские лица в кузове грузовика. Много их тут было, мальчишек и девчонок. Детский дом, вероятно, переезжал из города в город. Девочка в синем платье махнула Нине рукой. Мальчик в защитной красноармейской пилотке отдал честь Андрею Гавриловичу. И снова всё стало зелено и спокойно по сторонам: одинокие осоки на холмах, ивы над ручьями, кусты над дальними речками...

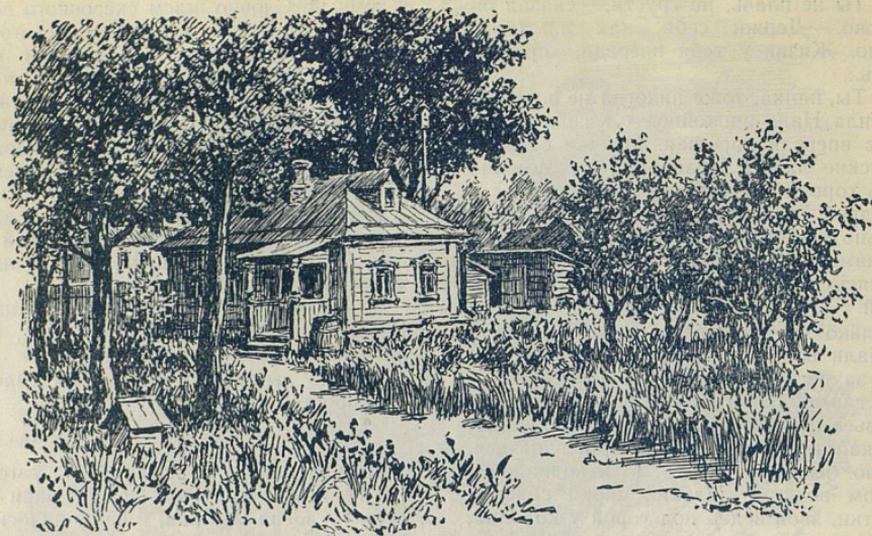
Городок показался сначала издали, будто врисованный в широкую раму листьев. Когда машина вырвалась из леса, городок стал виден яснее и шире. Теперь он был похож на пёстрый ковровый платок, брошенный на опушке дальнего бора: так в нём было много разноцветных, красных, жёлтых и зелёных, крыш и заборов.

Между городом и лесами на широком поле колосились хлеба, машина ушла в них, как в море. Земля здесь щедро вознаграждала человека за труд.

Две высокие фабричные трубы, белую пожарную каланчу, старую церковь с обрушенным куполом, на крыше которой непонятным образом разрослись молодые берёзки,— всё это сразу заметила Нина.

Глаза её уже различали отдельные дома, ровные линии улиц, деревья в садах. В синем небе плыло белое облачко.

«Куда оно плывёт? — думала Нина.— Куда мы едем? Какой он будет, наш дом? Какая у него крыша? Зелёная или красная? Большой он сам или маленький?»

Дом стоял в глубине сада, одноэтажный, чистый-чистый, будто умытый росой...

Ей не пришлось долго раздумывать. Машина пронеслась широко мощёной улицей, спугнула возле пруда стаю белых гусей с жёлтыми носами и круто свернула в заросший травой проулок.

— Приехали, товарищ полковник! — повоенному коротко доложил шофёр. — Вот они, ваши ворота. Дайте я помогу вынести вещи.

Тихие и настороженные, словно опасаясь чего-то, вошли в калитку Нина и Андрей Гаврилович.

Лесным покоем встретил их старый, разросшийся сад. Давно, видно, не прикасались к нему заботливые и умелые человеческие руки. Вишнёвые и яблоневые деревья стояли по пояс в некошеной траве, купавками заросли дорожки, крапива выросла на круглых клумбах. Трудно пробивались на свет редкие мелкие цветы.

Дом стоял в глубине сада, одноэтажный, чистый-чистый, будто умытый утренней свежей росой. Крышу на нём Нина рассмотрела не сразу. Ветви огромной отцветающей липы склонились над ней, дерево, казалось, срослось с домом. Чуть в стороне, у самого крыльца, торчал весёлый круглый маленький тополь. В старом саду рядом с великаншей-липой и спокойными пожилыми яблонями тополёк казался озорным мальчишкой, попавшим сюда без разрешения хозяев.

Нина обрадовалась топольку и даже глазом прикинула: пожалуй, что они с топольком были одного роста.

Андрей Гаврилович задержался у ворот. Нина крепко держала его под руку и тоже не двигалась с места, понимая, что это совсем не просто — подняться на чужое крыльцо, войти в чужие сени, как в свои, и в старом доме начать совсем новую жизнь.

Казалось, ни души не было вокруг них и рядом с ними. Только пчёлы гудели сверху: густо облепели они медовый пахучий липовый цвет.

И вдруг далеко за кустами, за забором, коротко и резко пробил салют барабан. Тонкий свист пронёсся над садом. Нина так вся и встрепенулась, и Андрей Гаврилович пытливо повёл глазами поверх кустов: ветки на них, непонятно почему, дрожали и дёргались в разные стороны.

— Смотри, — сказала Нина шёпотом.

Над домом, над крышей, над ветвями липы вползал по тонкому, чуть заметному флагштоку диковинный голубой вымпел с красной пятиконечной звездой в левом углу полотнища. Вот он поднялся до самого верха дровка и медленно развернулся на тихом ветру.

...Высокая трава возле дома разошлась волнами направо и налево, на мгновение

показались из неё уползавшие по-пла-
стунски в кусты синие залатанные штаны.

— «Потом мелькнуло шапки две; и
вновь всё спряталось в траве», — громко
сказал Андрей Гаврилович. — Кто же это
нас так хорошо встречает? Отзовитесь,
добрые люди!..

В кустах произошло движение. Еле
слышно донёсся до Нины чей-то укориз-
ненный вздох, послышалась возня, тол-
чок...

— Встаём? — сказали в кустах. — То-
гда уж все вместе...

Листва зашумела, над ней замелькали
головы и плечи, потом кусты раздвину-
лись в стороны. Высокий мальчик вышел
на дорожку первым. Следом за ним пока-
залась девочка-чернушка с длинными чёр-
ными косами, перекинутыми на грудь,
а уже за ней, строясь «в затылок», стали
ещё подниматься девочки и мальчики.

— Мы поздравляем вас с приездом, —
сказал высокий мальчик. — Вы не ду-
майте...

— А мы и не думаем, — сказал Андрей
Гаврилович. — Здравствуйте!

— Здравствуйте, — вежливо ответил
мальчик. — Мы вам сейчас всё расскажем.
Мы все ученики здешней школы, они ещё
пионеры, а я уже комсомолец. Мы вам не
будем надоедать, не бойтесь.

— А мы и не боимся, — поспешно ска-
зала Нина. — Вот ещё какой разговор!
Надо понимать.

Нина крепко держала отца под руку и тоже
не двигалась с места.

Высокий мальчик покосился на неё
одним глазом.

— Всё равно ей придётся, — он кивнул
на Нину, — учиться и дружить с нами.
Товарищей лучше не искать, если они
здесь, рядом. Ты, девочка, смотри и слу-
шай! Я и Галка — мы живём на сосед-
нем дворе. Когда тебе захочется нас
увидеть и когда тебе станет скучно, мож-
ешь пролезть к нам — в заборе есть
дырка возле сарая. Меня зовут Сергеем.

— Галка — это я! — добавила чернуш-
ка, тряхнув косами. — Я пишу стихи и
прозу. А ты? «Мелькнули шапки» — это
написал Лермонтов?..

Андрей Гаврилович кивнул головой.

— А пушкинские стихи ты любишь? —
спросил он.

— Очень! — восторженно воскликнула
чернушка. — Как же можно их не любить?
Ах!..

Невидимый часовой в глубине сада
пробил тревогу прямо по доскам забора,
видимо, не успев дотянуться до барабана.
Опять раздался далёкий свист.

— Нам пора, — сказал высокий маль-
чик, прислушиваясь. — Прощайте!

Он сделал два шага назад, и его отряд
попытался вместе с ним. Кусты сомкну-
лись за ними бесшумно. Прошла минута.
Кусты раздвинулись снова, и между вет-
ками показалось смеющееся лицо чер-
нушки.

— «Нам пора», — передразнила она
своего предводителя. — Вы не обращайтесь
внимания. Это он обезьянничает — напо-
ловину с Тимура, наполовину с Дубров-
ского. Помните?

Она неожиданно громко чихнула, сде-
лала испуганное лицо и пропала в кустах.

— Славные ребята! — сказал Андрей
Гаврилович и озабоченно посмотрел
вверх. — Флаг вот только надо бы спу-
стить обратно. Какой-то он морской или
речной, как на водной станции. Жить-то
ведь под этим флагом нам придётся на
суше. Что-то я всё-таки не пойму: кому
же была отдана команда нас встретить?

Двери дома были распахнуты настежь.
Когда Нина и Андрей Гаврилович подо-
шли к крыльцу, в сенях послышались ша-
ги. Жалобно скрипнули половицы. Во всю
высоту и всю ширину дверей стал на
крыльце огромный, как медведь, человек,
приветливо сказал: «С приездом и со
свиданием!» — и неожиданно легко сбе-
жал по ступеням навстречу новым хозя-
евам дома.

Заботливо поддерживая, он ввёл Андрея Гавриловича в комнаты. Чемоданы со двора в одно мгновение очутились в сенях. Нину «медведь» на ходу погладил по голове тяжёлой, большой рукой, и она даже не успела рассмотреть, какой он: старый или молодой? Из-под тёмных косматых бровей глянули на неё добрые весёлые глаза.

Поначалу Нина его приняла за здешнего доктора, присланного встретить отца. За долгие дни отцовского лечения в госпиталях она привыкла к всегдашней доброте врачей и сестёр, а от простой человеческой заботы отвыкла. Она так и поздоровалась с новым человеком, как здоровалась раньше с докторами:

— Здравствуете, спасибо, что пришли. Папа чувствует себя хорошо, и доехали мы спокойно.

«Медведь» посмотрел на неё удивлённо, а потом расхохотался так, что в кухне на полках зазвенели пустые вёдра и кастрюли.

— За лекаря приняла? Ну и ошиблась,— сказал он.— Я человек простой. Зовут меня Голубевым Иваном Петровичем, а ты меня зови дядей Ваней. Живу я и работаю в пригородном колхозе «Светлый путь». Товарищи из райкома и горсовета попросили меня всё ваше здесь оглядеть и прибрать, как хозяину, и на первых порах встретить. Марья Давыдовна Никитина в нашем колхозе двадцать лет проработала. А лекаря, что ж лекаря? При большом горе человека только время лечит.

Андрей Гаврилович всё понял сразу и крепко пожал руку Ивану Петровичу.

В больших застеклённых сенях пахло влажной свежестью и сосновыми стружками: пол был только что наново выскоблен и вымыт. В комнате на столе лежал небольшой румяный каравай, и на нём стояла расписная, цветастая деревянная солонница. На стене у стола висело вышитое красными петухами полотенце. Шитая надпись на полотенце была мудрёной: «На петухов радуйся, а людей не забывай».

Лицо Андрея Гавриловича осветилось улыбкой.

Долго сидели они с Иваном Петровичем, разговаривая обо всём сразу. Сколько рабочих рук в колхозе и кто в городе и в колхозе хороший садовод? Скоро ли вернутся домой солдаты? Хорошая ли в городе школа и в какой речке под горо-

дом лучше ловится рыба? Давно ли здесь живёт сам Иван Петрович?

Нина многое узнала из этой беседы. Колхоз «Светлый путь», в котором, как оказалось, Иван Петрович был председателем, вплотную примыкал к городским землям, многие колхозники так и жили в городских домах. С трёх сторон текли вокруг городка три реки — Сойма, Войминга и Судогда, — и всякой рыбы было в этих реках видимо-невидимо. Работалось сейчас колхозникам трудно: из большого хозяйства ушли на фронт лучшие работницы. Сам дядя Ваня в сорок первом году воевал тоже.

— В танк не влез, — рассказывал он, смеясь, — лошади подходящей не подобрали. Пришлось пешком ходить. Семь раз продырявили, в такую мишень промахнуться трудно. Пришлось домой ехать. Так и живём.

Дядя Ваня очень понравился Нине.

— Ты дома не сиди, — сказал он ей. — Пойди погуляй, осмотрись, никого не бойся. В наших местах только реки текут холодные, а люди живут тепло.

Нине и самой хотелось оглядеть новые места, она посмотрела на отца. Андрей Гаврилович ласково кивнул головой.

— До свидания, Иван Петрович! — крикнула Нина уже с крыльца. — Приходите почаще, дядя Ваня!

— Приду, приду, — отозвался Иван Петрович. — Я тебе кошку сибирскую принесу. Кошка горничная, знаменитая. Мышей ловит, а к сметане равнодушная.

— Горничная? — с сомнением в голосе переспросила Нина, снова показываясь в дверях.

— Горничная, — подтвердил Иван Петрович. — Она у меня в горнице всё время живёт.

Стоя на крыльце, Нина ещё раз оглядела сад. С этой, хотя и небольшой высоты старый сад показался ей не таким уж старым и дремучим. За кустами смородины и крыжовника виднелась тропинка, за забором — крыша соседнего дома. Трава у забора шевелилась. «Может быть, там змея? — подумала Нина и на всякий случай прихватила с собой из сеней черенок от старой лопаты. — А ну, посмотрим!»

Она храбро пошла по траве к забору. Змея близости не оказалось. Зато из-под самых нининых ног с треском вылетела птица — сорока — и тут же уселась

поблизости на ветке, покачивая своим длинным блестящим хвостом.

Нина за ненадобностью отбросила в кусты палку. Сорока испугалась и улетела, наверно, подумала: «Ишь, какая! Швыряется. Хорошо — мимо».

В старом саду было всё так же тихо, но, оставшись одна среди травы и деревьев, Нина уже не ощутила благотельного воздействия тишины.

«Нет,— подумала она, упрямо встряхивая головой.— Человек не должен оставаться один. Очень хорошо синее небо, ещё лучше зелёная трава. Ну яблони, ну облака, ну сорока! А где же люди?»

Нина оглянулась — над домом всё ещё развевался голубой флаг с красной звездой.

Кусты крыжовника, как будто сами собой, раздвинулись и пропустили её. Вот он, забор, а вон там, подальше, в заборе дырка. Нет, конечно, она не будет пробираться к людям этим тайным и ненадёжным ходом. Надо бы разыскать, где у соседнего двора настоящие ворота и калитка.

Внезапно с той стороны забора что-то с треском ударилось о доски. Спустя минуту со свистом пролетела над садом оперённая белыми перьями тонкая стрела.

— Попал,— раздался голос.— В десятку! А ты промазал!

— Стрельба в цель,— вслух догадалась Нина.— Интересно!

В проломе показалось смеющееся галкино лицо.

— Ага, это ты,— сказала Галка.— Очень хорошо. Давай, лезь!

Поздним вечером Андрей Гаврилович вместе с Ниной обошёл комнаты своего нового дома («Моя будет с окном на улице», — быстро сказала Нина), вышел в сад, оглядел деревья, у большой яблони затолкнул подвязал надломленную ветку и вернулся в дом.

Силы оставили его у лежанки, аккуратно им же самим застеленной тонким солдатским одеялом. Андрей Гаврилович тяжело упал на неё, костыли его с грохотом покатались на пол.

Когда Нина бжегала в комнату, Андрей Гаврилович улыбнулся ей, хотел было приподняться и не смог.

— Это костыли мои шумят, дочка,— сказал он.— Это не я. Садись ко мне, девочка. Давай помечтаем, как мы тут будем жить-поживать.

— Я уже сказала тебе, как,— ответила Нина, пристально вглядываясь в потемневшие от боли отдовские глаза.— Очень хорошо будем жить. Очень...

Она достала из кармана платок и бережно вытерла капли пота на лице Андрея Гавриловича.

— Давай только не будем друг друга обманывать,— сказала она.— Я ведь твоя дочь, слышишь?

„Ты молодец, девочка!“

Андрей Гаврилович тяжело заболел: сказались долгие дни дороги и волнения. Сердце не выдержало. Внезапно в груди глубоко-глубоко словно земля затряслась, и там, в глубине, образовалась зияющая пуста, в которую, казалось, рухнуло сердце.

За минуту перед припадком он спокойно сидел у стола, перебирая бумаги и карты. Сердечные припадки бывали у Андрея Гавриловича и раньше, ещё в госпитале: сердце никак не могло оправиться после контузии. Он переживал их спокойно, так же, как старые солдаты переживают на фронте бомбёжку: «Пронесёт или нет?», — и только шурил от боли глаза, давая возможность сердцу, как он выражался, снова «набрать скорость».

Этот припадок был необычен и страшен. Просто «переждать» его было невозможно.

Нина сидела на диване в той же комнате и услышала тихий, сдавленный стон, почти вздох Андрея Гавриловича.

Она не успела добежать до стола и увидела, как необычно беспомощные, что-то ищущие в воздухе руки отца поднялись вверх. Кровь хлынула ему в лицо и тотчас же отлила, уступая место синеватой, почти прозрачной бледности. В какую-то долю секунды Нина почувствовала, что рядом со страхом в ней и сейчас живёт гордость за отца. Как всегда в минуту опасности и боли, лицо Андрея Гавриловича стало спокойным, суровым и сосредоточенным. Так встречаются со смертью люди, презирающие смерть.

— Ниночка! — сказал он тихо.— Пузырёк с лекарством в левом кармане гимнастёрки. Не торопись.

Он принял лекарство и закрыл глаза, но уже через минуту сказал, что боль велика и без доктора, видно, не обойтись.

Нина посмотрела на отца — оставлять его одного нельзя никак. Что делать? Горячую воду к ногам, камфору?

Она распахнула окно. По той стороне улицы, смеясь и переговариваясь, шли две девочки. Одна из них — рыженькая, весёлая хохотушка — что-то интересное рассказывала подруге. Обе они только что рассмеялись громко, на всю улицу.

— Девочки! — сказала Нина. — Милые товарищи! Пожалуйте, подите сюда.

Было в её голосе что-то такое, что сразу заставило весёлых гуляк-девчонок перебежать улицу и остановиться у неё под окном.

— Девочки! — повторила Нина. — У меня заболел отец. Нужен доктор, а сходить некому. Рядом в доме, за забором, живёт мальчик Сергей Новиков. Позовите его сюда.

Одна из девочек бросилась сразу же выполнять поручение «за мальчиком», вторая побежала было за доктором, но сейчас же вернулась.

— Матвей Никанорович дежурит в больнице, — сказала она. — Я знаю, туда скоро не добежишь. Андрей Давыдович уехал во Владимир. Я найду к тебе, я помогу...

А чем можно было помочь без умения?

Сергей прибежал через минуту и сразу отправился в больницу за врачом. Но больница стояла на другом краю городка, и трудно было рассчитывать, что врач придёт быстро.

Нина взяла отца за руку, нашла пульс. Сердце билось неровно, и казалось, брело по тяжёлой, ухабистой дороге, выбиваясь из последних сил. Оно то совсем замолкало, то вдруг колотилось отчаянно, как после быстрого бега... Силы покидали Андрея Гавриловича, а доктора всё не было и не было.

— Нина, — сказал Андрей Гаврилович. — Дочка! В ящике стола шприц и ампулы. Может быть, ты сумеешь сама?

— Сумею, — сказала Нина. — Сейчас. Девочка! Как тебя зовут? Юлей? Дай мне горячей воды. Чайник стоит на кухне. И вот там, на шкафу, склянка со спиртом.

В госпитале, бывая у отца, она видела, как сёстры делают эти уколы. Закатать рукав, вытереть кожу...

— Отец, — сказала она. — Смотри. Я беру ампулы. Последи за мной глазами. Вот эта с камфорой? Да?

— Да! — сказал Андрей Гаврилович

одними губами. — Да! Спокойней, дочка! Выпусти воздух из шприца.

Сергей вернулся вдвоём со второй девочкой. Стоя в дверях, он сказал, что доктор Матвей Никанорович сейчас придет. — Нина! Может быть, подождать?

Но, упрямо и решительно закусив губы, Нина уже склонялась над Андреем Гавриловичем. Девочки и Сергей глядели на неё с ужасом и восторгом.

— У неё даже руки не дрожат, — прошептала девочка, та, которую звали Юлей. — Тише. Тише!

Но и так в комнате стояла ничем не нарушаемая напряжённая тишина. Все перестали дышать. Часы на стене как будто остановились... Игла глубоко вошла под кожу.

— Не больно? — спросила Нина.

Андрей Гаврилович не ответил. Сознание от него ушло. А сердце — Нина слушала его всем своим существом — начинало биться сильнее и спокойней.

Доктор и фельдшер приехали через несколько минут. Доктор Матвей Никанорович бережно и внимательно осмотрел и выслушал Андрея Гавриловича. Потом он оглядел стол с расставленными на нём лекарствами, с осколками ампул, валяющимися на белой скатерти, взял со стула и почему-то понохал пустой шприц, приподнял одеяло и ощупал рукой бутылки с горячей водой в ногах больного.

— Кто сделал всё это? — спросил он.

Нина сидела в углу одна. «Горничная кошка» тёрлась о её ноги и ласково мурлыкала, словно одобряя хорошее нинино поведение.

— Кто сделал укол? — спросил Матвей Никанорович.

Девочки показали на Нину, и доктор, улыбаясь, подошёл к ней.

— Ты молодец, девочка. Ты совсем молодец! Пожалуй, что ты сегодня спасла жизнь отцу.

Он прописал Андрею Гавриловичу лекарство, полный покой, осторожно, с помощью фельдшера и Сергея, перенёс его на кровать и ушёл вместе с фельдшером, покачивая головой и по-хорошему всё ещё улыбаясь. Сергей сам слышал, как на улице доктор сказал:

— Очень хорошая девочка! Смелая и толковая девочка!

Вслед за доктором потихоньку вышли из комнаты Сергей и Юля с подругой.

— Мы ещё придём, — пообещали они на прощанье. — Мы обязательно придём.

Нина осталась одна с отцом. У кровати она опустилась на колени, прижалась лбом к его руке и долго так стояла на коленях.

Нина становится большой

Каждое утро Нина выходила из дома с ведрами в руках и шла за водой.

В глубоком тёмном колодце как будто и дна не было: так далеко уходила узкая колодезная шахта. У Нины всегда немного кружилась голова, когда она подолгу всматривалась в тёмную глубину. Колодец был вырыт, наверно, лет сто назад: доски, которыми обшили когда-то его ствол, почернели от времени и сырости и покрылись блестящим скользким налётом. В самый жаркий день трава у колодца, обильно политая водой, была прохладной, холодноватой.

Пустое ведро на железной цепи, наставленной толстой пеньковой верёвкой, быстро летело в темноту, раскручивая толстый деревянный барабан, укрепленный поверх колодезного отверстия. Глубоко внизу слышался звенящий удар — ведро долетело до воды, верёвка на минуту провисала, ведро тонуло медленно, черпая воду, а потом вдруг тяжело и быстро шло вниз.

В первые дни с непривычки Нина до волдырей натрудила ладони, поднимая вверх тяжёлые ведра. Но зато какая чистая, прозрачная появлялась вода из тёмной глубины!

Целый месяц Андрей Гаврилович почти не вставал с кровати, и Нине всё приходилось делать самой: ходить на базар, готовить обед и стирать бельё. Андрей Гаврилович с беспокойством поглядывал на дочь: тяжело ей приходилось. От помощи со стороны она отказывалась решительно. Сколько раз Юлия и Галка прибежали и хватались за тряпки и ведра, но Нина отклоняла их услуги и забирала ведра обратно.

— Не надо, девочки, мне помогать, — сухо говорила она. — Мне совсем нетрудно, и я не люблю, когда мне мешают. Приходите через час, я кончу стирать, и мы что-нибудь придумаем весёлое.

А когда девочки, расстроенные, уходили, Нина провожала их до крыльца и приветливо махала им вслед обеими руками. Маленькие её руки покраснели и пошершавели — видно было издали, какие они красные, как лапы у гусёнка.

Иван Петрович Голубев смотрел на Нину с уважением, хотя и не считал её домашнюю работу героизмом. Андрею Гавриловичу он однажды предложил подыскать какую-нибудь хозяйственную бабку для управления домом, но Андрей Гаврилович сказал только: «Спроси у Нины», — а Нина ответила опять по-своему: «Не надо, я сама».

В летние дни по утрам «полковничья дочка» уверенно и деловито обходила базарную площадь.

По воскресеньям базары бывали широкие и богатые, а в будние дни базарная площадь пустовала, торговлю вели одни и те же огородники и молочницы, и на прилавках, кроме молока и простокваши, лука и огурцов, семечек и варёных раков, других продуктов не было. В магазинах в то время ещё торговали по карточкам.

В первые дни с непривычки Нина до волдырей натрудила ладони, поднимая вверх тяжёлые ведра.

Хозяйство в доме надо было вести с толком. Если б только знали подружки, как горько плакала Нина по ночам над собственной слабостью и неумением!.. А ведь надо было бегать за лекарством в аптеку, за доктором в больницу, за хлебом с карточками! Нет, нелёгкая была жизнь у Нины...

Анна Фёдоровна Горбачёва узнала обо всём этом неизвестно откуда. Она пришла к Тимофеевым рано-рано, когда ещё роса не высохла на траве. Андрей Гаврилович сидел дома у себя в комнате, а Нина стояла в сенях у самого входа в дом. Корыто, полное белой мыльной пены, загоразивало вход, здесь же стояли вёдра с водой и лежало в тазу выстиранное отжатое бельё.

Анна Фёдоровна поднялась по ступенькам на крыльцо и остановилась возле Нины.

— Здравствуй,— сказала она.— Как живёшь? Давай познакомимся.

Нина с удивлением посмотрела на Анну Фёдоровну: «Зачем пришла?» Она уже успела узнать её издали; учительница Анна Фёдоровна, депутат областного совета, в городке была очень известным человеком.

Нина смущённо вытерла мокрые руки о фартук и поздоровалась с гостьей.

— Домашнее дело нехитрое,— сказала Анна Фёдоровна сочувственно,— а всё-таки дурное. Работаешь, работаешь— и работы вроде не видно, а смотришь: спина болит, ноги гудят и день прошёл... Слышала я, что ты от помощи отказываешься, упрямяца, а зря... Одной жить трудно.

— Всем людям сейчас трудно,— сказала Нина, неодобрительно поглядывая на Анну Фёдоровну.— Если вы насчёт помощи, то нам помогать не нужно. Зря они вам всё это рассказали. Я одна справлюсь.

— А как же учиться будешь? — спросила Анна Фёдоровна.— Тоже одна?

Она взяла нинину руку, повернула ладонью вверх и вдруг неожиданно, попросту взяла и погладила Нину по голове, как совсем маленькую девочку.

«Всё понимает,— подумала Нина.— Всё понимает, потому и депутат... А вот я ничего не понимаю. Сейчас зареву, и тоже будет всё...»

Она отодвинула корыто в сторону, освобождая проход в дом. Но Анна Фёдоровна задержалась на крыльце.

— Одна ты учиться не будешь,— сказала она.— И жить одна не будешь. Мы трудимся не одни и живём не одни... Ты это запомни. А подружки твои тут не при чём. Просто им обидно, что ты одна всё хочешь делать. Меня к твоему отцу и к тебе послал райком партии, девочка, и наш районный совет. В трудное время людей у нас одних не оставляют.

— Ну, тогда проходите,— сказала Нина, вся красная от стыда и смущения.— Я же ничего этого не знала, кто вас послал. Проходите, отец будет рад...

Она и домой потом проводила Анну Фёдоровну. По дороге Анна Фёдоровна свернула на маленькое городское кладбище. Под тремя высокими берёзами, на холмике, стоял серый каменный памятник. «Марья Давыдовна Никитина» — прочитала Нина на нём и вдруг поняла, что вот здесь и похоронена мать генерала Никитина, та самая простая русская женщина-труженица, в доме которой они с отцом теперь живут. Сад этот посадила Марья Давыдовна, тополёк, смородину...

С глубоким, искренним чувством стояла Нина у памятника. Анна Фёдоровна со стороны внимательно наблюдала за Ниной. Вот она вздрогнула, повела плечами, низко наклонила голову, маленькая и худенькая.

Хорошая она была, маленькая.

Андрей Гаврилович так и не заметил, когда она выросла. Маленький тополь у крыльца за это время достал вершиной до скворечни, старая липа оперлась на крышу ещё одной веткой. Год шёл за годом. Всё больше и больше места в доме занимали нинины книги, всё шумнее становились её друзья. Книгам, подругам и товарищам Нины становилось тесно в доме. «Ну, что ж, всему свой черёд,— говорил сам себе Андрей Гаврилович.— Время идёт, и, пожалуй, скоро придётся оставаться одному. Вон она, дочка, сидит, думает о своём, по-отцовски морщит лоб и упрямо, как мать, сдвигает брови. Сколько лет прошло? Когда она стала такая? О чём задумалась?»

«Отец! — думала в это время Нина.— Милый мой папка! Что дальше делать твоей дочери? Как жить? Кем быть? Всё ты молчишь и молчишь, а мне самой у тебя спросить трудно. Стану учительницей и тогда останусь жить с тобой навечно. А вдруг выучусь на геолога и уеду от те-

бы на Памир или на Камчатку? Как ты останешься один без меня?»

Она решительно тряхнула головой, отгоняя тревожные мысли. Андрей Гаврилович тихо закрыл дверь в свою комнату. Они и без слов понимали друг друга. Только на три дня Нина недавно уехала во Владимир — и в доме сразу стало скучно и одиноко. Конечно, она поручила друзьям присмотреть за отцом, а что из этого вышло?

Галка-чернушка явилась утром на другой же день. Андрей Гаврилович пробо-вал протестовать против присмотра, но напрасно: Галка сразу потребовала «ключи от крепости» — пыльную тряпку и по-ловую щётку.

— У меня всюду чисто, — строго ска-зал Андрей Гаврилович. — Я человек военный и беспорядка не люблю.

— Шли бы вы лучше в сад, — ответила Галка ворчливо, поднимая с пола лоскут-ки и бумажки, — и не мешались под но-гами.

К случаю она продекламировала стихи:

Мужские неудобные углы,
Должно быть, все похожи друг на
друга —

Неделю неметённые полы,
На письменном столе два чёрных
круга

От чайника и от сковороды,
Пучок цветов, засохших без воды,
Велосипед, висящий вверх ногами,
Две пары лыж, приставленных к
окну, —

Весь этот мир в длину и ширину,
Давно измеренный тремя шагами.

— Это что за стихотворение? — спросил Андрей Гаврилович, настораживаясь. — Ты написала?

— Нет, не я, — ответила Галка, взды-хая. — Это стихи Константина Симонова из поэмы «Первая любовь».

— Что? — переспросил Андрей Гаври-лович. — Первая любовь? Сколько тебе лет?

— Шестнадцать, — ответила виновато чернушка.

Андрей Гаврилович внимательно огля-дел её с ног до головы. Галка стояла пе-ред ним с пыльной тряпкой в руках и не собиралась смущаться. Значит, и Нине тоже шестнадцать?

— Читали бы лучше Пушкина, — бурк-нул Андрей Гаврилович. — Когда вырос-ли, шут вас знает...

Приход дяди Вани Голубева был для него истинным спасением.

— Это что ж такое? — спросил Иван Петрович, появляясь в дверях. — Без хо-зяйки и дом сирота? Батюшки мои, да тут хозяек и не сосчитать...

— То-то и оно, что не сосчитать, — ска-зал Андрей Гаврилович, хватая Голубева за руку. — Пойдём, пойдём, — сказал он быстрой скороговоркой. — Посмотришь, как новые яблони принялись. А завтра, смотри, присылай за саженцами, мы все их пересадим в твой колхозный сад. Пой-дём. А эту литераторшу оставим здесь одну.

И он потащил дядю Ваню за собой в сад.

В саду Андрей Гаврилович долго водил Голубева от дерева к дереву, от куста к кусту.

— Садовода тебе своего надо заводить в колхозе, — говорил он. — Сады, брат, вы-ращивать не легче, чем города строить. Поверь. Труда надо много положить.

Иван Петрович глядел на полковника радостно. Очень хорошим и нужным че-ловеком оказывался этот танкист. Старый сад, в котором поселились Тимофеевы, пе-реродился при них. Тимофеевские садовые опыты стали перенимать многие местные садоводы-старожилы. Голубев уже по-на-стоящему любил «своего полковника», хо-тя сам считал себя по природе человеком суровым и зря любовью не бросался.

Вечерами нинины друзья и товарищи собирались у Тимофеевых и рассажива-лись вокруг тёплой лежанки, на которой отдыхал Андрей Гаврилович. Галка, когда Андрей Гаврилович в один из вечеров по-сле жаркого спора о поэзии неожиданно прочитал им наизусть всего «Евгения Онегина», признала его «существом сверхъестественным». Сергей любил его неизменно за что — «за всё». Мальчишк-ишкольники, те, которые знали Андрея Гавриловича поменьше, могли часами, не перевода дыхания, просто слушать его рассказы. О Родине, о Ленине, о Сталине он рассказывал задушевно, просто, по-своему.

— Ну, почему вы, Андрей Гаврилович, так любите природу? — спросил его од-нажды Сергей. — Вы ведь техник, так ска-зать, по роду оружия? Правда?

— Правда, — ответил Андрей Гаврило-вич, как всегда чуть смущённо покачивая головой. — Так уж у нас повелось — лю-бить свою землю смолоду, со всем, что

Вася вернулся и снова водворил чайник на огонь.

есть в ней хорошего... Было с кого брать пример. Владимир Ильич Ленин очень любил природу,— добавил он, помолчав.— И товарищ Сталин тоже любит лесное дело. Жизнь надо любить. Ленин, говорят, мог часами смотреть на лесные цветы и ёлки. Он только не любил сорванных цветов и срубленных без толку деревьев.

В летние тёплые ночи за городом, за рекой зажигались огни. От ограды тимофеевского сада было хорошо видно мерцанье пламени. Там, вдалеке, рыбаки и охотники отдыхали у костров. Там лоси выходили из леса и, стоя в реке, долго пили воду, высоко вскидывая головы и потряхивая огромными рогами. Там таинственно и нежно кричали ночные птицы.

Летними вечерами Андрей Гаврилович часто оставался дома один.

Ночью на реке

На берегу реки было темно и глухо. Под огромными старыми вѣтлами еле слышно журчала тихая ночная волна. Огни костров горели далеко — справа и слева, чуть заметные сквозь дымку тумана.

Они сидели четвером рядом на склонённой над самой водой иве — Галка, Нина, Юля и Сергей,— сидели и молчали. Давно уже погасли на небе последние отблески заката. Неожиданно Галка вскочила, выпрямилась и стала во весь рост над водой. Подняв руки, полузакрыв глаза, она читала Маяковского:

Ты посмотри,
какая в мире тишь.
Ночь
обложила небо
звѣздной данью.
В такие вот часы
встаёшь
и говоришь
векам,
истории
и мирозданью.

Немного постояв в тишине, она спокойно уселась рядом с друзьями. И снова наступило молчание.

Но Галка опять не выдержала тишины. — Скоро мы все разъедемся в разные стороны,— сказала она сердито.— И, может быть, никогда друг друга не увидим. Тогда вы вспомните, противные молчуны,

что только слушали стихи и сами не ска-
зали друг другу ни одного хорошего
слова.

— Я никуда не уеду,— сказала Нина.

— Я тоже никуда,— откликнулся Сер-
гей.— Всё решено. Я остаюсь на комсо-
мольской работе.

— У меня же мать здесь работает зоо-
техником,— сказала Юля.— Я школу
кончу и тоже пойду работать в колхоз,
мне в нашем колхозе нравится.

— А я уеду,— сказала Галка упрямо.—
И стану знаменитой писательницей через
пять лет. И всё про вас и про себя напи-
шу, вот увидите. И про тебя напишу, ста-
рое хорошее дерево. И про тебя, речка.
И про вас, звёзды.

— Это будет очень занимательная
книга,— сказал Сергей, и все засмеялись,
и Галка громче всех.

Огонь над рекой, справа от них, разго-
рался всё ярче и ярче.

Легко, как будто положив руку только
на листья ивы, Нина соскользнула на
землю.

— Пойдёмте,— сказала она.— Знаете,
как пишут в старых книжках, «на огонёк
потянуло»...

И она пошла над яром, не оборачи-
ваясь, а за ней следом покорно пошли то-
варищи.

Ночь вокруг костра стояла высокой до
неба стеной. Когда в огонь падали новые
сучья и еловые свежие лапы, пламя с тре-
ском взвивалось вверх, искры летели в
небо огненным роем и гасли высоко, ря-
дом со звёздами.

С каждой такой новой вспышкой круг
света около костра становился шире, из
темноты на мгновение выступали ветви
ближних деревьев, отблески огня пробе-
гали по стволам ружей и блестящему опе-
рению убитых птиц.

Охотники отдыхали на привале.

Возле костра на траве, подложив под
головы руки, лежали три человека. Один
из них был уже знакомый нам Иван Пет-
рович Голубев, рядом с ним лежал маль-
чик, бледный и тонкий, с серьёзным и за-
думчивым лицом. Чёрная форменная ту-
журка, накинутая на плечи, ещё больше
подчёркивала бледность его лица.

Третьим у огня был высокий круглого-
ловый человек с коротко, по-мальчишечьи
остриженной головой. Широкий, должно
быть, сабельный шрам приподнимал и

морщил кожу его высокого чистого лба, и
оттого на всём его и добром его лице было
постоянное выражение пытливого, удив-
лённого беспокойства.

— Так вот я и приехал сюда,— сказал
круглоголовый человек, видимо, продол-
жая давно уже начатый разговор,— стал
командовать вместо солдат ребятами и
сделался директором детского дома. При-
был, кажется, во-время. Вот этот молодой
человек уже познакомился с целой компа-
нией друзей и товарищей бежать, куда
глаза глядят.

— Я бы и убежал, Александр Ивано-
вич, если бы вы не приехали,— спокойно
сказал мальчик.

— Хорош,— сказал Голубев укориз-
ненно.— Бегун на дальние дистанции. Эх,
парень!..

Он привстал, подбросил в огонь
охапку сучьев и приподнял крышку чай-
ника.

— Выкипел,— сказал он.— Поди, Васи-
лий, зачерпни ещё водички — не в служ-
бу, а в дружбу.

Васа, ни слова не говоря, схватил чай-
ник и мгновенно скрылся в темноте.

— Золотой парень,— сказал Голубев.—
Землю любит. Из него агроном будет та-
кой, вроде Лысенко. Ты знаешь, как их
сюда привезли? От самого фронта, из
Смоленщины, без отцов, без матерей. Го-
ря накопили полные сундуки. Дом стар-
рый, холодный, дров нет. Зима, стужа, в
саду деревья и те в тот год помёрзли.
Хорошо, что ты сюда приехал, Александр
Иванович. Как додумался? Заслуженный
человек, майор, орденов полная грудь... и
пошёл на такую работу. Мы даже удивля-
лись поначалу.

— Очень просто всё вышло,— сказал
Александр Иванович.— И удивляться тут
нечему. Я тебе ещё не рассказывал, как
мы под Смоленском взяли одну деревню?
Небо чистое было, хлеба полегли во-
круг — всё видно, берёзовую рощу вдоль
реки артиллерия снесла начисто, только
щербатые пни да выворотни остались на
том месте. А невдалеке, под горой, на по-
ле, смотрим, люди. Подъехали — всё поле
покрыто... Мальчишки лежат, девчонки.
Там фашисты расстреляли школьников —
девятый и десятый классы одной моско-
вской школы,— продолжал он.— Зачем
эти изверги перебили на поле ни в чём
не повинных детей, так мы и не поняли...
В эту ночь мой сержант в разведке кула-
ком убил фашистского офицера. Снайпер

Михайлов промахнулся, стреляя по немецкому наблюдателю, и плакал от обиды, как ребёнок. А я клятву дал, если жив останусь, — помогать буду другим ребятам по-хорошему жить на свете. После демобилизации встретил я во Владимире на улице троих мальчишек из вашего детского дома, разговорились, а тут вскоре вызвали в обком партии. «Куда хотите на работу?» «А вот, — говорю, — к ним, этим самым». Ну и выписали мне путёвку. Забрал всю троицу с собой и приехал. Жизнь они начали трудно, да и сейчас нелегко им живётся... Запоминай и ты, Иван Петрович! Любюв к ребятам — у нас не только человеческая потребность, а ещё и коммунистическая обязанность. Всем надо это помнить.

Вася вернулся и снова водворил чайник на огонь.

— Готовь заварку, — сказал ему Александр Иванович. — Стели газету вместо скатерти.

— Давно это было, — начал снова он после долгой паузы. — Ещё до войны. Был я помоложе и поглупей. Ездили мы на охоту с товарищами и всё в одно и то же место, на реку. Десять лет подряд ездили и каждый раз праздновали своё прибытие в охотничьи угодья одинаково. В хорошую, ясную ночь выволакивали на берег сухой пень, накладывали на него хворост, поджигали и на самом стремени реки отпускали... И вот ночью мимо нашего стана плыл по воде костёр, красиво освещая берега и деревья на них, потом огонь скрывался за поворотом, и красота кончалась.

Александр Иванович взял с земли кружку с чаем, которую приготовил для него Вася. Задумчиво смотрел на тлеющие угли костра. Воспоминания, видно, овладевали им. Вася слушал с напряжённым вниманием. Иван Петрович прутником размешивал в кружке сахар и помалкивал.

— А потом поехал с нами на реку хороший один человек, — продолжал Александр Иванович. — Нет его теперь на свете: погиб в бою за Родину. Дорогого стоил человек. Так вот он не стал дожидаться, пока проплывёт и скроется огонь, а взял нас с собой и пошёл за огнём по берегу. Чего мы только не видели в эту ночь! И двух волков, и трёх осетров — поднялись они со дна к огню, — и с жеребятами на берегу разговаривали, и рыбаков повстречали... Запомнилась нам та ночь на-

всегда, на всю жизнь. Долго мы думали: почему так вышло, почему увидел этот хороший человек за одну ночь больше, чем мы за десять лет, за десять таких ночей? И, знаешь, до чего додумались? Много проходит мимо человека всякого хорошего в жизни, и, наверно, не надо в это время стоять спокойно на берегу и ждать — пусть, мол, хорошее проплывёт мимо. Надо идти за ним до самого конца, до тех пор, пока не погаснет огонь в твоём сердце.

Александр Иванович замолчал. Голубев одобрительно кивнул головой, приподнялся, выбрал сук подлинней, помешал угли в костре и пододвинул к его середине сухие ветки. Пламя снова ярко вспыхнуло и осветило деревья и кусты по соседству.

— Кто это? — удивлённо вскрикнул Вася. — Смотрите, девчонка!

Нина сидела в пяти шагах от охотников, прямо на земле, охватив колени руками. Спутников её не было видно в полосе света.

Александр Иванович не пошевелился. Голубев посмотрелся и сказал спокойно:

— Пришла? Ну, здравствуй!

Шурик приходит в гости

К последним своим экзаменам в школе Нина Тимофеева готовилась со священным трепетом в душе. Зелёную широкую скамейку она притащила в сад под липу и на ней устроилась со своими тетрадами и задачками. Она даже уши заложила ватой, чтоб не слышать, как поют птицы и гудят пчёлы. Она и по сторонам не смотрела. Самой интересной книгой на свете была для неё сейчас «Тригонометрия» Рыбкина.

Тихий шорох раздался сверху над её головой — она его не расслышала. И, конечно, не заметила, как на заборе, прачась за ветками деревьев, появилась чёрная злодейская фигура.

Долго сидела фигура на доске, положенной поверх забора, а потом ухватилась за ближайшую ветку, раскачалась на ней и спрыгнула в сад. Раздался треск: в заборе оказался гвоздь.

— Ох! — протонала фигура, пролетая по воздуху над нининой головой.

Нина вскочила. Книжки и тетрадки по-

сыпались в разные стороны. На дорожке стоял маленький мальчишка в чёрном форменном бушлате.

— Попался! — сказала Нина злорадно, раздосадованная тем, что ей помешали заниматься. — Штаны разорвал? Очень хорошо. Прелестное дитя!

Мальчишка молчал, придерживая рукой порванные брюки, и смотрел на Нину испытующе.

— Следуй за мной! — приказала Нина. — Бежать тебе всё равно некуда. Сейчас я тебя доставлю, как вражеского разведчика, в штаб к полковнику.

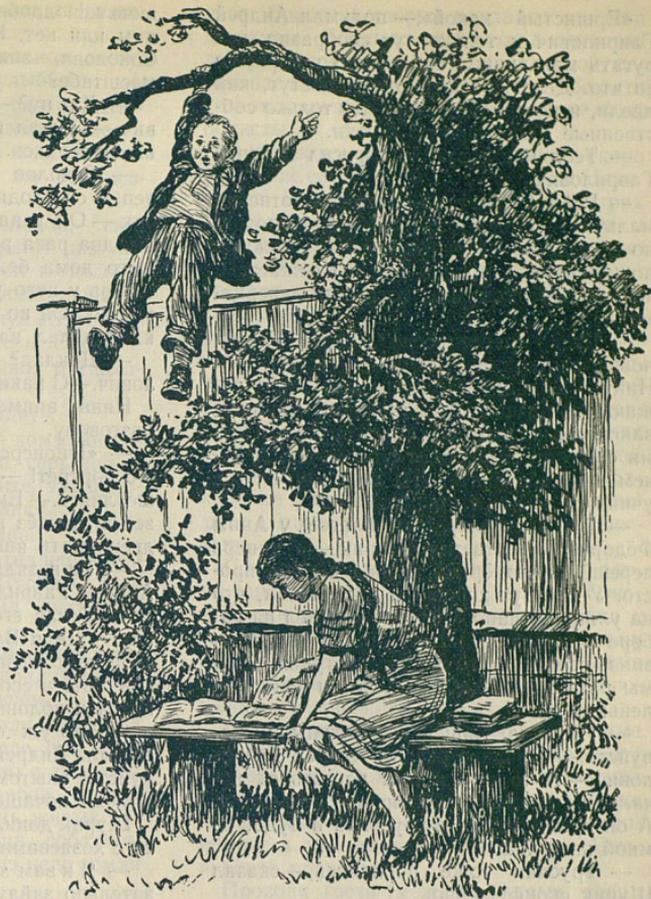
И они отправились в дом, в сени. Здесь летом всегда работал Андрей Гаврилович. Он поседел, погрузнел, но взгляд его попрежнему был ясный и пристальный. Изредка он откладывал в сторону свои записи и сидел тихо, давая отдых больному сердцу. Иногда он тяжело, по-стариковски опуская на стол руки и глядел куда-то поверх деревьев, далеко-далеко... Никто его не должен был видеть в это время. Горе и болезнь не совсем ушли от него. Он только научился бороться с ними.

Нину и пойманного мальчишку он встретил с виду сурово и, на всякий случай, придерживая мальчишку за полу бушлата, стал было читать ему длинное укоризненное наставление.

— Вместо того, чтобы лазить по чужим садам, — сказал Андрей Гаврилович, — завели бы свой. Живёте вместе, коллективом, люди государственные, носите казенную форму, а балуете хуже всяких беспризорников. Докладывай сейчас же, сколько вас там человек, в детском доме?

— Сорок восемь, — ответил мальчик.

— То-то и оно! — сказал с возмущением Андрей Гаврилович. — Вам же такой сад развести во сколько раз легче? У вас

Долго сидел мальчишка на доске, положенной поверх забора, а затем ухватился за ближайшую ветку и прыгнул в сад.

там девяносто шесть рук, а у нас с Ниной только четыре. Что же это получится, если вы все будете лазить ко мне через забор? Эдак ни забора, ни цветов, ни деревьев тут не останется.

Пойманный мальчик не кричал, не вырывался и не оправдывался. Андрей Гаврилович остановился на полуслове и попристальней взгляделся в своего неожиданного посетителя.

Мальчик слушал внимательно, но даже тени испуга не было на его умном и попрежнему серьёзном лице. На коротко стриженной головёнке упрямо торпшились от затылка до темени светлые короткие волосы.

«Ершистый какой», — подумал Андрей Гаврилович и только тут сообразил, что ругать мальчишку, собственно говоря, не за что. Деревья целы, цветы цветут, как цвели, и пострадали пока что только собственные мальчишкины брюки.

— Тебя как зовут? — спросил Андрей Гаврилович.

— Ребята зовут по-разному, — ответил мальчик. — Можно звать Шуриком, можно по фамилии — Никифоровым. Скажите, пожалуйста, а яблони как вы сажаете в землю: семечками или готовыми деревцами?

— Что? — переспросил Андрей Гаврилович, растерянно глядя на смеющуюся Нину. — Яблони? Яблони, мой друг, сажают по-разному. Для садов выращивают раньше саженцы в питомнике, а сами саженцы вырастают из семечек. А зачем это тебе знать? Ты в каком классе учишься? И как ты сюда попал?

— Я учился в третьем классе, у Анны Фёдоровны, — ответил Шурик, — а теперь перешёл в четвёртый. Попал я сюда просто. У вас тут хорошо и пахнет так, что на улице слышно. Сначала я сидел на заборе и нюхал. А потом взял и прыгнул вниз, сверху всего не рассмотришь. Сад мы разводим тоже. Только он ещё маленький.

— Ниночка! Зашей ему штаны, пожалуйста, — ворчливо сказал Андрей Гаврилович. — А то ему может влететь от начальства за порчу казённого имущества. А он пока посидит в трусиках и будет со мной пить чай.

— Трусики тоже порвались, — сказал Шурик сконфуженно.

— Дай ему мои штаны, — сказал Андрей Гаврилович. — На время ремонта подвижного состава. А я ему расскажу, как сажать яблони...

Когда Нина принесла в сени аккуратные зашитые брюки мальчугана, разговор Шурика и Андрея Гавриловича шёл совершенно по-деловому.

— Трёхлетки, стало быть, высаживают? — говорил Шурик озабоченно. — Васька Соколов мне нипочём не даст.

— Придётся уж мне тебе дать, — говорил Андрей Гаврилович, вздыхая. — Жалко, конечно, да куда ж денешься? Варенье бери, накладывай. Пей чай, не стесняйся. Кормят вас в детском доме хорошо? А кто это такой Васька Соколов и откуда у него яблони?

Шурик посмотрел на Андрея Гаврило-

вича исподлобья, не зная, смеётся он над ним или нет. Как можно не знать Васю Соколова, знаменитого во всеююзном масштабе?

— Да ну? — сказал Андрей Гаврилович. — Отстал я от жизни. Ты уж на меня не сердись.

— Соколов у нас — главный мичуринец, — снисходительно разъяснил Шурик. — Он у партизан был во время войны, два раза раненый. Сначала он из нашего дома бежать хотел к Лысенко, а теперь у него у самого яблонь целый питомник. Он во Владимире в этом году доклад делал на слёте.

— Доклад? — повторил Андрей Гаврилович. — С какими людьми живёшь рядом!

Нина внимательно прислушивалась к разговору.

— «Пионерская правда» напечатала его портрет! — воскликнул Шурик, воодушевясь. — Ему дядя Ваня Голубев земли привёз на своих лошадях и навозу двенадцать ящиков...

— Ты и дядю Ваню знаешь? — спросил Андрей Гаврилович.

— У нас его все знают, — сказал Шурик. — Дядя Ваня нам очень помогает со своими колхозниками. А вот Васька Соколов хоть и свой человек, а опытом не делится и яблонь нам не даёт.

— Это уж от жадности, — осуждающе сказал Андрей Гаврилович. — Я, пожалуйста, опытом всегда рад поделиться. Заходи почаще.

Шурик допил чай и вежливо попрощался с хозяйками дома.

— Я к вам зайду, — сказал он. — Я обязательно зайду. Вы не беспокойтесь, скоро увидимся.

— Вот и хорошо, — сказал Андрей Гаврилович и крепко пожал руку Шурика. — Приходи. А то, знаешь, мне беспокоиться вредно.

Нина проводила мальчика до калитки.

— Можешь здесь ходить, — сказала она. — Я тебе не буду зашивать штаны каждый день. Люди порядочные ходят ногами по земле, а через заборы лазают только кошки и жулики.

Она уже положила руку на щеколду, собираясь открыть калитку, и задержалась.

— Девочки у вас есть в детском доме? — спросила она с неожиданным интересом.

— Есть, — сказал Шурик пренебрежительно. — Они везде есть. У нас шестна-

дцать девочек живут, не считая Наташки Ивановой.

— Почему же она на отдельном счёту, Наташа? — спросила Нина, улыбаясь.

— Очень выдающаяся, — сказал Шурик. — Она по прыжкам в высоту с места всех мальчишек побила. И в воду она ныряет вниз головой. Какая же это девочка?

— Я тоже ныряю вниз головой, — сказала Нина, и Шурик в первый раз посмотрел на неё с уважением и недоверием. — А заведующего вы своего любите?

— Директора? — воскликнул Шурик. — Александра Ивановича?! Очень! Очень!

— За что? — спросила Нина, распахивая калитку.

Теперь Шурик медлил уходить.

— Александр Иванович — коммунистический человек, — ответил он серьёзно. — Все у нас это знают... Скажите, это правда, что у вас отец — полковник?

— Правда, — ответила Нина.

— У меня отец был артиллерийский сержант, — гордо сказал Шурик. — А у Василия Соколова отец был лейтенант бронетанковых войск.

На другой день он опять появился в Тимофеевском саду. Он очень подружился с Ниной и Андреем Гавриловичем.

Когда Нина окончила школу и пришла домой с аттестатом в портфеле, она у себя на крыльце нашла ведёрко с земляникой, три десятка белых грибов, двенадцать окуней и двадцать семь живых раков — драгоценные сокровища, собственноручно добытые Шуриком из недр земли и воды.

Окуни ещё шевелили хвостами. Сердитые раки, сухо шурша клешнями о доски, распозались в разные стороны.

— Удивительно, как это они до сих пор не уползли отсюда к чертям собачьим! — энергично высказалась Нина, подхватывая за спину самого большого злущего рака.

Вместе со злущим раком она подняла в воздух и десяток его сотоварищей. Предусмотрительный Шурик на всякий случай привязал раков суровой ниткой — одного к другому.

Дом на улице Карла Маркса

В конце улицы, на самом краю городка, стоял двухэтажный, старинной постройки дом. К дому примыкал сад и большой

двор. Сразу за двором начиналась и шла до самых «Чёрных оврагов» болотистая луговина, пустая земля, на которой летом паслись городские козы. В сухое лето коз отсюда прогоняли детдомовские футболисты.

В ближнем углу пустой земли скоро появился со своим отрядом Шурик Никифоров. Никто не знал, что второй отряд заключил тайный договор о дружбе и взаимной помощи с полковником Тимофеевым. Когда хватились, десять яблонь-трёхлеток стояли уже на пустой земле, заботливо отгороженные от коз проволокой и кольями.

Разведчики первого отряда донесли совету дружины, что поздними вечерами на это самое место подряд четыре раза приходила «неизвестная гражданка средних лет» с лопатой и граблями, вроде похожая на полковничью дочку, а самого полковника разведчики в темноте не разглядели и потому о нём ничего не докладывали.

Совет решил и решил, что дело всё равно хорошее, хотя и тайное. Василий Соколов, раньше и не замечавший Шурика с высоты своих пятнадцати лет, стал к нему приглядываться внимательно и даже один раз самолично наведаясь на отгороженную территорию второго отряда.

Шурик, опустив в землю свои хитрые глазенки, встретил знаменитого собрата с подчёркнутой вежливостью и нарочитым почтением. К этому времени Васю иначе и не называли в доме, как учёным-агрономом и членом-корреспондентом «Пионерской правды».

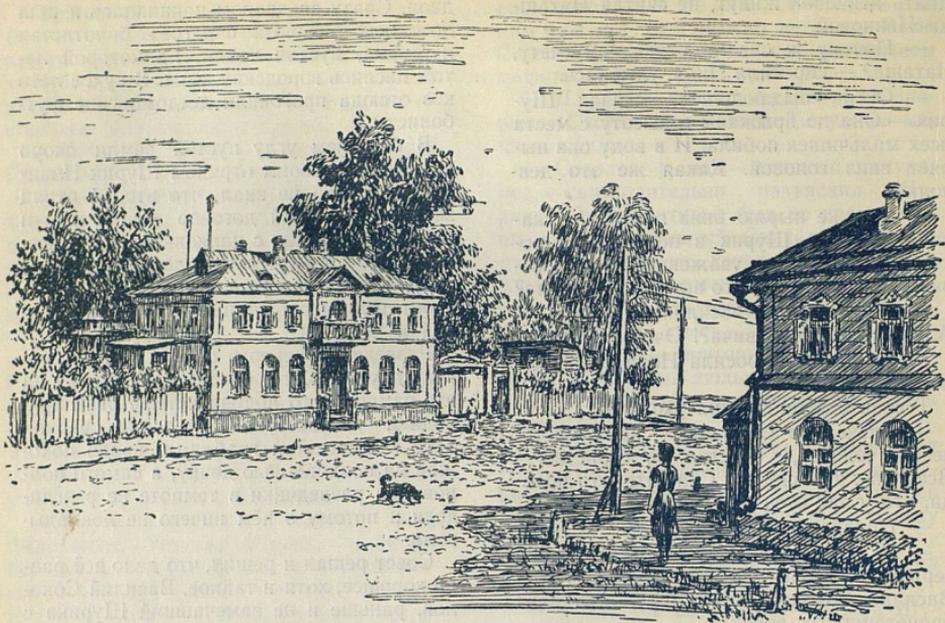
Проводя гостя между рядами своих маленьких яблонек, Шурик не хвастался и даже не улыбался, что ему было уже совсем трудно.

Вася тоже смолчал, но сразу же по возвращении с участка Шурика высадил в саду детского дома в порядке опыта, несмотря на позднее летнее время, ещё два десятка корней красной и чёрной смородины.

Шурик немедленно явился к Андрею Гавриловичу и полчаса деликатно разговаривал о погоде.

— Что тебе надо? — спросил наконец Андрей Гаврилович, потеряв терпение. — Что ты у меня здесь крутишься, как танкетка с порванной гусеницей?

— Смородины надо, — сказал Шурик шёпотом. — Соколов высаживает смородину.

Каменный двухэтажный дом на улице Карла Маркса Нина увидела издали.

Весь день Нина ходила по саду одна и в задумчивости ела кислые яблоки.

Вечером она ушла из дому и долго стояла на улице против городского сада, не решаясь тронуться с места. А потом вдруг махнула рукой и пошла и пошла, не останавливаясь.

— Я только посмотрю, как они там живут и что делают,— сказала она, оборачиваясь, как будто Андрей Гаврилович мог видеть её и слышать. — Здесь недалеко. Я знаю.

Каменный двухэтажный дом на улице Карла Маркса Нина увидела издали. Неужели это тот самый детский дом, такой невесёлый и мрачный с виду? Не ошиблась ли она? «Два шага, три шага... сделаю сто шагов и побегу обратно»,— решила Нина.

Но с каждым новым сделанным шагом старый дом становился веселее и приветливее. Две хорошие резные скворечни поднимались к небу над слуховым чердачным окном. Нина сразу заметила, что и к берёзке во дворе приделан «синичник» — птичий дом поменьше скворечника — пристанище для поползней, синиц

и вертишейек. Стало быть, птиц в этом доме любили.

Крупные подсолнечники и мальвы выглядывали из-за невысокого забора. Серый кот сидел на крыльце и усердно натирал морду лапой — «намывал гостей». Девочка в белом платье с синими горошинками стояла у ворот и, задрав голову, глядела на верхушку высокого дерева.

Нина остановилась. Она даже руку не успела протянуть и приласкать маленькую. Девочка сама, доверчиво улыбаясь, подошла к Нине. Ещё через минуту они уже стояли совсем рядом, тесно прижимаясь друг к другу.

Мгновенно открылось окошко над крыльцом, и ещё две девочки, постарше, в коричневых платьях и чёрных передниках с одинаковыми белыми косичками на затылках, высунулись из окошка на улицу.

— Видала? — сказала одна. — Вот у неё коса, так коса!

— Видала, видала,— ответила вторая. — Такие волосы мыть намучаешься.

— Девочки, — сказала Нина. — Мне очень нужен Шурик Никифоров.

С дерева посыпались ветки и листья. Сопя, как медведь, задом наперёд, слез с дерева небольшой, толстый и совсем Нине неизвестный товарищ с рыжими веснушками на носу.

— Я сейчас Шурика найду,— сказал он.— Шурик — мне друг.

— Это Женька Смирнов, задавала,— пискнули девчонки наверху.— Мы сами найдём.

И все трое исчезли.

Нина осталась у ворот вдвоём со своей новой маленькой приятельницей.

— Как тебя зовут, маленькая? — спросила она.— Марусей?

— Меня зовут Надей,— заявила девочка.— Только я уже не маленькая, мне скоро будет, знаешь, сколько лет?

— Пять? — спросила Нина.

— Восемь,— обиженно ответила девочка.

Открылось окно внизу. В окне показались мальчик. В руках он держал две гантели и крутил их над головой с суровым и решительным видом.

— Физкультурник,— догадалась Нина.

— Восе нет! — воскликнула Наденька.— Это Пётр Потапов нагоняет мускулы. Ему вчера Шурик наподдал, так он завтра хочет наподдать Шурику.

— Гм! — неопределённо сказала Нина.

Таинственное весёлое движение тем временем происходило в доме. Далеко во дворе, точно под дугой, зазвенел колокольчик. Кот на крыльце прислушался к звону, перестал умываться и удалился во двор, недовольно помахивая хвостом.

— Шурика ищут,— объявила Наденька.— Кот Архип пошёл, думает: пионерская тревога. Кот Архип пионерской тревоги не любит.

— Несознательный кот,— сказала Нина.

Весело и беззаботно, показалось Нине, жили здесь люди.

На улице перед запертыми воротами стоять было скучно. От нечего делать она попробовала заглянуть в окно рядом с крыльцом.

— Не надо туда смотреть,— сказала Наденька строго.

— Почему? — удивилась Нина.

— Там сидит Воробышек и, наверно, плачет,— пояснила серьёзно Наденька.

— Воробышек?

— Человек-воробышек, — разъясила Наденька.— Его ещё Сашей зовут, а по фамилии Воробьёв.

— А почему же он плачет? — допытывалась Нина.

— Он сегодня книгу прочитал, очень на правду похожую,— сказала Наденька серьёзно.— У него маму и сестрёнку фашисты убили.

— Почему же он один? Нехорошо,— взволнованно сказала Нина.

— Хорошо,— подтвердила Наденька,— он сам знает, как ему лучше.

Помрачнев, задумавшись, Нина протянула руку к калитке. Нет, не очень весело жили здесь ребята.

— Не трогай! — с ужасом вскричала Наденька.— Ты палкой открой...

Над забором появилась колючая метла, сшибла с ворот хитро приспособленную банку с водой, и Нина поняла, что на этот раз отделалась легко: купаться ей не хотелось.

В воротах показался старый дед, сердито грозя кому-то невидимому.

— Сладу нет с ними, — сказал он Нине, видимо, ожидая сочувствия. — И заботы о них, к слову сказать, нехватает.

Он покосился на закрытое окно рядом с крыльцом.

— Ничего, дедушка,— улыбнулась ему Нина, проходя во двор.— Всё будет хорошо. Меньше на них надо обращать внимания.

Деда даже в сторону шатнуло от таких слов.

— Как же так, не обращать внимания? — спросил он возмущённо.— Попробуй-ка не обрати. Они сами твоё внимание обратят куда хочешь. Выдумала тоже!

Он бы ещё, наверно, сказал Нине что-нибудь такое обидное. Но из сарая, что стоял в глубине двора, просунулся к дому белый с чёрной отметиной на лбу телок, быстро сжевал забытое на умывальнике туалетное мыло и, очень довольный, поскакал по двору, всем на удивление пуская мыльные пузыри. Дед ахнул и кинулся за телком в погоню.

Маленькая Наденька всё ещё не выпускала ни одной руки. Она и во двор пришла за Ниной следом, не отставая.

— Вот так и живём,— сказал весёлый голос неподальёку.

Нина обернулась и увидела рядом с собой знакомого человека. Ну, конечно, это был он, тот самый ночной рассказчик, Александр Иванович, в высоких охотничьих сапогах и гимнастёрке, подпоясанной широким офицерским ремнём. Как это он

говорил в ту ночь? Не надо стоять спойно на берегу и ждать — пусть хорошо проплывёт мимо?..

— Здравствуйте, — Нина Тимофеева, — говорил тем временем Александр Иванович. — В гости пожаловали? К Шурику? А Шурика нет, он на своей делянке работает, за ним пошли. Смотрите, как Надя полюбила вас! — воскликнул он. — Знает, не зря, — она у нас в людях разбирается. С отцом вашим я встречался в райкоме партии, давайте и с вами познакомимся как следует. Васильев, Александр Иванович, здешний директор.

Он крепко пожал Нине руку и, будто невзначай, поглубже заглянул ей в глаза.

— Ну, как мы вам нравимся? — спросил он. — Говорите, не стесняйтесь.

— У вас тут оживлённо, — уклончиво ответила Нина, всё ещё с недоверием поглядывая на старый дом.

Они отошли в сторону, и ребята, видя, что Александр Иванович о чём-то серьёзном разговаривает с посетительницей, оставили их в покое. Даже Наденька отцепилась от Нины и потихоньку пошла к одинокому тополю, под которым в большой куче песка копошились два мальчугана.

Перед тем как уйти, Наденька и с ними познакомила Нину. Уж если, мол, я решила показывать вам хозяйство, так, пожалуйста, исполню свой долг до конца.

— Это Кирка-озорник! — сказала она, указывая на загорелого голого мальчишку в коротких трусиках-плавках. — Видите, у него на плече большущий сыняк? Это он упал с курятника и разбился вдребезги. А этот, поменьше, Васё Васич, — рёва-корова.

Нина вежливо оглядела и рёву-корову и «развишегося вдребезги» озорника.

— Хороши? — спросил Александр Иванович.

— Очень! — ответила Нина.

— Трудно у них жизнь началась, — сказал Александр Иванович задумчиво. — Кроме нас с вами, никого у них не осталось в жизни... Ни родных, ни близких...

Нина поглядела на Александра Ивановича. Почему это он сказал: «Кроме нас с вами?»

— А сами они трудные? — спросила она тихо. — Вам с ними трудно?

— Каждая работа трудна, если человек работает по-настоящему, — серьёзно ответил Александр Иванович.

— Шурик вам даёт отличные рекомендации, — сказал он без улыбки, глядя на Нину в упор. — Я говорил о вас с директором школы и с комсомольцами. Учитесь вам дальше всё равно придётся заочно: от отца уезжать нельзя. Идите к нам работать воспитательницей и вожатой.

— Меня самое надо ещё воспитывать, — сказала Нина растерянно. — «Торопыга какой!» — подумала она, а вслух добавила: — Как это можно так сразу? Меня райком комсомола ни за что в вожатые не назначит. Вы меня ещё не знаете, какая я есть!

— Узнаем, — сказал Александр Иванович. — О чём беспокоиться! Поработаем вместе, подружиться и узнаем. Как же иначе?

Через плетень в углу двора на всём скаку перемахнули Шурик и Женя Смирнов. Увидев Нину и Александра Ивановича, оба закричали радостно на весь двор:

— Здравствуйте! О-го-го!

По всему дворовому фасаду здания сразу открылись и закрылись форточки и окна. С кем это там здороваются друзья-товарищи? Что за человек появился на дворе: свой или чужой?

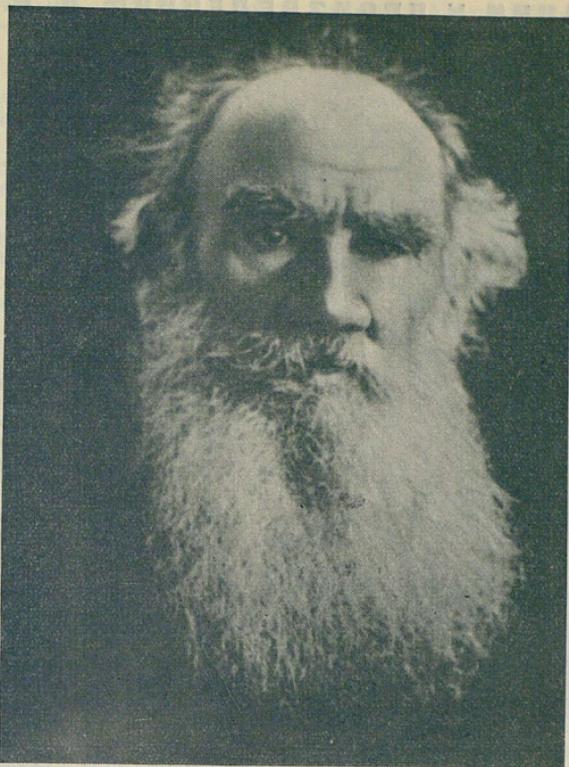
— Что случилось, Нина? — тем временем спрашивал обеспокоенный Шурик. — Почему ты пришла? Здоров ли Андрей Гаврилович?

— Здоров, здоров, не волнуйся, — ответила Нина. — Я, Шурик, пришла по очень важному делу. Я, Шурик, сейчас домой пойду. Не удивляйся, я к вам скоро опять приду.

На улице, отойдя от дома сотню шагов, Нина обернулась. Необыкновенный, пылающий густым лиловым огнём, поднялся над Чёрными оврагами закат. Окна старого дома горели золотым резким пламенем, отражая лучи заходящего солнца. Весь дом был похож сейчас на огромный, чудесный, как в сказке, корабль. Нине показалось, что сверкающий дом-корабль тронулся с места и плывёт.

Вот так и решила её судьба, очень просто.

(Продолжение в следующем номере)

ЛЮБИМЫЙ ПИСАТЕЛЬ

М. Прилежаева

В один из воскресных дней этого лета я со своими друзьями побывала в Ясной Поляне. Из Москвы мы выбрались рано. Стояло серенькое, неприветливое утро. Всю восточную сторону неба завесила туча — там изредка поблёскивали молнии, негромко урчал, перекатываясь по небу гром. Туча ползла на Москву. День потемнел.

Не отложить ли поездку? Но мы всё же поехали.

Помню давние детские годы, когда я впервые взяла в руки том из сочинений Толстого. Это был роман «Война и мир».

Я ничего не знала о Толстом, название романа показалось мне слишком взрослым и строгим, начала я читать его оттого лишь, что томилась тишеусланным желанием

казаться старше своих двенадцати лет. Помню чувство ни с чем несравнимого блаженства и счастья, овладевавшее мною всё острее и глубже по мере чтения книги. Ничто уже не могло меня от неё оторвать: ни лапта, излюбленная ребячья игра времён моего детства, ни сборы подруг по грибы, ни другие летние дела и забавы. Я спряталась в самый дальний угол огорода, где позади картофельных гряд буйно росли лопухи, и читала. Нет! Я жила — радовалась, страдала, негодовала, любила! Я узнавала людей, таких живых и таких настоящих, что отчётливо слышала их голоса, различала походки и жесты, видела этих людей яснее и зорче, чем умела видеть действительно существующих в жизни, мне известных людей,

Образы героев романов и повестей Льва Толстого постоянно привлекают художников. Многие иллюстрации к его книгам принадлежат талантливейшим мастерам. Некоторые из них мы помещаем в этом номере журнала.

Слева — иллюстрация Е. Лансере к повести «Хаджи Мурат»: «Выезд Хаджи Мурата с мюридами».

Внизу — иллюстрация Д. Кардовского к повести «Детство»: «Утро в доме Иртеньевых».

сделала за их судьбами с такой силой участия, таким душевным волнением, равным которым не переживала до тех пор никогда.

Что-то необыкновенное со мной происходило. Это была потрясённость чудом искусства.

Встреча с Толстым — самое значительное событие моего детства. Не беда, что многое в романе осталось для двенадцатилетней девочки непонятным. «Война и мир» читается много раз, каждый возраст находит в этом грандиозном произведении искусства новые богатства, и мудрость, и прелесть.

Но я знаю, что любить правду в искусстве и в жизни меня научил Толстой. И я рада, что случилось это в ту пору, когда впечатления от искусства и жизни так глубоки и свежи.

...Любимой моей героиней была, конечно, Наташа Ростова. Не потому, что мне хотелось ей подражать. Наташа Ростова вызывала другое чувство — счастливую влюблённость в неё. Меня в Наташе пленили одарённость, страстность и искренность, простота и естественность, душевная щедрость и жизнь, бывшая в ней ключом.

Но мне казалось всегда, что Толстому, с такой любовью и правдой создавшему пленительный образ Наташи, в её характере милее всего те трудно определимые словами черты, которые составляют силу характера русского. Вся во власти художественного гения Толстого, и я восхищалась русской пляской Наташи и ликовала, когда она велела сбросить с подвоя графское добро, чтобы из Москвы, осаждённой французами, вывезти раненых русских солдат.

Княжна Марья показалась мне скучной. Милосердие и смиренность её не находили живого отклика в сердце. Но, когда в год нашего французов Марья Болконская с негодованием и гневом отвергла предложение m-lle Вогиёппе сдать её на милость и под покровительство подставившего к дому врага, поведение её вызвало гордость. Некрасивая, слишком уж кроткая и безответная, княжна Марья сразу выросла, засветилась новым светом, стала дорога и близка.

Может быть, первые, ещё наивные, но жаркие мысли о достоинстве, долге и чести возникли тогда над романом «Война и мир», который, не переводя дыхания, читался босоногой девчонкой в зарослях

лопухов. Может быть, и первый восторг любви к Родине родился тогда же.

Это чувство в дни моего детства связано было с впечатлением от короткой, стремительной жизни Пети Ростова.

Детская ребячливость Пети, и его безрассудная, честная смелость, и волшебное небо, увиденное им незадолго до гибели в стычке с французами, и торжественный хор инструментов, звучащий в переполненном радостью, готовом к подвигу сердце, — этот пылкий юношеский характер, эта чудесная жизнь навсегда запали в душу.

Сколько человеческих судеб, счастливых и горьких, простых и величественных, прошло перед глазами! Огромен мир!

В этом мире, рядом с Петей, Наташей, умным Андреем Болконским и рассеянным мечтателем Пьером, рядом с капитаном Тушиным и множеством, множеством других хороших людей, были Борис Друбецкой, Элен Безухова, Жюли Карагина, Берг...

Я ненавидела их ненавистью подростка, оскорблённого существованием пошлости в то чудесное время роста души, когда она тянется ко всему высокому, светлому.

Я заметила, что эти, с беспощадным презрением разоблачённые Толстым, холодные, мелко расчётливые, ничтожные и фальшивые люди лишены чувства Родины и всего прекрасного, что связано с ним. Никогда не зазвучит в их сердцах петин сладкий и торжественный гимн, никогда не откроется им высокое небо, распахнувшееся после Аустерлицкого боя над Андреем Болконским... Жалкая, бедная жизнь!

Окончив читать «Войну и мир», я стала взрослее и старше. Пережитые наслаждения, чувства и мысли и новые, очень важные знания о людях и жизни оставили на душе яркий и значительный след.

...Обо всём этом я вспомнила по дороге в Ясную Поляну. Я не бывала там раньше, и волновалась, и досадовала, что в день нашей поездки выпала такая сумрачная погода.

Туча нагнала нас за Серпуховом и пролилась бурным дождём. Потом поднялся ветер, разорвал в клочья тучу, разнёс её, и мокрая зелень деревьев и трав заблестела на солнце.

Мы ехали Тульской областью. Шоссе то высоко взбегало вверх, то низко опускалось в лошину; эти взлёты и спуски были похожи на волны: машина, казалось,

Иллюстрации В. Серова к новому изданию романа «Война и мир». Вверху: Приезд Николая Ростова и его друга Денисова из армии домой. Внизу: Батарея капитана Тушина под Шенграбенем.

летела с волны на волну,— и всё время нас сопровождала неоглядная ширь полей и лугов, с синей лентой лесов на горизонте. Иногда дубовые и липовые леса приближались к шоссе, и вот уже это дубы и липы Ясной Поляны.

Количество машин у въезда в Ясную Поляну нас поразило. Десятки легковых, грузовых автомобилей и автобусов выстроились в терпеливую очередь, тысячные толпы людей рассеялись по дорожкам яснополянского сада. Группа за группой сменяла друг друга, непрерывным потоком вливалась посетители в Дом-музей Льва Толстого. Я знала, как любит и почитает Толстого советский народ, но не представляла размаха этой любви.

Конечно, среди посетителей больше всего молодёжи и детей, но много и людей среднего возраста, пожилых, стариков. Рабочие, колхозники, люди всех профессий и разных национальностей собрались сегодня сюда, и мне невольно припомнились слова Пушкина:

«Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастёт народная
тропа...»

Дом Толстого в Ясной Поляне белый, он стоит высоко, вокруг тенистый парк, переходящий в глухой смешанный лес, заросший орешником и частым кустарником. Папоротник в этом лесу по колено, на сотни разных голосов свищут птицы; вдруг, словно солнечный луч, скользнёт и скроется во мраке старого ельника огненно-рыжая белка...

Мы бродили по дорожкам и тропкам парка и леса, и нам доставляло почти детскую радость узнавание описанных Толстым мест.

Вот знакомый пруд, дряхлая ива склонилась над ним, опустив в воду ветви. Деревня на крутом косогоре. А вот весёлая,

солнечная поляна, похожая на зелёное озеро среди столетних дубов и берёз.

Родная, бесконечно милая сердцу природа! Все-то дороги исхожены здесь Толстым, сколько на этих дорогах передумано дум!

«Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и моё отношение к ней», — говорил Толстой.

Наконец мы вошли в дом. Здесь написаны «Война и мир» и большая часть произведений Толстого.

Как скромно и просто! Обстановка дома Толстого поражает своей безыскусственностью. Никаких следов роскоши, никаких украшений, кроме портретов предков и родственников на стенах.

Зато почти во всех комнатах книжные шкафы. Книг много, они всюду, они-то и создают обстановку дома, его атмосферу. Книги, да два изящных концертных рояля в столовой, да неперестанное ощущение близости сада, леса, полей и неба за окнами дома.

Мы долго стояли возле стола, за которым Лев Николаевич Толстой работал. Мы видели его дешёвенькую деревянную ручку, простой чернильный прибор, пресс-папье — глыбу зеленого стекла с написанными на ней золотом словами любви и уважения к великому писателю Русской земли.

Эта глыба была прислана Толстому рабочими Мальцевского стекольного завода в тот год, когда почитаемый всем миром писатель был отлучён от церкви.

На письменном столе две свечи. Они потемнели от времени. В холодную октябрьскую ночь 1910 года Лев Толстой погасил эти свечи и ушёл из Ясной Поляны...

От дома через весь парк и лес, наконец перерезав их, ведёт дорога к реке. На половине дороги к ней подступает из старого Заказа (название этой части леса) глубокий овраг. Здесь, у дороги, на краю оврага, Толстой в детстве играл в «зелёную палочку», на которой будто написана тайна, как сделать народ счастливым. Палочка зарыта в землю, и нужно

её разыскать, тогда все люди на земле будут счастливы. То была детская мечта. Но каждой строкой своих книг Толстой всю жизнь боролся за счастье людей!

Сейчас на обрыве над оврагом — холм, обложенный зелёным дёрном. Могила Толстого.

Шумит над холмом старый лес.

...На обратном пути мы увидели в парке группу девочек, собравшихся возле могучего, широко раскинувшегося сучья, молодого зелёного дуба. Это были школьницы, может быть, ученицы Яснополянской школы. Лица школьные, светлые и юные, хранили сейчас выражение сосредоточенного внимания, раздумья. Одна из девочек, выступив на шаг вперёд, чуть вскинув голову, говорила, обращаясь к дубу:

«Уже было начало июня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, въехал опять в ту берёзовую рощу, в которой этот старый, корявый дуб так странно и памятно поразил его. Бубенчики ещё глуше звенели в лесу, чем полтора месяца тому назад; всё было полно, тенисто и густо...

...«Да, где он?» — подумал опять князь Андрей, глядя на левую сторону дороги и, сам того не зная, не узнавая его, любовался тем дубом, которого он искал. Старый дуб, весь преобразённый, раскинувшись шатром сочной, тёмной зелени, млея, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого недоверия и горя — ничего не было видно. Сквозь жёсткую, столетнюю кору пробились без сучков сочные, молодые листья, так что верить нельзя было, что этот старик произвёл их. «Да это тот самый дуб», — подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. Все лучшие минуты его жизни вдруг и в одно и то же время вспомнились ему...

...Нет, жизнь не кончена...»

Да. Жизнь продолжается, — подумали мы. — Всюду юная, свежая, сильная поросль её. И «зелёная палочка», о которой мечталось Толстому, открылась людям на нашей земле.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ

Лев Николаевич Толстой в 1854—1855 годах,
во время Крымской войны.

Все вы, наверное, знаете «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого. Лев Николаевич Толстой сам участвовал в обороне Севастополя во время Крымской войны. Он сражался на труднейшем участке обороны — прославленном 4-м бастионе.

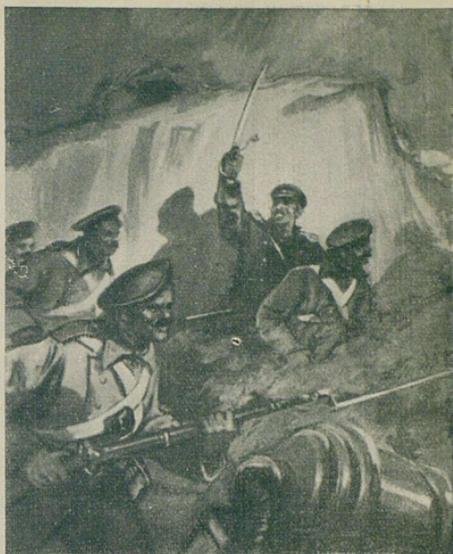
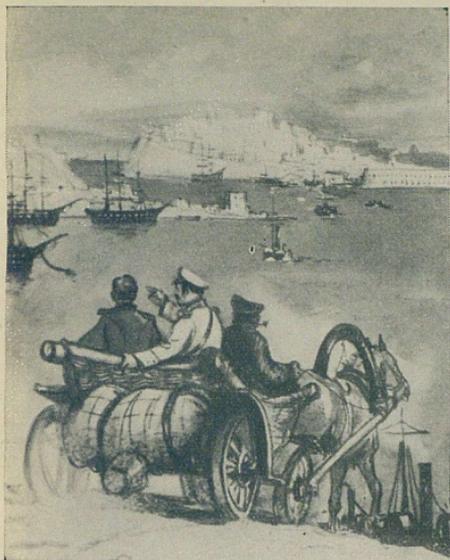
«Когда кто-нибудь говорит, что он был на 4-м бастионе, он говорит это с особенным удовольствием и гордостью; когда кто говорит: «я иду на 4-й бастион», непременно заметно в нем маленькое волнение или слишком большое равнодушие; когда хотят подшутить над кем-нибудь, говорят: «тебя бы поставить на 4-й бастион»; когда встречаются носилки и спрашивают: «откуда?» большей частью отвечают: «с 4-го бастиона», — писал Лев Николаевич.

Сражаясь рядом с солдатами и матросами, рядом с простыми людьми, Толстой увидел и понял мужество и беззаветную любовь народа к Родине. «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский», — утверждал Толстой. Величие русского народа — главная мысль его «Севастопольских рассказов».

Осаждённый Севастополь. Четвёртый бастион.

Рисунок с натуры художника Н. Берга.

Художник А. Кокорин сделал ряд иллюстраций к новому изданию «Севастопольских рассказов». Перед вами рисунки: «Вид на Севастополь», «Атака» и «Удачный выстрел».

Л. Н. Толстой за работой в «комнате под сводами». С картины И. Е. Репина.

ПОЕЗДКА С ТОЛСТЫМ

И. Репин

Зимой в 1892 году (во время голода) я был у Льва Николаевича в Тамбовской губернии, где он кормил голодающих в организованных им столовых. Снегу выпало тогда невероятно много. Заносы заметали все дороги и совершенно заглаживали все, даже глубокие овраги.

Район столовых Льва Толстого раскинулся вёрст на тридцать, и Лев Николаевич несколько раз в неделю объезжал их для проверки.

— Не хотите ли прокатиться со мною? — пригласил он меня.

Я, конечно, с удовольствием.

— Да у вас это городская шинель, этого мало, в поле продует, надо одеться по-теплее. Не наденете ли мой тулуп?

Тулуп чёрной овчины, крытый синим полусукном, был так тяжёл, не поднять, и я решил остаться в своей шинели; по-

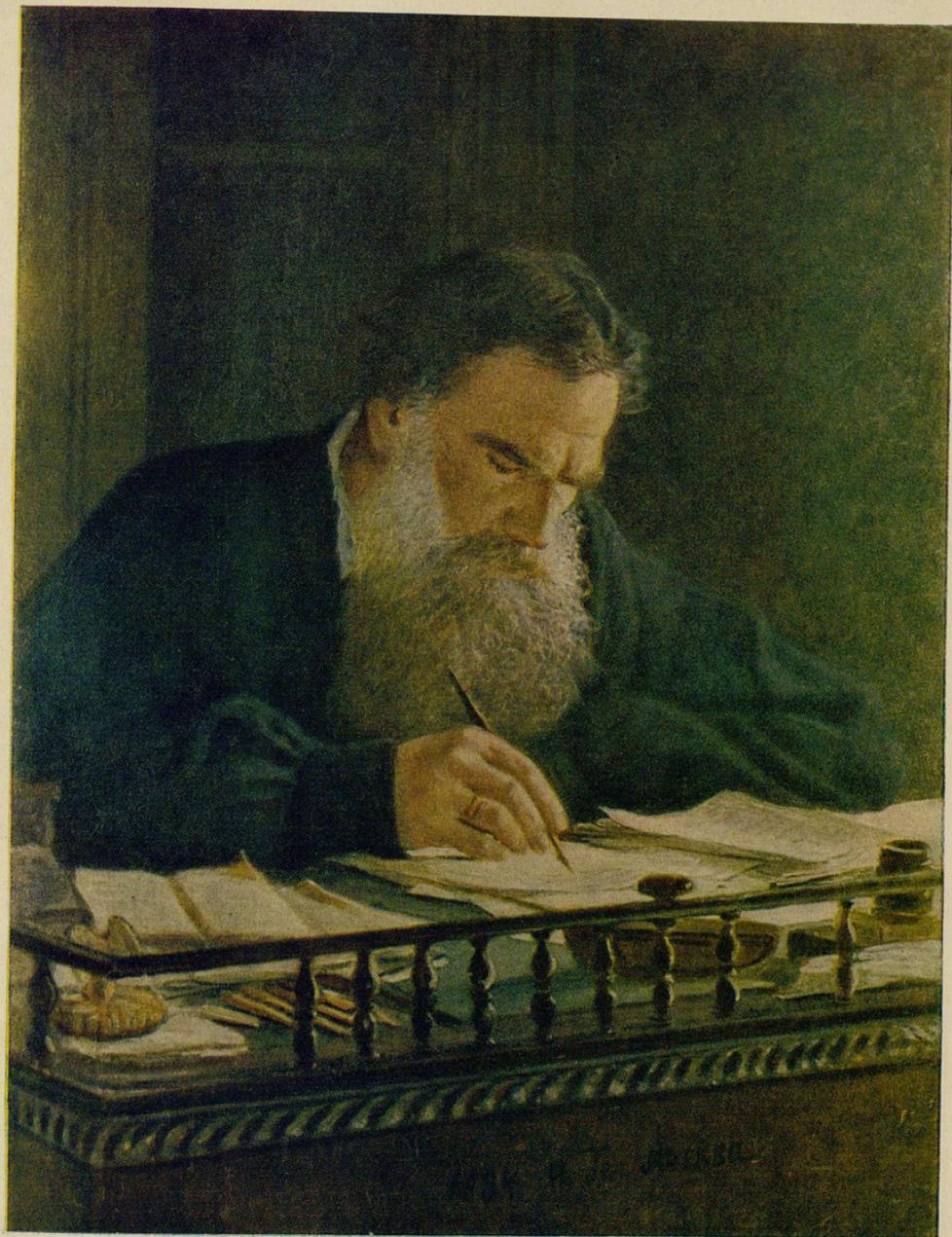
просил только ещё что-нибудь поддеть. А главное — валенки.

— Непременно наденьте валенки. Что, глубокие калоши? — Нет, без валенок нельзя ехать, — вы увидите. У нас запасные есть.

И, действительно, я увидел, после узнал и был очень рад, что надел валенки.

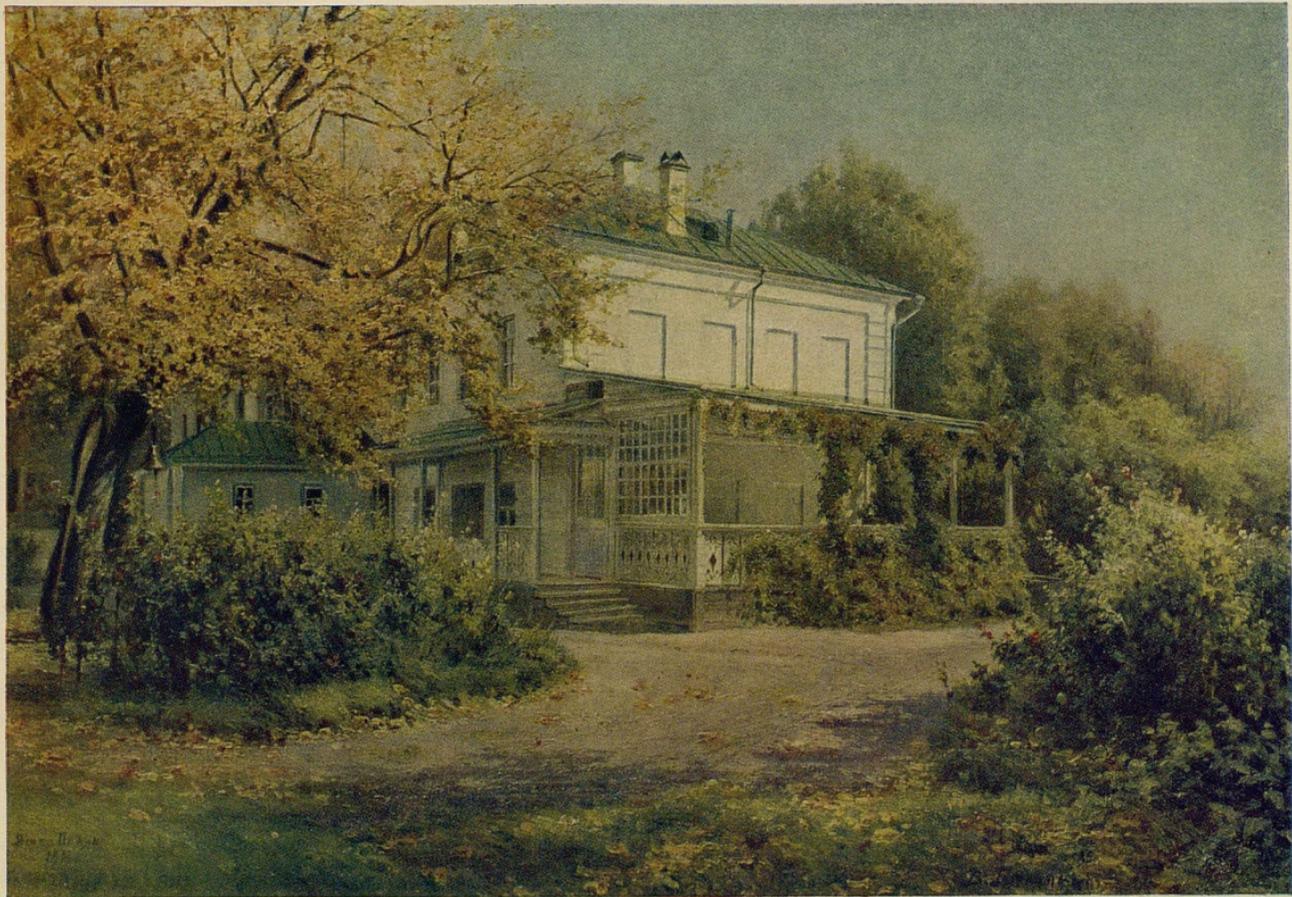
День был морозный, градусов двадцать по Реомюру при северном ветре, и светом солнца слепило глаза. В деревнях от заносов появились импровизированные горы и сильным морозом были так скованы, что казались из белейшего мрамора с блёстками. Дорога местами шла выше изб, и спуски к избам были вырыты в снегу, между белыми стенами. Совсем особый, необычный вид деревни.

Мы заезжали в два места. В одной большой избе во всю длину, и даже в се-

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ.

Портрет работы Н. Ге.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

С картины В. Батурина.

нях, стояли приготовленные столы, узкие, в две доски на подставках. Здесь кормилось много детей. Час для еды ещё не наступил, но дети давно, уже с утра, ждали здесь обеда, околачиваясь то на лавках, то в сенях и особенно на печи, где сидели один на другом. Лев Николаевич принял отчёт от распорядительниц-хозяек, и мы поехали дальше.

...Некоторым семьям выдавали пайки,— мы заехали и к таким пайщикам.

...Лев Николаевич довольно долго спрашивал хозяйку о нуждах, о соседях. И, наконец, мы повернули назад, домой, но другой дорогой.

...Мы быстро несёмся домой по блестяще-залоснённой дороге. Лошадь в четырёх местах постояла и бежала домой резво. Скрипели гужи, и ворковала дуга с оглоблями.

— Эх, мороз-морозец!

Но вот на спуске с одного пригорка наши розвальни без подрезов очень сильно раскатились, сделали большой полукруг, завернулись влево, тр-р-р! — и мы с санями потянулись назад; вдруг глубоко провалились в овраг и потянули за собой лошадь; оглоблями подбивало её под ноги, она не могла удержаться на залоснённой горе, сдавалась, сдавалась за нами назад и провалилась, наконец, и сама между оглоблей глубже саней; только голова из хомута торчала вверх. Побилась, побилась, бедная, и улеглась спокойно... Мягко ей стало. И мы в санях сидели уже по грудь в снегу.

Я решительно недоумевал, что мы будем делать. Сидеть и ждать, не проедут ли добрые люди и не вытащат ли нас из снежного потопа?

Но Лев Николаевич быстро барахтается в снегу, снимает с себя свой пятипудовый тулуп, бросает его на снег по направлению к лошади и начинает обминать снег, чтобы добраться к ней.

— Прежде всего надо распрячь,— говорит он,— освободить от чересседельника и оглоблей, чтобы она могла выбраться на дорогу.

Северный ветер поднимал кругом нас белое облако снежной пыли. На фоне голубого неба Лев Николаевич, барахтаясь в белом снегу, казался каким-то мифическим богом в облаках. Энергическое лицо его раскраснелось, широкая борода искрилась блёстками седины и мороза. Как некий чародей, он двинулся решительно и красиво. Скоро он был уже близ лошади.

Тогда я, следуя его примеру, начинаю пробираться к лошади с другой стороны, по краю саней и по оглоблям, чтобы помогать. Вот где я сказал! «спасибо» своим валенкам! Что бы я теперь делал в калошах? Они были бы полны снегом. Какое блаженство! Вот я и у лошади.

Но с животным недалеко до беды: оно не понимает наших добрых намерений. И, отдохнув, так вдруг рванётся и двинет ногами! Ушибёт, ногу сломает! Я уже получил несколько чувствительных толчков от её подкованного копыта.

А Лев Николаевич уже размотал супонь, вынул дугу, бросил её в сани и, освободив лошадь от оглоблей, взял её за хвост и погнался к дороге, на кручу. Лошадь взлезла на дорогу прыжками, и Лев Николаевич, не выпустив её хвоста из рук, уже стоял на дороге; он держал её в поводу, бросив мне вожжи, чтобы завязать ими оглобли саней и вытащить сани на дорогу лошадию.

Руки коченели от мороза и от непривычки. Трудно, но, как загипнотизированному, мне как-то всё удаётся: и всё понимаю и всё делаю, как надо. Завязал вожжи за оглобли, вытащил даже втоптаный в снег тулуп, взвалил его на сани и по значительно уже приметному снегу лезу с концами вожжей к Льву Николаевичу. Он вытягивает меня на вожжах, привязывает их к гужам хомута, и наши сани торжественно поднимаются на дорогу. Какое счастье!

И во всё это время ни души проезжих. Слава богу, и сани и сбруя — всё в целости, только запрячь. Лев Николаевич совершенно легко и просто проделал всю запряжку, как обычное дело, хорошо ему знакомое. Закладывается дуга, поднимается нога к хомуту, чтобы стянуть гужи тонким ремешком супони, продевается повод в кольцо дуги, заводживается лошадь — готово. Надо было только выбить от снега овчину тулупа. Мы взяли его за края и долго старались вытряхнуть забившийся в овчину снег. Вот тяжесть! На месте трудно удержаться во время тряски. Нельзя же его надевать со снегом... Разгорелся и я от этих упражнений, весело стало.

— Хо-ох, так вот как... — улыбнулся Л. Н. радостно. — Теперь, — говорит он, — мы спустимся вон с той горы и поедем Доном. Я знаю, там дорога хорошая, и внизу по реке не намедает таких сугробов. А? Какой глубокий овраг. Ужас как

надело. А вы мне хорошо помогали. Я замечая: живописцы народ способный. Вот Ге — тоже, бывало, удивительно подвижной человек, необыкновенно находчив и ловок во всех таких делах. Ну, что, вы

не промёрзли? — смеётся он добрейшими глазами со слезинками от ветра и мороза.

По тихому Дону мы катили весело и бойко. Лошадь, полежав в овраге, отдохнула, да и дорога ровная по льду, — кати!

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

И. Гинцбург

...Толстой уже сидел в своей комнате у окна и писал. Меня поразила обстановка, в которой он работал: старинный подвал напоминал средневековую келью схимника; сводчатый потолок, железные решётки в окнах, старинная мебель, кольца в потолке, коса, пила — всё это имело какой-то таинственный вид. Толстой, в белой блузе, сидел, поджав ногу, на низеньком ящике, покрытом ковриком, напоминающая в этой обстановке сказочного волшебника. Он удивлённо на нас посмотрел, когда мы вошли, и сказал:

— Работать пришли? Прекрасно. Так ли я сижу?

Мы начали устраиваться. Я уселся возле Репина, который уже кончил свой портрет. Меня восхитила эта работа: обстановка комнаты, свет, падающий из окна, да и сама фигура Льва Николаевича были написаны с удивительной правдивостью и мастерством. (Картина эта находится в настоящее время в Третьяковской галлерее).

Признаться, мне очень трудно было работать; опасение произвести шум заставляло меня сидеть на одном месте и не шевелиться, а между тем, для работы над круглой статуэткой необходимо двигаться и наблюдать натуру со всех сторон. Мне казалось, что наше присутствие стесняло Льва Николаевича; временами он отрывался от работы и вопросительно смотрел на нас, вероятно, забывшая, почему мы возле него сидим.

— Я вам мешаю? — спросил он.

— О, нет, — отвечал Репин, — это мы вам мешаем.

— Нет, — сказал Лев Николаевич, — только я забываю, что вы меня пишете, и оттого, кажется, меняю позу; у меня такое чувство, точно меня стригут.

Несмотря на все неудобства, я, однако, успел во время этого первого сеанса

Л. Н. Толстой. Скульптура работы И. Я. Гинцбурга.

кое-что сделать, и рад был, что работа уже начата.

...Работал я одновременно с Репиным, у которого бюст был уже значительно подвинут в работе. Сеансы происходили на большом балконе, днём, после обеда.

Я начал очень большой бюст, и размеры его всех смущали; находили, что это некрасиво, но Репин сказал мне:

— Ничего не меняйте, размер пре-

красный; надо, чтобы остался большой бюст Льва Николаевича.

Во время сеансов кто-нибудь из домашних читал вслух; помню, что читали тогда биографию Спинозы, и Лев Николаевич слушал с особенным интересом и делал замечания, а когда потом читали «Тружеников моря» Виктора Гюго, то он даже расплакался.

Иногда на балконе собирались гости, с большим интересом следившие за ходом наших работ и сравнивавшие их. Центром всего, конечно, был Лев Николаевич; всё, что говорилось, казалось мне, говорилось для него и ради него. Работали мы, таким образом, два раза в день: утром в кабинете, а днём на балконе. Случалось, что Лев Николаевич уставал, и Софья Андреевна жаловалась:

— Лёвушка, тебя, кажется, художники замучат; ты от них очень устал.

Признаться, мы в самом деле преследовали Льва Николаевича: и вне сеансов мы всё его наблюдали. Он это замечал, и это стесняло его. В особенности много занимался им Репин: он везде его зачерчивал. Мне совестно было помимо сеансов беспокоить Льва Николаевича, и я в свободное время рисовал обстановку его рабочей комнаты, дом и окрестности Ясной Поляны.

...Однако я заметил на наших сеансах, что Толстой очень интересовался нашей работой: он очень внимательно следил за ходом лепки и делал различные замечания. «Кажется, очень хорошо», — часто говорил он Репину после сеансов: «Не знаю, что ещё будете делать, — даже кисточку передали». А раз, во время чтения какой-то книги, он попросил у меня воску и, глядя на меня, вылепил мой бюстик. Меня поразило, что он так верно схватил общую форму моей головы.

...Третью статуэтку Толстого я сделал в 1903 году, в августе месяце. Я был тогда в Ясной Поляне с Владимиром Васильевичем Стасовым. Лев Николаевич только что оправился от тяжёлой болезни, которую он перенёс зимой. Я не думал, что удастся что-нибудь вылепить на этот раз: не хотелось мне Льва Николаевича беспокоить. Но раз как-то, рассматривая коллекцию фотографий, снятых со Льва Николаевича Софьей Андреевной, я был поражён двумя фотографиями, на которых Толстой был изображён в кругу своей семьи, сидящим в кресле, в обычной

своей позе. Фотографии показались мне такими удачными, что я задумал сделать по ним скульптурный набросок и попросил их у Софьи Андреевны на некоторое время. И вот, в то время, пока Стасов был занят писанием, я набросал статуэтку Толстого по фотографиям и по памяти. А вечером, когда Стасов беседовал со Львом Николаевичем, я отправился к себе в комнату и, отрезав голову со статуэтки, наткнул её на палочку и принёс наверх, где и стал её доканчивать, глядя на Льва Николаевича.

— Что вы там делаете? — спросил Лев Николаевич, от взора которого не ускользало ничто из того, что делалось вокруг него.

Я показал.

— Уж вы меня так знаете, что, кажется, наизусть смогли бы меня вылепить. — И его более не стесняли мои наблюдения.

Однако с природы мне не пришлось работать над этой статуэткой: мне всё же не хотелось беспокоить Льва Николаевича, и я ограничился только зачерчиванием его с природы, а потом часто работал по впечатлению, наблюдая, как он сидит. Впрочем, один сеанс, и довольно долгий, Лев Николаевич мне дал, но я сам плохо им воспользовался, и вот по какой причине.

Стасов попросил Толстого, чтобы он на прощанье прочитал нам что-нибудь из его новых ещё не напечатанных произведений. Толстой согласился и, тут же, назначив вечер, обратился ко мне:

— А вот вы в это время лепите статуэтку, когда я буду читать.

Я обрадовался этому, хотя знал, что Толстой во время чтения, вероятно, будет сидеть не в той позе, которая у меня была уже намечена.

Читал Лев Николаевич не в большом зале, как обыкновенно, а в одной из комнат Софьи Андреевны, — комната очень уютная с портретами работы Крамского, Серова и Репина, но небольшая; она не могла вместить в себя всех слушателей, и некоторым пришлось устроиться у самых дверей. Я должен был поместиться недалеко от Льва Николаевича. Это было слишком близко, и я не видел всей его фигуры, притом лампа с абажуром бросала слишком большие тени на те места, которые мне более всего следовало проверить по натуре. Но я решил хотя кое-

Л. Н. Толстой на прогулке в окрестностях Ясной Поляны.

как использовать сеанс и приготовился к работе.

Лев Николаевич начал читать. Это был рассказ «На балу»¹. И вот, Лев Николаевич, со свойственными ему мастерством и художественностью, открывает перед нашими глазами изумительную картину бала, и мы точно в действительности видим освещённую залу, слышим разговоры танцующих и чувствуем вместе с гостями, наблюдающими танцы,— ничто не ускользает от беспощадного взора художника, который показывает нам всё с невероятной ясностью. Иллюзия так велика, что я делаюсь невнимательным к своей работе, не вижу статуэтки и чувствую, что я точно нахожусь где-то в другом месте. Лев Николаевич замечает мою рассеянность и вопросительно на меня смотрит, словно упрекает меня в том, что я не работаю; я делаю вид, что продолжаю работать.

Лев Николаевич подробно останавливается на танцующих: молодой барышне-красавице, её отце — элегантном, любезном офицере, и молодом человеке, который ухаживает за барышней, мы слышим разговор молодых людей, видим, как молодой человек всё более и более увлекается своей дамой и в конце бала окончательно влюблён. Все развезжаются по

домам, но молодой человек бродит по улицам и грезит о будущем счастье и о близком свидании. Всё передано так психологически верно и с такими деталями, что, кажется, сам автор переживает это увлечение своего молодого героя. Мне делается немного смешно, и я замечаю, что и мои соседи улыбаются, всем как-то странно, что Лев Николаевич так долго останавливается на любви молодого человека.

Но вдруг автор делает неожиданный поворот, точно, после тихой поэтической мелодии, он сразу ударяет в барабан, и мы все вздрагиваем. Молодой мечтатель, бродя по улицам, наталкивается на страшную сцену: прогоняют сквозь строй провинившегося солдата. Автор, не дав молодому человеку отдохнуть и очнуться от сладких впечатлений бала и наступившей затем ночной тишины, ведёт его и нас на плац, где развёртывается картина, исполненная великого ужаса. Мы слышим свист и стоны, видим доктора, осматривающего истязаемого человека, и слышим распоряжения и крик разъярённого, озверевшего офицера, того самого офицера, который накануне так мило танцевал, который и теперь чертами лица и своими жестами сильно напоминает красавицу-дочь, сладкую мечту молодого героя.

Я, конечно, бросил работу. На этот раз не одни глаза мешали мне работать; руки мои дрожали, и я боялся, что, дотрогнувшись до статуэтки, я сомну её.

¹ И. Я. Гинцбург неточно запомнил название рассказа. В действительности он называется «Пле бала».

Статуетка эта так и осталась неоконченным наброском. Но она мне дороже других работ; она живо напоминает мне тот вечер, когда чувства и мысли Толстого взволновали меня так, что заставили забыть и себя и свою работу.

* * *

...Днём, после работы, Лев Николаевич пришёл к нам на балкон и, увидев, что мы сидим без дела, сказал: «Что это вы точно скучаете? Пойдёмте в теннис играть. Кто со мной? А вы играете?» — обратился он ко мне: «Нет? Жалко!.. Ну, пойдёмте, так посмотрите». Во время игры Лев Николаевич был чрезвычайно весел, горячился и волновался за себя и за своих партнёров. «Ай, ай, как я плохо отдал!» — закричал он детски-наивно своим мягким голосом. ...Глядя на Льва Николаевича, мне досадно стало, что я не играю и не могу разделить с ним его веселье. «Теперь пойдёмте гулять, я покажу вам новую дорогу в лес», — сказал Лев Николаевич. Мы пошли. Толстой время от времени останавливался и оглядывался кругом: была чудесная погода, и видно было, что природа радовалась ему, что он наслаждался ею, точно давно не был в этих местах. «Вот этот лес, какой он густой и прекрасный; когда-то я и сам эти берёзки насадил; а вот там дорога в сосновый лес, туда прекрасно ездить верхом. А вы катаетесь верхом и купае-

тесь? — обратился он ко мне: — Вот завтра поедем купаться».

На следующий день, гуляя в лесу, я встретился там со Львом Николаевичем, который был верхом на лошади. «Что вы один гуляете? Поедемте купаться!» И, подав мне руку, он усадил меня на свою лошадь, одной рукой поддерживая меня, а в другой держа повод. Нельзя сказать, чтобы мне очень удобно было сидеть на гриве лошади. В купальне мы застали Репина. Толстой обрадовался ему, потом, быстро раздевшись, прыгнул в воду и исчез. «Как он плавает, точно двадцатилетний юноша!» — восхищался Репин, уже вышедший из воды и принявший обтираться полотенцем. «Что вы делаете!» — испуганно воскликнул Толстой, появившийся в купальне с другой стороны: «Вы портите всё купанье. Надо обсушиваться на солнце, на воздухе. А вы тряпкой обтираете всё то, что дала прелестная вода. Посмотрите, как купаются звери и птицы: они всегда обсушиваются на солнце». На Репина подействовали эти аргументы, и он бросил полотенце.

Известно, что Толстой почти до конца своей жизни любил ездить верхом; прежде он катался на велосипеде, любил играть в городки и в теннис. Лев Николаевич далеко не чуждался весёлых настроений вообще. Он смеялся от души, когда ему рассказывали что-нибудь остроумное и весёлое, и сам любил рассказывать.

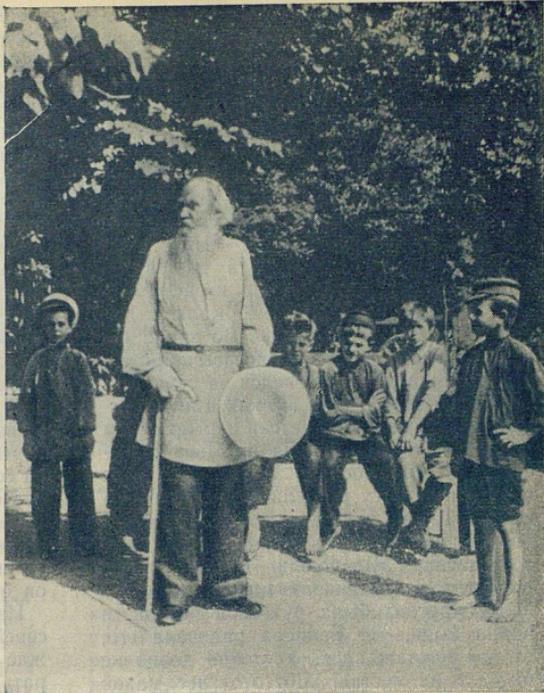

Лев Николаевич Толстой за любимой игрой.

ШКОЛА В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

„Я хочу образования для народа“, — писал Лев Николаевич Толстой. Его возмущало, что царское правительство держит народ в темноте. В одном из флигелей яснополянского дома он устроил школу и сам учил в ней крестьянских ребят. Толстой составлял для ребят учебники, писал простые, короткие рассказы, нетрудные для тех, кто ещё только учится грамоте. Эти рассказы читали и до сих пор читают многие поколения детей.

Мы печатаем здесь воспоминания о Яснополянской школе любимого ученика Толстого Василия Морозова.

Множество ребят приходило в гости к Л. Н. Толстому. На этой фотографии он снят вместе с ребятами из Тулы.

Знакомство со Львом Николаевичем

Я часто представляю себе те счастливые годы, которые я провёл в школе в Ясной Поляне учеником.

Школу я так понимал, что в ней можно учиться читать, писать, разбирать псалтирь. Ещё я знал, что после обучения в школе можно будет получать доход. Можно будет писать письма, брать по пятаку и гривеннику. Тогда уже не будут ходить наши деревенские к дьячку или дьякону приставать написать письмо в Москву или Питер. Тогда уже будет для меня доля счастья, тогда буду носить не лапти, а сапоги.

Мы с сестрой были всё равно, что круглые сироты, мать наша умерла, оставила меня двухлетним. И мы узнали бедность, голод и голод.

Но вот наступило время, время счастливое. В 1859 г. ранней осенью нас оповестили по деревне Ясной Поляне о же-

лании Льва Николаевича — «граха», как мы тогда его называли, открыть школу в Ясной Поляне и о том, чтобы желающие дети приходили учиться, что школа открывается бесплатная. Я помню, какая была сумагоха. На деревне начались сходки, начались разные толки, суждения.

— Как? Почему? Не обман ли какой? Махина не махонькая учить бесплатно. Их, пожалуй, наберётся пятьдесят ребят, а то и больше.

А некоторые говорили умно: «Что было, то видели, а что будет, то увидим. А учить отдавать ребят надо, благо человек берётся бесплатно, а то вот Иван Фоканов ходит третью зиму к дьячку, а ничего не выучил, а за плату два рубля в месяц».

— И вы как хотите, а я пошлю своего, — сказал один, за ним другой и третий, помялись некоторые, согласились и все: «И я, и я своего».

Дело оставили до вторника, как лёгкий день. Во вторник я встал рано, прильнул к окну, рассматривая улицу: не собираются ли ребята, не идут ли. Вот

мелькнул мимо нашего окна Кирюшка и влетел к нам в хату второпях.

— Где же Васька? Ты что же не собираешься?

Я смотрю на него. Он во всём уборе, и голова жирно намавлена.

— Кирюш,— говорю,— мне обуться не во что, лаптей нет.

— У меня,— говорит,— у самого прохудилась пятка. А я пойду. Что же барин на ноги, что ли, смотреть будет? Была бы голова в порядке.

И нырнул опять из хаты, даже дверь не затворил.

...Скоро собрался и я. Заботливая моя сестра давно уже приготовила свои лапти и свой кафтан для меня, хотя и не в меру: лапти велики и кафтан длинен, потому что я из себя был худенький, тоненький, как лутошка¹. Но всё-таки собрался: кафтан подтянул, рукава подвернул, голову промаслил квасом — масла не было. Через несколько минут мы стояли перед барским домом.

Я стоял, как собачий объедок, чувствуя, что я хуже всех одет, даже и меньше всех ростом, беднее всех и сирота.

Вот решение судьбы: послышался сверху, где-то по лестнице голос мужественный, но и как бы ласковый:

— Давно пришли?

— Давно уже.

— Почему ты мне раньше не сказал?

Одна секунда, и на крыльце появился человек, «грах», наш учитель. Все обняли головы и низко поклонились. Я с замираньем сердца ухватился за сестру, держась её сзади, и стоял за ней, как за маленькой крепостью.

— Здравствуйте! Вы привели своих детей? — обратился Лев Николаевич к родителям.

— Так точно, васятельство,— отвечали старшие с поклоном.

— Ну вот, я очень рад,— сказал он, улыбаясь и осматривая всех.

И он быстро пронизал глазами толпу, отыскивая маленьких, что спрятались за отца или за мать.

Поворачиваясь в другую сторону, Лев Николаевич наткнулся на мою сестру.

— Ты что, учиться пришла? Будешь учиться? И девочки приходят. Все будем учиться.

— Нет, я не учиться пришла, я вот... — слезливо, застенчиво не договорила сестра.

Очередь дошла до меня.

— Ты что, учиться хочешь?

И глаз на глаз я стоял перед учителем, трясся, как осиновый лист.

— Хочу,— ответил я ему робко.

— Как тебя звать?

— Васька.

— А фамилию знаешь свою? — спросил он, и мне показалось, он смотрел на меня, как на заморуха.

— Знаю.

— Скажи.

— Морозов.

— Ну, я тебя буду помнить. Морозов Васька-кот.— И улыбнулся, и лицо его показалось мне одобрительным. Мы будто как виделись когда-то с ним раньше.

— Ну, Морозов, пойдём! Макаров, Козлов, идите все за мной. А вы идите с богом домой. Я им покажу школу, присылайте ещё детей. И девочки пусть приходят. Мы все будем учиться.

Мы поднялись по длинной лестнице и очутились в большой комнате, высокой, как молотильный в деревне сарай. Потолок был чистый, пол тоже хороший, чище наших столов, на стенах висели какие-то картины, всё равно как у нас в церкви боги. Только не похоже. Были бритые и у какого-то была длинная коса. Некоторые из нас хотели креститься, но учитель заметил и сказал:

— Это не боги, а люди, мои родные и знакомые.

В другой комнате так же было светло, пол и потолки чистые, такие же высокие. Картин не было. Посредине комнаты стояли длинные скамейки и такие же длинные столы. На стене висели две чёрных доски. Тут же на полочке лежал мелок. В углу стоял шкаф с какими-то книгами, бумагами и грифельными досками.

— Ну, вот здесь будет наша школа, все будем учиться. А если будет тесно, мы займём и здесь,— указал он на ту комнату, где висели «боги». — Я думаю, вы ещё не все собрались, некоторые остались? — И он обвёл нас всех глазами, и вопросительный взгляд его остановился с улыбкой на мне. Я растерялся, и мы никто ничего не отвечали. Не добиваясь от нас ответа, видя нашу застенчивость, он взял мелок и сказал:

— Мы сегодня заниматься не будем, а завтра,— и начал писать на чёрной доске буквы А, Б, В, Г, Д, Е,— вот с завтрашнего дня мы так начнём учиться.

¹ Ободранная липка.

Мы вышли из школы, прощаясь со своим дорогим учителем, обещая завтра рано приходить. Восторгу нашему не было конца. Мы друг другу рассказывали, будто из нас кто не был, как он выходил, как спрашивал, как разговаривал, как улыбался.

Первый урок

На другое утро мы как бы по сигналу собрались дружно.

Мы потянулись лентой по лестнице и вошли в знакомую комнату, прошли в другую, где были чёрные доски и где ещё не были смараны вчерашние буквы. Мы свернулись клубочком, тесно стояли около чёрной доски, поглядывая на буквы. Тишина была мёртвая, никто не шептался между собой, каждый думал: что бог даст. Вдруг издала звонко, весело раздалось: «А, Б, В, Г». И частые шаги послышались по первой комнате. И к нам взшёл вчерашний знакомый, наш учитель, дюжий, чёрный.

— Здравствуйте!

— Здравия желаем, васятельство,— ответили редкие голоса тех, которых родители раньше научили, как вести себя.

— Все пришли?

— Все,— робкими голосами отвечали на вопрос его каждый за себя.

— Ну, теперь будем заниматься, начинаем учиться.

Он взял мелок и написал все остальные буквы.

— Ну, теперь говорите за мной.— Затем взял палочку, которая служила указкой, и воткнул указкой в первую букву.

— Ну, говорите за мной: а, бе, ве.

Переводя указку на другие буквы: ге, де, же,— сделал запятую, поворачивая опять к первой букве.

— Это а, бе...— и так далее до отметки.

Мы тянули нараспев за ним, сначала потиху, без голоса, но дальше усвоили голоса, громче и громче твердили за ним. Каждому хотелось, чтобы и его голос был слышен, и мы до того распелись, что потеряли всё приличие,— сперва боялись даже взглянуть на учителя, а то так разошлись, что его стеснили, и несколько рук держались за его блузу.

— Вот и прекрасно. Кто может повторить? Я буду спрашивать,— сказал Лев Николаевич, тыкая в первую букву указкой.— Это что?

У нас вышло замешательство, хотя знали и запомнили первую букву, но что-то оторвалось, будто боялись своего голоса.

— Вы забыли? Кто скажет из вас, кто помнит?—И свой взгляд он перевёл на доску. Он понял нас, что взглядом мешает нашему ответу. В этот момент я пропихал как бы не своим голосом, а будто чьим-то чужим, скороговоркой:

— А.

За мною дружно потянули все.

— Так, хорошо. Дальше. Это что?

Опять заминка. Я опять тьякнул, но неправильно:

— Би.

За мною послышались голоса:

— Бе.

Я, как выдачка изо всех, за ошибку свою почувствовал стыд. От зоркого глаза мой стыд не ускользнул. И вот мне уже представлялось наказание, как слышал раньше, линейкой наказывали дычки или учили отставные солдаты.

— Так, так, это хорошо! Кто сказал первый?— полусерьёзно, с милой улыбкой смотря на меня, спрашивал Лев Николаевич.

Я не отвечал, робел. Кто-то из толпы выдал меня, кажись, Киришка.

— Это Морозкин ошибся.

— Морозов, ты как сказал? Прекрасно, хорошо. Ну, а за буквой «б» как называется?

Опять столбняк. Все молчали. Буква казалась мудрёной.

— Ну, кто скажет? Морозов, ты помнишь?

Я молчал, боясь промаху.

— Ну, кто?

Все смотрели на букву молчком, никто не отвечал, все забыли.

— А кто знает, чем воду таскают из колодца?

— Ведром,— сказал Игнатка.

— А буква какая?

У нас будто на язык память пала. Мы дружно ответили:

— Ве-э! — И так дальше мы твердили. Если нам не удавалось, он намекал на какой-нибудь предмет, например: железо, мы отвечали «же».

Игры

— Прошла в учении неделя, за ней другая, скользнул месяц. Незаметно кончилась осень. Наступила зима. Мы успели ознакомиться хорошо со стенами школы,

В 1928 году в Ясной Поляне построена большая, просторная школа-десятилетка.

успели привыкнуть душою ко Льву Николаевичу. Однажды Лев Николаевич сказал нам: «Не называйте меня «ваше сиятельство». А меня зовут Львом Николаевичем, так и зовите меня». И мы уже после этого никогда не говорили ему «вашество».

Не прошло трёх месяцев, а ученье у нас разгорелось во всю. В три месяца мы уже бойко читали, а из двадцати двух человек у нас собралось до семидесяти учеников. Были со всех сторон нашего округа, были городские мешане, были дети лавочников, крестьяне и церковники. Вся группа была разделена у нас на три класса: старший, средний и младший. Старший класс у нас считался первым по лучшим ученикам, я значился в списке старшего класса. В старшем классе у нас было не более десяти учеников, остальные были ученики второго и третьего. Все семьдесят учеников осаждали Льва Николаевича. Кто подходит с вопросом, кто подносит тетрадку.

Вся кипучая его охота одобряла нас, и подъём духа у нас рос с каждым днём. Во время перерыва нам давался час на завтрак. Тут игры и веселье.

— Вы хотите поесть и погулять немножко? — спрашивал Лев Николаевич. — И я тоже. Ну, кто скорее выбежит наружу?

Мы все с криком и визгом бежим вниз по лестнице за Львом Николаевичем. Он через три на четвёртую ступень прыгает, убегая от нас. Мы гурьбой за ним.

— Ну, все на меня ваяйте! Свалите или нет?

И мы окружаем Льва Николаевича, цепляемся за него сзади и спереди, подставляем ему ноги, кидаемся в него снежками, набрасываемся на него и вскарабкиваемся ему на спину, усердно стараюсь его повалить. Но он ещё усерднее нас и, как сильный вол, возит нас на себе. Через некоторое время от усталости, но чаще в шутку, он валится в снег. Восторг неописанный наш! Мы сейчас же начинаем его засыпать снегом и кучей наваливаемся на него, крича: «Мала куча, мала куча».

Гимнастика и борьба

После занятий перед обедом Лев Николаевич почти постоянно занимался гимнастикой. Гимнастика была устроена в нижнем этаже школы.

В большой свободной комнате были устроены перекладины, ввёрнуты кольца, стояли станки, гири: двухпудовики, пудовики и другие поменьше, — словом, все принадлежности для гимнастического ис-

куства. Любили и мы, ученики, делать со Львом Николаевичем гимнастику. С ним всегда завязывалось веселье, начинались разные проделки. Руководил гимнастикой он сам. Вот он возьмётся за перекладину, повиснет на ней с вытянутыми руками и с выпрямленным телом, не доставая ногами до пола, повисит так немножко, потом начинает подниматься на руках до перекладины, потом опять тихонько опускаться, потом опять подниматься.

Пробуем и мы по очереди это проделывать. Но нам даётся трудно. Повиснуть на перекладине — ещё повиснешь, а уж подняться не так-то легко. Первый раз ещё кое-как удастся, а уж во второй раз руки слабнут, отрываются.

Лев Николаевич был удивительно лёгкий и способен для гимнастики. Руки у него были страшно сильные, и то, что для него было совсем легко, нам казалось невозможным трудным.

Он берёт ремень, опоясывается, вешает гирию на пояс и начинает подниматься на перекладину так же, как и без гири. Я, как кошка, цепляюсь за ремень, сажусь на гирию, охватываю шею Льва Николаевича руками, кричу ему:

— А со мной поднимаешься?

Он висит, а подняться не может. Говорит:

— Нет, ты тяжёл.

Мы начинаем смеяться.

Лев Николаевич сам проделывал всю гимнастику до усталости, потом начинал прыгать через козлы. Козлы были устроены в саду, сверху были обиты мягким, для того, чтобы в случае промаха не убить колени. Лев Николаевич с разбега прямо, как птица, перелетал. С виду казался он тяжёл, а прыгать был лёгкий.

Постепенно и мы привыкли к гимнастике.

* * *

Школа наша росла и росла, крепла и крепла. В учении было легко, в играх весело. Лев Николаевич находился с нами почти безотлучно. В особенности он более привязался к первоклассникам, то-есть лучшим ученикам. Занятие было серьёзное. Он как бы доставал что-то глобкое в душе ученика.

Не раз мы запаздывали с учением. Второй и третий классы бывали уже распущены по домам, а мы оставались вечереть, так как любил Лев Николаевич по вечерам читать с нами книги.

Соревнование с гимназистами

Сидим мы однажды в школе, занимаемся. Приходит Лев Николаевич, объявляет нам новость:

— Знаете ли, что я вам скажу?

Мы навострили уши, думаем, что за новость.

— На завтрашний день к нам приедут из тульской гимназии гимназисты со своим учителем и хотят нас оспорить, что они лучше нас учатся, они или мы — кто лучше?

На завтрашний день мы стали готовиться. Робость нас брала, как в первый раз, когда мы поступали в школу, как мы станем на спор с такими хорошенькими барчатами. Наране мы стояли у чёрной доски, решая заданные нам задачи. Не столь трудно было решать задачи, сколько трудно было нам сблизиться с приезжими, как двум народцам-противникам. Они смотрели на нас, как на новинку, мы смотрели на них, как на редкость. Мы пересилили боязнь, и они пересилили свой стыд. Мы приступили к решению одной и той же заданной нам и им задачи. Началась выписка, деление, умножение, вычитание, дробление. Мы сосредоточились на задаче, будто про наших противников забыли. По арифметике были у нас первые забияки Романцев и Козлов. Они как приз взяли, первые решили задачу и сказали Льву Николаевичу:

— Что, так мы решили?

У нас получилось 943 и $\frac{1}{2}$. Лев Николаевич следил за решением задачи и сказал:

— И я так думаю, что должно получиться столько.

Лев Николаевич обратился к учителю гимназистов:

— Мы решили, у нас получилось требуемое число.

— Сейчас и мы кончаем, — сказал ихний учитель.

Доска у них вся была исписана, и задача решена неправильно. Лев Николаевич, не унижая, любезно обратился к гимназистам:

— Так, так, прекрасно!.. Вы хорошо сделали, только вот здесь вы пропустили в дроблении, а то у вас шло прекрасно.

Во всём, что только преподавалось у нас в школе, мы померились знаниями и ничем не уступили нашим городским барченяткам и любезно распростились, как равные, со своими товарищами. Лев Николаевич был

доволен нами и ими. Только сказал нам, когда те уехали:

— Пушай их подумают.

Вечер этого дня был у нас особенный, как торжественный праздник. Все были веселой весёлого. Играли в лапу со Львом Николаевичем и бегали до упаду.

Потом сидели на террасе, беседовали, говорили шутки, которые всегда были у Льва Николаевича наготове. Он рассказывал нам сказки, страшные и смешные, пел песни, прикладывая слова к нам.

Писание сочинения

Читали мы как-то вместе со Львом Николаевичем одну книгу. Не упомяну заглавие книги, но книга была очень хороша. Я часто спрашивал Льва Николаевича, останавливаясь на точках:

— Лев Николаевич, а вы можете так сами составить?

— Не знаю.

После чтения книги Лев Николаевич сказал нам, всему классу:

— Давайте и мы что-нибудь напишем, выдумаем.

И мы приступили к сочинению.

Один раз мы стали писать сочинение троём: Лев Николаевич, Макаров и я, Морозов. Всё пошло у нас порядком. То Лев Николаевич скажет, то Макаров, то я. И мы как бы друг другу не уступали, сочинители были равные. Написали уже целый лист, перешли на другой. Лев Николаевич восхищался нашему успеху, и то и дело говорил:

— Как прекрасно у нас выходит! Как хорошо! Бог даст, окончим и напечатаем, будет книга.

Мне стало завидно, что Лев Николаевич воспользуется один всеобщей книгой, будут читать и скажут: «Лев Николаевич написал». Не желая ему одному уступить то, что выдумывали и мы, я заявил ему претензию, сказал:

— Лев Николаевич, а как будете отвечать?

Лев Николаевич посмотрел на меня и не понял вопроса.

— Так и напечатаем.

— Нет, Лев Николаевич, а вы напечатайте всех нас троих. Вот, например, по

фамилии: Макаров, Морозов, а ваша как фамилия?

— Толстой.

— Ну вот так троих и ставьте: Макаров, Морозов и Толстов.

Лев Николаевич улыбнулся и сказал утвердительно:

— Так мы и напечатаем троих.

К сожалению, я не могу вспомнить ничего из «знаменитого нашего произведения», как называл его Лев Николаевич. Всё забыл, исчезло из воспоминаний. И, к сожалению, тот самый наш труд не осуществился. Он был уничтожен нашими учениками на игры, на хлопотки. И долго-долго Лев Николаевич скучал о нашем сочинении, негодовал на шалунов.

Всё-таки желание своё Лев Николаевич не оставил, и он сказал мне:

— Морозов, напиши ты что-нибудь мне сам.

— А что писать, Лев Николаевич?

— Напиши так, как ты стал себя помнить, каких лет ты был. Пяти или шести лет? Как вы жили и как ты помнишь вообще свою жизнь.

— Хорошо, Лев Николаевич.

И я стал писать, долго я писал, мудрствовал. Написанное Лев Николаевич просматривал и всё говорил:

— Хорошо, очень, очень хорошо!

Я опять с большим усердием продолжаю, и опять Лев Николаевич просматривает и опять говорит:

— Хорошо, очень, очень хорошо! Продолжай ещё.

Я мудрствовал всё дальше и дальше, и мне, наконец, стало надоест. Мне казалось длинно, и хотелось скорей закончить конек.

В конце я поставил: «С тех пор мы стали хорошо жить», и потом подношу ему и говорю:

— Лев Николаевич, посмотрите, что не довольно мне писать?

Лев Николаевич посмотрел и сказал:

— Хорошо, очень, очень хорошо! — свернул моё писание, прибрал к себе.

— Вот я тебе его напечатаю.

Я в душе не верил этому. Но вскоре я свой рассказ прочёл напечатанным. «Солдаткино житьё», так назвал мой рассказ Лев Николаевич.

СКАЗКА О МАЛЬЧИКЕ И ОГУРЦЕ

Эту фотографию дедушка Льва Николаевича сняли в тот момент, когда он рассказывал своим внучатам сказку о мальчике и огурце.

«Идёт мальчик по дорожке и видит — лежит огурчик, маленький, зелёнький. «Съем-ка я его», — думает мальчик».

Лев Николаевич делает вид, что бросает огурчик в рот, и — «Гам!» — почти не жуя, глотает его.

«Идёт мальчик дальше, видит, на дорожке лежит огурец побольше», — Лев Николаевич показывает величину огурца и руками и голосом. «Съем-ка я и его», — думает мальчик».

Лев Николаевич засовывает воображаемый огурец в рот. «Гам!» — говорит он, жуёт старательно и едва проглатывает.

«Дальше идёт мальчик и опять на дорожке лежит огурец — огромный». Руки Льва Николаевича показывают огурец-великан.

«Но мальчик и этот огурец решил съесть».

Лев Николаевич с трудом вталкивает и этот огурец в рот, еле-еле пережёвывает, сильно отдувает щёки и всячески показывает, как ему трудно разжевать и проглотить огурец-великан. Но «Гам!» — говорит он с трудом и снова проглатывает.

Эту сказочку Толстой часто рассказывал ребятам, и я видел, что она всегда вызывала радость и веселье.

Н. Н. Гусев

Сейф, в котором хранятся рукописи Л. Н. Толстого.

РУКОПИСИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Вы переступаете порог этой комнаты с трепетом и волнением. Здесь всегда царит благоговейная тишина. Матовым блеском мерцают на стенах приборы, показывающие температуру и влажность воздуха. Кругом стоят массивные шкафы, разделённые внутри на множество ящичков. В строгом порядке разложены в них пожелтевшие от времени рукописи. В дальнем углу комнаты висит огромный стальной шкаф — знаменитый сейф с рукописями художественных творений Толстого. Наверху сейфа изображена собственноручная подпись Льва Николаевича.

До революции эта просторная комната с каменными стенами метровой толщины и массивной стальной дверью была потайной кладовой для хранения драгоценностей, а большой старинный дом, в котором она находится, принадлежал известным миллионерам — фабрикантам Морозовым. Теперь здесь надёжное хранилище рукописей Толстого.

...Поворот массивного ключа — и брошенная дверь сейфа открыта. Ровными рядами стоят на полках папки. Бережно переложённые тонкой папиросной бумагой, лежат в них исписанные рукой Толстого страницы — плоды его многолетнего, неустанного творческого труда.

Даже самые первые детские сочинения Толстого хранятся здесь. Одно из них называется «Орёл». В нём всего три строчки. Семилетний автор, едва научившись водить пером, повествует о том, как некий мальчик дразнил «царя птиц» и тот, рассердившись, заклевал его. Рядом — два больших листа гербовой бумаги. Большими детскими буквами старательно выведены на них стихи:

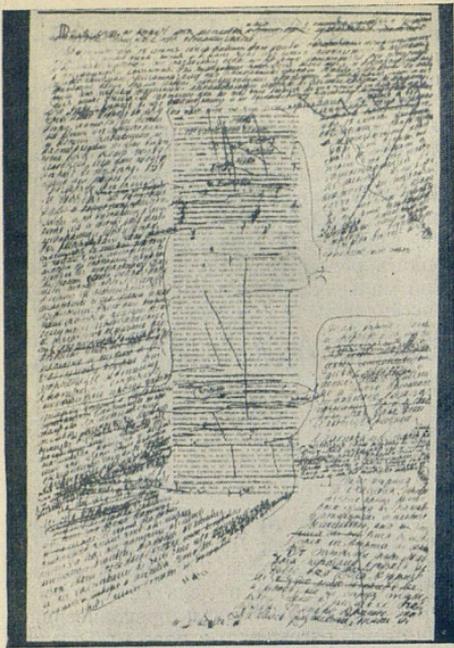
Теперь ещё раз, может быть,
Фортуна к нам опять заглянет,
Веселье прежних дней настанет,
И мы счастливо будем жить.

Это похвальные стихи, которые двенадцатилетний Лев Толстой написал своей любимой тётке Татьяне Александровне Ергольской в день её рождения. О том, как писались и преподносились эти стихи, рассказано в повести Толстого «Детство», в сцене, когда маленький Николенька Иртеньев преподносит стихи своей бабушке.

В других папках лежат листы романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»...

Уже в самых ранних рукописях Толстого видны следы огромной и старательной работы. Вот лежат толстые тетради, перерёкнутые, исписанные вдоль и поперёк: видно, автор остался недоволен своей работой. Рядом с ними лежат другие тетради, начисто переписанные, но и в этих новых рукописях многие страницы опять перерёкнуты... Семь — восемь раз переписывал Лев Николаевич свои произведения. Набросав сцену или картину своего будущего произведения, он снова и снова исправлял её, пока не добивался художественного совершенства — точного языка, живых, запоминающихся образов, ярких описаний.

С годами художественное мастерство Толстого выросло и достигло огромной силы. Ко времени создания романа «Война и мир» он уже был знаменитым, общепризнанным писателем. Однако его строгое отношение к своему труду не только не уменьшилось, но ещё более возросло. Писатель попрежнему без конца исправ-

Гранка из романа «Воскресение». Поправки на полях и вставки сделаны Л. Н. Толстым.

лял, дополнял и заново переписывал свои произведения. Роман «Война и мир» имеет пятнадцать начал.

Сохранилось десять различных начал романа «Анна Каренина» и тридцать пять начал оставшегося неоконченным романа из эпохи Петра Первого. А предисловие к философскому сочинению «Путь жизни» Толстой переделывал более ста раз..

Особенно ошеломляющее впечатление производят листы романа «Воскресение», над которым писатель работал с перерывами десять лет. В сейфе лежит семь с половиной тысяч листов рукописей и корректур, испещрённых рукой писателя. Многие из них настолько исписаны, что уже не хватало полей, и писателю пришлось приклеивать к ним широкие листы бумаги. Но и эти листы сплошь покрывались поправками.

Архив Толстого создавался десятилетиями. Ещё при жизни писателя его родные и близкие стали собирать и сохранять его рукописи. Часть рукописей хранилась сперва в Историческом музее в Москве, а потом в Румянцевской библио-

теке (ныне Всесоюзная государственная библиотека имени В. И. Ленина). Другая часть — преимущественно запрещённые царским правительством сочинения — сохранилась за границей, близ Лондона, в специально построенном из огнеупорного кирпича домике. Но многие рукописи находились у частных лиц, они приходили в ветхость от неумелого хранения, часть была потеряна. Научной работы по изучению рукописей в то время не велось.

Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции автографы писателя были собраны в одном месте и стали доступны для научного изучения. Благодаря принятым энергичным мерам удалось разыскать много рукописей и писем писателя, которые ранее считались утерянными. Сейчас в отделе рукописей Музея Л. Н. Толстого хранится около полумиллиона драгоценных листов. Такого количества рукописей не знает ни один писательский архив в мире. Сотрудники архива находят всё новые и новые автографы писателя.

Собирание автографов писателя — дело сложное и трудное. Нелегко найти рукопись, затерявшуюся много лет назад. Но советские люди, зная, какую большую культурную ценность представляют собою рукописи классических произведений, охотно содействуют музею в собирании драгоценных манускриптов.

Вот один интересный случай.

Литературоведам было известно, что в 1873 году, готовя новое издание своих сочинений, Лев Николаевич Толстой ещё раз отредактировал роман «Война и мир». Поправки в этот раз он сделал прямо на страницах книги первого издания. Но где же эта книга? Где том «Войны и мира» с собственноручными поправками Толстого?

Многолетние поиски в архивах и книгохранилищах страны ни к чему не привели. Книга считалась утерянной навсегда. И, значит, навсегда была утеряна возможность установить, какие пометки сделал Л. Н. Толстой. А в издание, которое печаталось с этой отредактированной Толстым книги, кроме исправлений самого писателя, были внесены и другие поправки.

Но вот незадолго до Великой Отечественной войны в одну из московских школ мальчик принёс старое издание «Войны и мира». Книга была испещрена неразборчивыми карандашными помет-

ками. Он показал эту книгу учителю литературы. Перелистывая старинный том, взглядываясь в пометки на полях, учитель подумал: не сделаны ли они рукой самого автора? Едва прозвенел последний звонок, оба, учитель и ученик, спеша и волнуясь, отправились в архив Толстого, и тут выяснилось, что книга, которую принёс мальчик,— действительно тот самый давно и безуспешно разыскиваемый том «Войны и мира» с собственноручными поправками Толстого.

Как же очутилась эта книга у мальчика?

Оказывается, в своё время — восемьдесят лет назад — этот том был передан Толстым в типографию Ф. Риса в Москве, где печаталось его новое собрание сочинений. У владельца типографии или кого-то из служащих книгу раздобыл московский купец И. П. Брашнин для своей

коллекции рукописей. После его смерти книга оказалась у его наследников. А через полвека, в 1940 году, один из дальних родственников купца, не зная истории этой книги, подарил её мальчику, своему соседу по квартире, а тот принёс её в школу...

Так через восемь десятилетий неожиданно отыскалась и была передана архиву одна из исчезнувших книг с автографами Толстого.

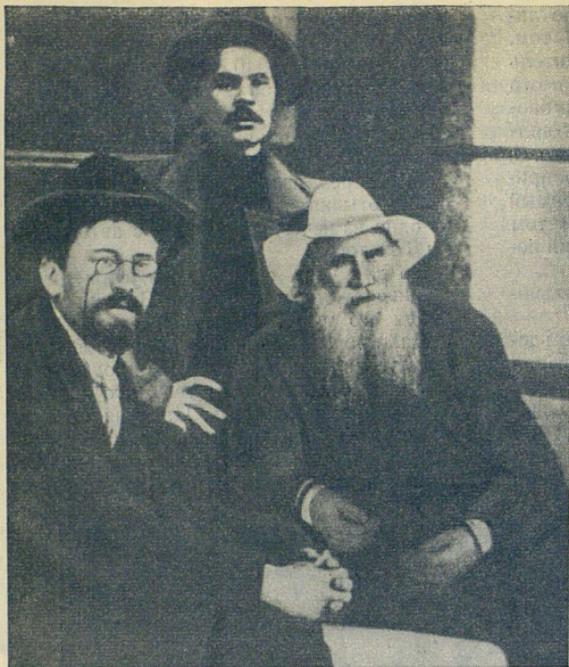
Но для чего, спросите вы, собирают и хранят рукописи писателя? Ведь произведения его уже напечатаны.

Да, произведения писателя изданы, их читают миллионы людей. Но иногда текст в книгах отличается от того, что написал в своё время писатель. Царская цензура подвергала многие произведения русских писателей, и особенно Толстого, сокращениям и искажениям, выбрасывала из

Летом 1852 года в редакцию журнала «Современник» пришла рукопись. Называлась она «Детство» и была подписана инициалами: Л. Н. Повесть очень понравилась редактору журнала Н. А. Некрасову, и он напечатал её. Автором этой повести был 24-летний Лев Николаевич Толстой. С тех пор Толстой стал сотрудничать в «Современнике», самом передовом, лучшем журнале того времени. В «Современнике» сотрудничали тогда Н. Г. Чернышевский, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Д. В. Григорович, И. А. Гончаров, А. Н. Островский.

На снимке: Л. Н. Толстой среди сотрудников журнала «Современник». Стоят: Л. Н. Толстой и Д. В. Григорович. Сидят: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин и А. Н. Островский.

Л. Н. Толстой, А. М. Горький и А. П. Чехов.

книг всё, что было неугодно властям. Некоторые из цензоров позволяли себе даже поправлять Толстого. Случалось, что текст искажали переписчики рукописей или типографские наборщики. Тщательное сличение печатного текста с автографами произведения помогает восстановить подлинный текст.

Взять, например, повесть Л. Н. Толстого «Казачи». Ещё недавно можно было прочитать в ней об убитом горце довольно странную фразу:

«На маленьких *костях* рук, поросших рыжими волосами, пальцы были загнуты внутрь и ногти выкрашены красным».

Позвольте, скажете вы, что же это за маленькие кости, да ещё поросшие рыжими волосами?

Учёные, вооружившись лупами, тщательно проверили рукопись «Казачков». И оказалось, что у Толстого написано: «На маленьких кистях рук...» Текст искадил переписчик.

Рукописи писателя нужны и для изучения творческой истории его произведений. Изучая рукописи, учёные восстанавлива-

ют всю историю создания произведения, начиная с того момента, когда возникла первая мысль о нём, и до того счастливого дня, когда писатель поставил в своей рукописи последнюю точку. Творческая история произведения помогает нам понять, какую идею хотел писатель выразить в своём творении, откуда он черпал материал, как он относился к своим героям, как он совершенствовал язык.

...Но вернёмся в архив и ознакомимся с другими его сокровищами. Помимо рукописей, в архиве хранится и обширная переписка Толстого. Великий писатель общался почти со всеми выдающимися людьми своего времени. Ему писали знаменитые русские писатели: Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Островский, А. М. Горький, В. Г. Короленко; композиторы: П. И. Чайковский, С. И. Танеев; художники: И. Е. Репин, Л. О. Пастернак, Н. Н. Ге; режиссёры: К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко; иностранные писатели: Ромэн Роллан, Бернард Шоу и другие. Письма в Ясную

Поляну шли со всех концов России и из многих стран мира. Свыше пятидесяти тысяч писем получено им от простых людей всего мира. И на все эти письма Толстой аккуратно отвечал. В архиве собрано около десяти тысяч писем, написанных его рукой.

В архиве хранятся также и многочисленные дневники и записные книжки писателя. В толстых тетрадях дневников и простеньких коленкорových записных книжечках запечатлены мысли писателя, его наблюдения над окружающей жизнью. В этих книжечках записано множество народных слов и выражений, пословиц, поговорок, сказок и легенд. В дневниках много записей, резко обличающих богатые классы, которые угнетают трудовой народ.

Советские учёные кропотливо собирают, бережно хранят и глубоко изучают всё, что имеет отношение к жизни и к творчеству великого писателя, прославившего русский народ своими произведениями.

А. И. Шифман,

кандидат филологических наук,
научный сотрудник Музея Л. Н. Толстого.

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Из дневников коломенских школьников

Недавно ученики и ученицы старших классов четырёх школ города Коломны совершили путешествие в Ясную Поляну. Руководил походом Андрей Павлович Радищев, педагог городского Дома пионеров.

Ребята прожили в Ясной Поляне целую неделю. Они бегали по утренней росе на любимую скамейку писателя, белоснежную берёзовую скамейку в ельнике. Они, примолкнув, сидели у пруда, отражающего нежные вечерние зори, слушали шёпот дубов старого леса—Чепыжа—и звонкий лепет листвы в овраге, у великой могилы. Они записывали в дневники свои мысли о писателе, о русской природе, о русском гении, о силе и красоте русской литературы — мысли, навеянные Ясной Поляной.

В сердцах ребят, как и в сердце каждого, повидавшего эти места, путешествие оставило неизгладимый след. Об этом говорят взволнованные строки путевых дневников.

«...Наш путь лежит по широкому и гладкому асфальтированному шоссе. По обеим сторонам дороги густой лес. Это засека, которая когда-то шла по границе Московского государства.

Бархатная зелень старого леса... Прозрачная лазурь июльского неба... Серая лента шоссе, то взбегающая на холм, то спускающаяся в низину... Я шла, и радовалась, и не верила, что иду в Ясную Поляну, о которой столько мечтала. В Ясную Поляну, где жил и трудился великий писатель Толстой, где создавал он свои чудесные книги, где была написана и та, которую я люблю больше всех, — «Война и мир»!..

Ноги не могут стоять на месте, так и хочется бежать, перегибать остальных и скорее ступить на яснополянскую землю. Вот мы уже идём дорогой, которой ходил Толстой... Смотрим на то самое поле, где он пахал и где Репин писал его портрет. Вот, наконец, показались «белые

Кабинет Льва Николаевича Толстого.

столбы» — невысокие сторожевые башни, древние стражи у входа в усадьбу...

...Тихий июльский вечер спускался на родную землю. Лёгкие, нежные тона неуловимо сменялись на угасавшем небе. Ветер пробегал по вершинам берёз и клёнов.

Мы медленно шли по извилистой лесной дороге. Над нами в вышине старые деревья почти сплелись своими вершинами. Дорога уходила вглубь леса, теряясь в полумраке вековых лип. Но вот небольшой зелёный островок молодой зелени. Здесь, направо от дорожки, на краю оврага, густо заросшего деревьями и высокими травами, — площадка неправильной формы, а посреди неё небольшой холмик. На нём положенные кем-то белые розы. Могила Толстого!

Это место было когда-то местом его детских игр. Здесь с любимым старшим братом Никольевичем он играл в свои игры-сказки; здесь «муравейные братья»

На этом лугу косил Лев Николаевич Толстой.

Лев Николаевич любил отдыхать на этой скамейке.

искали зарытую, по словам Николеньки, у края оврага волшебную зелёную палочку, которая всех людей должна была сделать счастливыми. Это место по завещанию писателя стало местом его погребения...

...Дни, проведённые в Ясной Поляне, навсегда останутся в памяти. Не один раз ходили мы по старому парку; каждый уголок его стал родным. Вот широкий «прешпект», аллея, поднимающаяся от входных «белых столбов» к дому, где жил Лев Николаевич Толстой и его семья. Вдоль дома тянется деревянная терраса, оплетённая диким виноградом.

Мы входим в дом... Вот на втором этаже столовая, гостиная и, наконец, кабинет Толстого. Светлая и солнечная комната. Огромное итальянское окно и стеклянная дверь на балкон, с которого открывается вид на старый парк с его вековыми липами. В кабинете и вещи и книги — всё так, как было при Толстом.

Посредине старый стол с потёртым зелёным сукном, с письменными принадлежностями... Низенькое кресло. Здесь, сидя в этом кресле, склонившись над этим столом, он писал.

Рядом со столом большое мягкое кресло для посетителей и вращающаяся этажерка. На неё ставились книги, необходимые писателю для работы, которой он в это время был занят.

Над письменным столом полка, точная копия с той, что была изрублена и сожжена гитлеровцами. А ведь ту полку Толстой сделал сам, своими руками! Он любил труд. Он часто сам ездил к колодезю за водой для усадьбы. Мы потом видели этот колодезь на краю леса. Однажды, вернувшись от колодезца, он написал в письме к жене:

«Вода чистая, лошадь милая, добрая, работа приятная — ну, редко я испытывал такое удовольствие!»

В кабинете у стены, направо от входной двери, есть ещё круглый стол с двумя мягкими креслами. На этом столе мы увидели том из полного собрания сочинений Достоевского, тот, в котором «Братья Карамазовы». Это последнее, что читал Толстой в Ясной Поляне. Том так и остался раскрытым.

На стене в этой рабочей комнате висит портрет Диккенса. Мы узнали, что Толстой очень любил Диккенса...

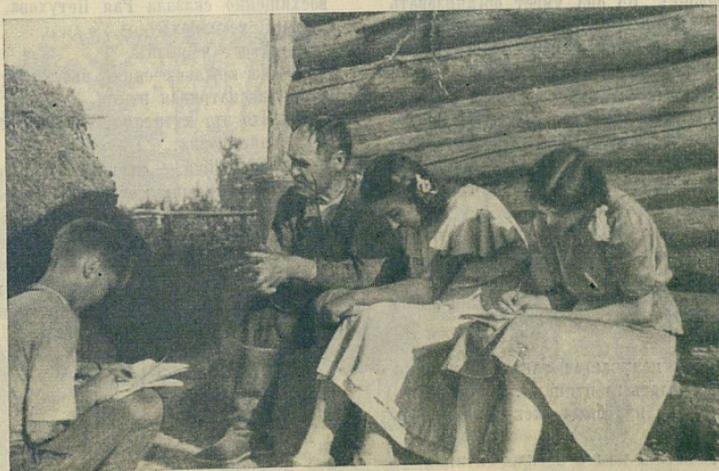
...Сегодня, разбившись на три группы, снова пошли по сёлам. Много рассказов о Толстом записали мы в Соломасове, и в Телятинках, и в Груманте, и в Смирновке. Конечно, эти рассказы — наполови-

ну вымысел. Это не воспоминания, а коротенькие сказки, легенды, какие народ создаёт о тех, кто остался навеки жить в его сердце. Но в трогательных, наивных, порой выдуманных подробностях этих сказов перед нами вырисовывался Толстой, каким его видит народ: человек добрый и справедливый, заступник за бедных, друг крестьян. В этих сказках он бесстрашно говорит правду в глаза самому царю, выводит на чистую воду хитрых и жадных попов, заступает за мужика и пашет поле безлошадной вдовой...

«Видом суровый, а делом мягкий», — говорила о нём Анна Герасимовна Прокопьева, колхозница села Ясная Поляна. Она ещё девочкой бегала в школу, устроенную Толстым, где он сам учил детей.

Под вечер, старательно сличая и дополняя свои записи, мы заносили их в дневник, и потом долго ещё думалось: «Как дорог Толстой народу, если в устах этих стариков столько задушевности и любви к великому писателю!..»

...Последний день в Ясной Поляне. Ты уходишь и прощаешься с этим замечательным местом, ты идёшь и смотришь на всё с таким чувством, как будто это тебе дано раз в жизни, и ты должен всё, что сейчас видишь, запомнить, запечатлеть в своём сердце, чтобы унести с собой на всю жизнь!..»

В села Телятинки. Старик-крестьянин Сергей Иванович Печников вспоминает о Толстом. Ребята записывают его рассказ.

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИКА

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Повесть М. Горбовцева.

Рисунки В. Константинова.

7/VII. Вот уже несколько дней, как мы с Мухачёвым и Раяй Петуховой в пионерском лагере.

Многим ребятам на первых порах лагерный распорядок не понравился. Дома они вставали когда как: то в восемь, то в девять часов. В лагере горнист играет подъём ровно в семь утра. Мне хоть бы что: я дома привык вставать ещё раньше — часов в шесть. И здесь встаю раньше всех.

Старшая пионервожатая в лагере — наша Любовь Максимовна. Маленькая, тоненькая, она похожа на девочку. Но она умеет организовать ребят на любое дело. Помню, зимой мы пошли на стадион расчищать снег и заливать каток. На работу должны были придти ученики и из других школ. Но они почему-то не пришли. Было холодно. «Что ж мы одни будем работать? Пошли домой!» — стали ворчать некоторые ребята. А Любовь Максимовна сказала: «Друзья! нас пятьдесят человек. Давайте докажем, что мы и одни можем сделать каток».

Сказала она это так, что я, кажется, один согласился бы работать. Через три дня площадка была расчищена и залита водой. Ребята в шутку стали называть свой каток «катком имени Любы Любимовой».

12/VII. Как-то получается так, что у меня нет времени наблюдать за птицами.

Но вот сегодня у нас была экскурсия в Колпенский лес.

— Ты расскажешь нам о лесных птицах, — сказала мне Любовь Максимовна. — Ведь ты у нас по птицам специалист.

Я согласился. В поход с нами отправился и лагерный пёс Трезор. Он бежал впереди, обнюхивал кусты, настораживал уши, оборачивался назад и, если видел, что мы уже близко, рысью пускался вперёд по дороге.

Колпенский лес смешанный: в нём есть и дуб, и ясень, и берёза, и ель, и сосна. На опушке леса нас встретила недовольным стрекотом красивая коричневато-бурая птица величиной с галку.

— Девочки, смотрите, какая красивая! — восхищённо сказала Рая Петухова.

— С хохолком!

— Хвост чёрный...

— На крыльях синие пояски, — говорили ребята, рассматривая птицу.

— Что это за птица, Федя? — спросила Любовь Максимовна.

— Это сойка, — сказал я и рассказал ребятам всё, что слышал от Павла Сергеевича.

— Своей песни у сойки нет. Она передразнивает других птиц: вольгу, перепела, сороку, дрозда... Эта птица вроде лесного часового. Увидела вот собаку и людей и застрекотала. А другие птицы уже знают: в лесу появился кто-то чужой.

— Какая умная и добрая птица! — заметила Рая.

Но я сказал:

— И совсем не добрая. Это злейший враг мелких птиц: она и яйца их выщипывает, и птенцов расклё-

Сойка.

Вертшейка
(крутиголов).

вывает, и самих птичек, если заведуются, не милует. Павел Сергеевич рассказывал, что один раз он нашёл на терновом кусту шесть голеньких птенчиков, наколотых на колючки. Это был сойкин склад про запас... Сойки очень наблюдательны и хитры. Сидят недалеко от чужого птенца, только вылетевшего из гнезда, и поёт как бы про себя, а сама глазом косит на свою жертву. Как только птенец заведается, она хватя его в лапы. Принесёт к своему гнезду и начнёт на кусочки расщипывать добычу и кормить детей.

— Ой, какая она мерзкая! — сказала Рай Петухова.

Дрозд-
рябинник.

Потом мы видели кругилолова, дрозда-рябинника, ястреба-канюка. Я рассказывал ребятам и про них. Ребята удивились, когда услышали, как канючил ястреб-канюк: «Кий-кий-кий...» Они думали, что ястреба немые. Когда возвращались домой, то в ивовых кустах возле ручейка мы увидели ещё одну очень красивую птичку: хвост у неё наполовину красный, наполовину бурый, а грудь и горлышко синие. Я никогда ещё не видел такой.

Надо спросить Павла Сергеевича, что это за птичка.

Ребятам экскурсия понравилась. Только Рай

Петухова, рассказывали девочки, когда ложилась спать, плакала. Её спросили: «Чего ты плачешь?» Она говорит: «Жалко птичек, которых сойка на колючки накалывает...»

Ястреб-
канюк.

22/VII. Мы с Раей вернулись из лагеря домой.

Домашние встретили меня радостно. Отец сказал, что я в лагере подрос. Бабушка говорит, что я не подрос, а стал мужественней. Мать сказала:

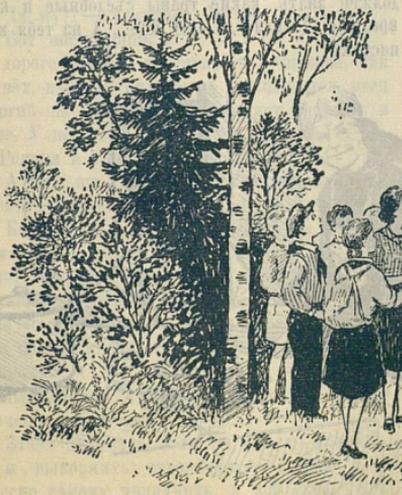
— Какой был, такой остался. Разве немного загорел...

Тут Анка лукаво глянула на меня и вполголоса зашала:

Каким ты был, таким остался, Орёл степной, казак лхвой...

Но сам я чувствую, что стал, как бабушка сказала, мужественней.

В лагере я часто вспоминал скворчонка Яшку: как-то он без меня живёт? Скворчонок оказался цел и невредим. Он очень подлюбил купаться. Возле печки стоит блюдечко с водой. Это яшкина ванна. В ней Яшка купается несколько раз в день. Меня он очень удивил. С утра он где-то пропал, а как только стали накрывать на стол и застучали ложками, так он оказался тут как тут. Увидев котёнка, он мяукнул, потом вспрыгнул на табуретку, с табуретки на стол, а со стола к бабушке на плечо. Он заглянул бабушке в рот, затрепыхал крылышками и тихо, но всё

У нас была экскурсия в Колпенский лес.

же так, что можно было разобрать, протянул: «Ка-а-шки».

— Мужичку табачку, скворушке кашки,— поправила его бабушка.

Но он нетерпеливо твердил своё: «Ка-а-шки». Бабушка дала ему кашки.

— А червей ему без меня давали? — спросил я Анку.

— Каждый день. Антон один раз кузнечиков целую горсть наловил и бросил на пол. Как начал Яшка за ними гоняться, цыркать,— смех один. Всех переловил.

— Я ещё поймаю,— сказал Антон и собрался вылезать из-за стола.

Но мать остановила его:

— Пообедай сначала... Ловец...

После обеда я пошёл в музей. Мне хотелось спросить у Павла Сергеевича, что это за синегрудую птичку мы видели в лагере и как мне быть дальше с дневником. Но Павла Сергеевича в музее не оказалось. Он уехал лечиться.

17/XI. Давно не записывал ничего в дневник. Птицы улетели. В садах пусто. Павла Сергеевича нет. Сегодня решил записать про школьные дела. В нашей школе много учеников из пригородных деревень Круцца и Фокиной. И в пятом классе «В» много фокинских ребят. Класс этот самый отстающий в школе. Особенно плохо учатся Сигаев Роман, Никишкина Александра и Рогачёва Анна. Любовь Максимовна принесла три тетради и сказала мне:

— Вот прочитай эти изложения, подчеркни ошибки и неправильные выражения и слова. Это тебе тоже полезно. А после завтра расскажешь ребятам, которые писали изложения, про их ошибки, расскажешь, как учишься сам и почему у тебя почти не бывает ошибок, а ведь ты раньше тоже неправильно говорил по-русски.

18/XI. Сегодня после уроков я и Любовь Максимовна беседовали с Рогачёвой Анной, Никишкиной Александрой и Сигаевым Романом.

— Вот, например,— сказал я,— Рогачёва пишет в своём изложении «Детство Некрасова»: «Там видел Коля издевления отца над крестьянами». Что это за слово такое «издевления»?

— А так моя бабушка говорит,— отвечает Рогачёва.

— А что твоя бабушка окончила?

— Ничего не окончила.

— Ну, вот видишь, ей простительно, а ты ведь пятый год учишься и должна уже знать, что правильно не «издевление», а «издевательство». Придешь домой, напиши десять раз: «издевательство». Я тоже некоторые слова

говорил и писал неправильно и тоже по десятил раз переписывал. На всю жизнь врежутся в память эти слова.

Потом я поговорил с Никишкиной Александрой.

— В изложении рассказа «Муму» ты пишешь: «Герасим подошёл и увидел, что бедный собачонок, несмотря на все свои старания, не вылезет из тине». Смотри,— говорю,— сколько ты в одном предложении нагородила ошибок: вместо «Герасим» ты пишешь «Герасим», вместо слова «щенок» или «собачонка» ты выдумала слово «собачонок». Дальше, как правильно: я вышел из воды или из воде?

— Из воды,— говорит Никишкина.

— А почему ж ты пишешь «из тине»? Прокляной дома письменно слово «тина» три раза.

Особенно долго мне пришлось толковать с Сигаевым Романом. Изложение рассказа «Пулемётчик Алексей Грачёв» Сигаев написал очень небрежно. Например: «Из-за сопки показалась атака немцев». Получается: не враги показались, а «атака».

«Закладывая новые диски, коварная пуля врага пронзила ключицу героя». Выходит, что коварная пуля закладывала диски.

Сигаев обиделся и сердито сказал себе под нос:

— А на что она мне, грамота, я хочу колхозное стадо пасти.

— Такого неграмотного хороший председатель и в пастухи не возьмёт,— сказала Любовь Максимовна.— В колхозе должен быть пастух грамотный. Он должен уметь читать книги по животноводству, знать болезни животных, уметь оказать первую помощь в случае надобности, должен знать, какие травы съедобные и какие вредные. Да мало ли ещё чего... А из тебя какой пастух?

Яшка вспрыгнул к бабушке на плечо и произнёс: «Ка-а-шки».

— А что, ж, если мне учёба не даётся? — сказал Сигаев.

— Без труда она никому не даётся, — повторила Любовь Максимовна.

Сигаев молчал...

Мы с Любовью Максимовной уже давно сдружились. Особенно после лагеря. Она тоже живёт на Дачной улице, и мы часто с ней идём вместе в школу или возвращаемся домой. После этой беседы с ребятами мы возвращались домой тоже вместе.

— Вот если бы ты, Федя, взял шефство над Сигаевым? — предложила Любовь Максимовна.

Я подумал и ответил:

— А если я с этим делом не справлюсь? Может, он и правда не способен к учёбе? Тогда ребята меня засмеют.

— Почему не справишься? Фокинская учительница говорила мне, что в третьем и четвёртом классах он учился хорошо. Видно, просто запустил уроки.

Я опять подумал и сказал:

— Ладно, я сначала потолкую с ним, узнаю, как он...

— Ну, что ж, потолкуй, — согласилась Любовь Максимовна.

29/XI. Во время большой перемены я разыскал Сигаева и спросил:

— Птиц любишь?

— Люблю, — говорит.

— Скворцов видел?

— Видел.

— Сегодня после занятий куда без меня не уходи, мы пойдём ко мне, я тебе особенного скворца покажу... Разговаривает.

— Да ну?! — удивился Сигаев.

— Вот посмотришь...

По дороге домой я расспрашивал Сигаева, как он живёт, какая у них семья. Оказывается, отец его погиб на войне. Мать работает дояркой в колхозе. У него ещё есть сестра, она на год моложе Романа и учится в сельской школе.

— А чем вы с сестрой после школы занимаетесь? — спросил я Сигаева.

— Когда чем... Бегаем, балуемся, в снежки играем.

Ясно! Откуда у Сигаева быть пятёркам, раз он домашние уроки не готовит?

Дома нас бабушка накормила обедом. Вместе с нами обедать и скворец. Скворец Роману очень понравился.

— Продай мне скворца, — сказал он, — я тебе что хочешь дам за него.

— Зачем покупать, если ты можешь сам поймать и выкормить скворчонка, — сказал я. — Интересно самому приручить. А мой скворчонок непроданный.

Роман прочитал задачу, пошпелтал что-то про себя и сказал: «Этого я не могу».

— Я, может, и поймал бы, да у нас они не водятся.

— А скворечник ставил?

— Не ставил.

— Как же они будут водиться? Я научу тебя, как скворечник сделать. Сделаешь скворечник, поставишь его весной у себя в саду, вот у тебя и будут свои скворцы.

Потом я, как бы между прочим, спросил, какие у них завтра будут уроки и что задано.

— Ну, садись, давай вместе уроки готовить, — предложил я.

Роман помялся, с неохотой достал книжки и сел за стол. В этот день он приготовил всё, что задано. Я проверил его и на другой день сказал Любови Максимовне:

— По всем предметам Сигаев учиться может, а арифметика ему не даётся.

— А ты бы вернулся с ним к пройденному, — посоветовала она.

Надо попробовать.

12/XII. Задачу Роману я задал нетрудную: «Восьми школьникам раздали карандаши. Если бы каждому из них дали на пятнадцать карандашей больше, то всего пришлось бы раздать восемьсот сорок карандашей. Спрашивается, сколько карандашей получил каждый школьник?»

Роман прочитал задачу, пошпелтал что-то про себя и сказал:

— Этого я не могу.

— Надо, — думаю, — дать ему ещё проще». Вижу, у Романа много новых тетрадей.

— Тетради нынче получил? — спрашиваю.

— Нынче.

— Сколько?

— Пятнадцать.

— Сколько заплатил?

— Три рубля.

— Почему же это одна тетрадь?

— По двадцать копеек.

Я обрадовался:

— Как же ты сосчитал?

— А там, на задней обложке написано: «Цена двадцать копеек».

Анка не выдержала и фыркнула. За Анкой рассмеялся Антон. Мать тоже улыбнулась. Одно-му мне было несладко.

— Ты три рубля на пятнадцать человек можешь разделить?

— Могу.

— По сколько же каждый получит?

Роман подумал и сказал:

— По двадцать копеек.

— А что ж ты говоришь: «Там написано»?..

— А зачем же высчитывать, раз уже всё подсчитано и написано?

— Возьмём ещё одну задачу, — спокойно сказал я. — Вот тебе мать дала рубль денег и сказала: «Купи на весь рубль спичек».

— У нас продавщица ребятам спичек не продаёт, — не дал договорить мне Роман.

— Ладно.. Восьми колхозных пастухам, и в том числе тебе, выдали на трудодни восемьсот сорок килограммов сахара. Можешь сосчитать, сколько получил каждый?

— Могу.

— Сколько ж?

— Восемьсот разделить на восемь — будет сто... и сорок на восемь — будет пять... По сто пять килограммов.

— Молодец! — похвалил я Романа.

Роман весело посмотрел на собиравшуюся прыснуть от смеха Анку.

— Ну, а если бы каждому из вас дать на пятнадцать килограммов меньше, то сколько бы ты получил?

— Девяносто килограммов.

— Так, выходит, такую задачу, что я тебе сейчас задам, ты можешь в уме решить. Решай, — сказал я.

И удивительное дело. Роман опять начал пыхтеть и что-то шептать про себя. Вижу: опять путается. Тогда я сказал:

— Возьми лучше не учеников, а пастухов, и пусть они получают не карандаши, а сахар.

Роман сразу просиял и быстро решил задачу.

— Она совсем лёгкая, — сказал он.

Я придумал ещё одну похожую задачу про колхозников и урожайность, и Роман решил и её без всякого труда. Тогда я понял, что у Романа способности не хуже, чем у других ребят.

— Ты когда-нибудь задачи сам решаешь? — спросил я.

— Нет, в пятом классе не решал. Раньше решал, — признался Роман.

— А теперь как же?

— А теперь я списываю.

Я задал ему ещё несколько задач. Роман решил и эти. Причём, решив задачу, Роман по-приятельски подмигивал Антону, хлопал его по плечу и говорил: «Ну вот, мы и решили задачку».

Когда Сигаев ушёл, Анка спросила Антона:

— Чего ты всё торчишь возле Сигаева?

— Я, должно быть, скоро полюблю его, — признался Антон.

Вечером за ужином бабушка сказала:

— И откуда ты такого бестолкового парня взял?

А отец:

— Молодец, сынок, по-пионерски делаешь: не только о себе, но и о товарищах заботишься!

30/XI. Табель об успеваемости Роман Сигаев принёс первым делом мне. В таблице была только одна тройка, по русскому языку. По остальным предметам стояли четвёрки.

— Неужто всего одна тройка? — удивилась Анка.

— Какое же тут может быть удивление? — обиделся Роман. — Мало мы с ним, — кивнул он на меня, — занимались? У меня, если хочешь знать, Рогачёва и Никишкина каждый раз списывают задачи.

— Смотри ты, какой важный стал! — с насмешкой заметила Анка.

Роман показал табель и Антону. Антон ни букв, ни цифр ещё не знал, но внимательно осмотрел табель и с уважением вернул его Роману.

— Вот какие, бабушка, дела! — сказал Роман и направился к бабушке.

— Никогда мне, у меня вон молоко убегает, — отмахнулась от табеля бабушка.

Я доволен романовыми успехами больше, чем своими, хотя в моём табеле по всем предметам стоят пятёрки.

Наша домашняя жизнь, как говорит отец, вошла в свою новую колею. Мать вступила в члены пригородного колхоза «Путь к коммунизму» и работает там бригадиром. Антон ходит в детский сад. Анка, на меня глядя, взяла шефство над своим одноклассником — внуком столяра Фёдора Ивановича — Васькой.

Я очень соскучился по Павлу Сергеевичу. Мне не терпится узнать, какую птичку я видел в лагере.

14/I 1953 года. Во время переменки в класс бежал Мухлачёв и крикнул мне:

— Что ты тут копаешься? Там тебя в школьной стенгазете професочили.

Я сразу не понял:

— Меня? За что?

— Тебя... А за что, сам почитай...

Мы выбежали в коридор и с трудом протис-

В стенгазете была заметка про то, как я занимаюсь с Сигаевым.

нулись сквозь толпу ребят к стенгазете «За учёбу!»

— Вот смотри, — показал Мухлачёв.

Заметка называлась: «Пионер помогает товарищу». В ней Любовь Максимовна рассказывала о том, как я занимаюсь с Сигаевым.

— Где ж тут «песок»? — спросил я Мухлачёва.

— Это я погугать тебя хотел, — сказал Мухлачёв. И от удовольствия его маленькие карие глазки совсем закрылись.

А на следующей перемене Любовь Максимовна остановила меня в коридоре и сказала:

— Семнадцатого января будет сбор отряда. Расскажи-ка ты на сборе, как помогал Сигаеву. Мы и Сигаева пригласим на наш сбор.

18/I. На сборе я рассказал про занятия с Сигаевым. Вспомнил, как я бился с первыми задачами, как нам пришлось повторять то, что проходили в четвёртом классе.

— А в общем, — сказал я, — занятия эти и мне пошли на пользу: я тоже освежил в памяти всё, что проходил в четвёртом и пятом классах.

— Сигаев! — сказала Любовь Максимовна. — Расскажи теперь ты... Что понравилось тебе, когда ты занимался с Фёдей Перепёлкиным?

— Мне понравился его скворец: он умеет говорить: «Мужичку табачку, скворушке кашки».

— Ты расскажи о занятиях...

— Перепёлки сам учит и меня заставлялет, а раньше я запускал уроки. Возьму книжку, раскрою её, а там для меня лес тёмный, ничего не понимаю. Ну, а теперь совсем другое дело!..

4/IV. Весна в этом году задержалась. Сегодня

утром было семь градусов холода. К обеду потеплело. На дороге в колеях появилась талая вода. На крыше дома Фёдора Ивановича, возле трубы, пригретый солнцем, тихо поёт хохлатый жаворонок, по-нашему хохлатка. Вторая хохлатка старательно что-то расклевывает на помойке у нас во дворе. Но, когда солнце спряталось в низких тучах, лужи стали стынуть. Хохлатка перестала петь.

Сегодня после уроков я шёл домой вместе с Любовью Максимовной.

— Пора подумать о Дне птиц, — сказал я.

— Верно... Спасибо, что напомнил, — сказала Любовь Максимовна. — Сходи договорись с Павлом Сергеевичем; он, говорят, вернется.

— Я уже был у него. Он опять заболел и лежит в постели.

— Тогда давай проведем его, — предложила Любовь Максимовна.

Мы повернули на Советскую улицу, где находится районный музей. Здание музея двухэтажное, большое. А во дворе стоит маленький флигелёк. В нём и живёт Павел Сергеевич.

Жена Павла Сергеевича провела нас через кухню в столовую и сказала:

— Я сейчас спрошу, можно ли к нему. — И ушла в спальню.

Большая светлая столовая напоминала скорее живой уголок: на стенках прибиты птички чучела, в углу на подставке распластал крылья белоголовый орёл, в другом углу, тоже на подставке, сидел угрюмый ушастый филин; в простенке между двумя окнами на берёзовом обручке ловил пёстрый дятел... Над каждым из трёх окон висели клетки с птицами. На фикусе сидела синица и расклевывала подсолнечное семечко. Прямо возле двери в большой железной клетке прыгала рыженькая белочка.

Чиж, щегол и реполов, как будто обрадовавшись нашему приходу, подняли звонкий щебет. Вот бы нам в школе организовать такой живой уголок! Надо об этом Любови Максимовне сказать. Только я об этом подумал, как вошла жена Павла Сергеевича и пригласила:

— Заходите.

Павел Сергеевич лежал на диване укрытый до подбородка одеялом. Его трудно было узнать: так изменила его болезнь. Но голос попрежнему бодрый, твёрдый, и разговаривал он всё так же шутливо.

Жаворонок хохлатый.

— Совсем я что-то расклеился... — сказал он. — Садитесь. Рассказывай, Федя, какие новости? Дневник свой принёс?

Я подал дневник.

— Положи его вон там, на тумбочке, — показал Павел Сергеевич.

Мы долго разговаривали с Павлом Сергеевичем, а когда собрались уходить, Любовь Максимовна сказала:

— Павел Сергеевич, мы хотели пригласить вас в нашу школу на День птиц.

— Если поправлюсь, с удовольствием приду, — ответил Павел Сергеевич. — А ты, Федя, займись с ребятами постройкой скворечников. Чем больше скворцов, тем меньше вредителей в огороде и в саду. Надо, чтобы у всех школьников во дворе были скворечники. Я слышал, ты в пионерском лагере был?

— Был.

— В дневничок что-нибудь записывал?

— Записывал, да мало.

Тут я и спросил у Павла Сергеевича о той красивой птичке, которую мы видели в Колпенском лесу.

— Вы её в лозняке возле ручейка видели? — спросил Павел Сергеевич.

— Верно, там... А как вы узнали? — удивился я.

— Так птичка эта — варакушка. Она живёт обычно в густом лозняке, возле воды...

— А книжку вашу про птиц напечатали? — спросил я Павла Сергеевича.

— Не сегодня-завтра должны прислать мне авторские экземпляры...

— В ней и про варакушку написано?

— И про варакушку написано и про тебя, — с улыбкой сказал Павел Сергеевич.

— А про него почему ж? — удивилась Любовь Максимовна.

— Про него почему? Он...

Павел Сергеевич поморщился от ревматического приступа и докончил:

— Он подслушал песню самца-иволги. Профессор Мензбир говорит, что иволга поёт только песенку из трёх колен: «фиу-ли-фью». А Федя утверждает, что «фиу-ли-фью» — это ругательный крик, а настоящая песня самца-иволги совсем другая, более сложная, и поёт он её тихо возле гнезда.

— Так ты, Федя, оказывается, уже сделал открытие?

Мне стало неловко:

— Никакое не открытие... Это Павел Сергеевич посоветовал понаблюдать за иволгой...

— А скворца тоже я научил говорить? — возразил Павел Сергеевич.

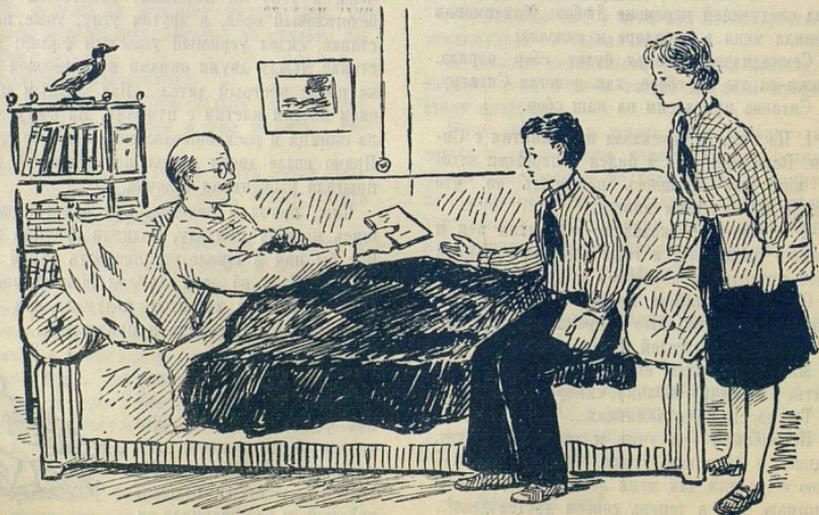
— Это тоже не я, а бабушка...

— Ну, а что с ним, со скворцом? — поинтересовался Павел Сергеевич.

— Петь перестал. По окнам всё бегает и свистит.

— Чувствует весну... На волю хочет, — пояснил Павел Сергеевич.

Я готов был бы хоть целый день просидеть у

— А в помощники я тебе дарю вот эту книжечку — сказал Павел Сергеевич.

Варакушка.

Павла Сергеевича, но Любовь Максимовна встала и сказала:

— Пошли, Федя, Павел Сергеевич устал. Мы к вам еще придём. До свидания!

— Ну вот, Федя,— сказала Любовь Максимовна, когда мы вышли на улицу,— надо нам сейчас за скворечники браться. На сборе отряда ты

расскажи, как надо скворечники делать, хорошо?

— Хорошо,— согласился я.

11/IV. Весна вступила в свои права. На полях крупяного колхоза «Путь к коммунизму» появились проталинки. Мы решили провести День птиц завтра, в воскресенье. Сегодня я с Любовью Максимовной ходил к Павлу Сергеевичу. Он все ещё болеет. Павел Сергеевич обрадовался, что ребята сделали много скворечников.

— А День птиц проведёте и без меня. Ты, Федя, сам расскажешь ребятам о птицах. А в помощники я тебе дарю вот эту книжечку.

И Павел Сергеевич дал мне небольшую новенькую книжку. Книжка называлась «Птицы нашего края». Это и была та книжка, которую написал Павел Сергеевич.

Домой я не шёл, а бежал. Не снимая пальто и шапки, сел за стол и начал искать главу про иволгу. Ведь там должно быть написано про меня! И вот на восьмидесятой странице я прочитал: «Некоторые учёные полагают, что песня иволги состоит из коротких флейтовых звуков, вроде «фиу-ли-фью». В этом году благодаря юному натуралисту школьнику Феде Перепёлкину я имел возможность послушать настоящую песню иволги-самца. Она во многом похожа была на песню славки-черноголовки...»

Это место я прочитал три раза, а потом вспомнил про варакушку и нашёл страницу, где рассказывалось о ней.

Я как увлёкся книжкой, что и не заметил, как в комнату вошла бабушка и сказала:

— Ты что это сидишь за столом в шапке и одетый?

Тут только я скинул пальто и снял шапку.

14/IV. День птиц прошёл хорошо. После моего рассказа о птицах мне задали много вопросов. Особенно подробно расспрашивали, как научили говорить скворца.

Потом выступил какой-то незнакомый мне школьник и сказал:

— По-моему, Перепёлкин с воспитанием скворчонка допустил ошибку.

— Какую? — спросила Любовь Максимовна.

— Нельзя было доверять скворчонка бабушке. Надо было научить его говорить: «Пионер,

не теряй ни минуты», а не «Мужичку табачку».

Ребята засмеялись. Школьник смутился, покраснел и быстро сел на место.

— Ну, что ж, попробуй исправь его ошибку...

— Любовь Максимовна,— поднял руку Сигаев.— А что если научить скворчонка говорить: «Я Яша! Русский! Привет!» Он полетит зимовать в Грецию или в Италию и там, глядишь, будет сидеть на ветке и говорить: «Я Яша! Русский! Привет!»

Выдумка Романа всем понравилась.

— А я предлагаю ещё надеть ему на ножку дутое лёгонькое кольцо, а в кольцо вложить письмо на пишросной бумаге. В письмо написать: «Товарищ! Этого скворца зовут Яша. Сообщил почтой, где он зимовал и как себя вёл». Ну, и указать адрес нашей школы,— предложила Рая Петухова.

— Лучше музея! — поправил я.

— Верно! — закричали ребята.

19/IV. Заканчиваю записи про скворца.

...Как-то незаметно скворчонок превратился в скворца. Он перелинял и из серовато-бурого стал бурым в белых крапинках. Клюв у него был чёрный, а теперь совсем жёлтый. Бабушка приучила-таки его говорить полностью: «Мужичку табачку, скворушке кашки». Слово «кашки» он всегда повторяет два раза.

Скворчонка полюбили даже соседи. Фёдор Иванович всякий раз, как зайдёт к нам, первым долгом скворца окликает:

— Яша!

— Фюнт! — доносится в ответ откуда-нибудь из угла.

Фёдор Иванович лукаво подмигнёт и продолжит:

— Иди сюда, я хочу с тобой договор на червей заключить.

Но Яшке не по силам понять такую сложную речь, и он опять односложно отвечает:

— Фюнт!

Один раз приходили ко мне мои товарищи-одноклассники вместе с Любовью Максимовной. Яшке, должно быть, напугало такое множество народу. Тогда я нарочно заюкал ложками, он быстро выбежал из-под печки, но сейчас же снова нырнул обратно и уже больше не показывался.

Во время осеннего ненастья Яшка любил взобраться на окно и нарочно заюкал ложками, что делается во дворе. С тех же пор, как мороз расписал оконные стёкла пыльными узорами из папоротников и пальм, скворец забросил окна: всё равно ничего не увидишь,— и любимым его местом сделались бабушкины рогаши. Рогаши лежали под печкой. Как только бабушка вытопит печь и закроет её заслонкой, так на рогащках рогачей усаживается Яшка и начинает петь свою

песню. Это была, можно сказать, не песня, а весёлая болтовня: он свистал, ржал, подражая жеребёнку, мяукал по-кошачьи, чирикал, снова мяукал и даже свистел, как свистят мальчишки. Особенно любил он петь, когда выдавались яркие, солнечные дни, и мёрзлые стёкла горели мириадами разноцветных искр, и когда в кухне было тепло и тихо.

Весной скворец забеспокоился. То и дело перелетал он с одного окна на другое и всё свистел. Увидит прохожего — свистнет, пробежит собака — свистнет, пролетят воробьи — опять свистнет. А когда зажурчали ручьи, он совсем почти перестал петь, стал плохо есть и дотемна только и знал, что бегал по окнам.

— Весна... На волю хочет,— сказала бабушка.— Давай выпустим его.

Я согласился, а Анка захныкала:

— Не надо выпускать...

А за ней и Антон начал тереть кулаком глаза.

Но тут вмешался отец.

— Давайте сделаем вот что,— предложил отец.— Как только прилетят скворцы, откроем дверь во двор. А там — пусть сам выбирает: не захочет улетать — пусть живёт у нас, улетит — счастливого пути.

23/IV. Сегодня яркий, солнечный день. На нашей группе за парашем сидят скворцы. Может быть, это те, что вывелись в прошлом году в моём скворечнике. Я широко открыл дверь из кухни в сенцы и из сенцев во двор. Скворец подбежал к двери, на пороге остановился, удивлённо и как бы с опаской посмотрел во двор, свистнул и быстро вернулся в кухню. Потом снова добежал до порога, спрыгнул с него в сенцы, опять посмотрел во двор, опять свистнул и снова вернулся в кухню. Так он проделал несколько раз. Мимо него прошёл Черныш, но Яшка не только не сказал «мяу», но даже как будто и не заметил Черныша. Я несколько раз окликнул скворца по имени, но он только повсвистывал и снова то из кухни в сенцы, то из сенцев в кухню. Наконец он присел и тяжело, как неопытный птенец, взлетел на крышу сарая. Осмотрелся и перелетел на грушу.

Анка позвала скворца:

— Яша, хроменький, кашки!

Её голос вспугнул сидевших на груше скворцов. Стая поднялась в воздух.

— Скворушка, миленький, не улетай! — прорычательно крикнула Анка.

Скворец наш немного посидел, как бы раздумывая, лететь или остаться, а затем вспорхнул и полетел вслед за стаей.

— Улетет-ед,— с плачем протянул Антон.

— Ничего,— сказал я,— он к вечеру вернётся.

Но Яшка так больше и не вернулся...

20/IV. На этот раз я пошёл к Павлу Сергеевичу с Мухлачёвым и Сигаевым. Ребята очень хотелось посмотреть на белку, о которой я им рассказывал.

Пока Павел Сергеевич читал мою запись про скворца, а я рассматривал чучело филина, Мухлачёв и Сигаев не отходили от клетки с белкой.

— Смотри, смотри, как она семечки грызёт!.. Во! — восхищённо шептал Роман.

— Поправилась? — окончив чтение, спросил Павел Сергеевич Сигаева.

— Поправилась... Я и не думал, что она такая весёлая!

— Ну, вот,— подал мне Павел Сергеевич мой дневничок.— Теперь всё в порядке. А как ты думаешь, не организовать ли в школе уголок живой природы? Ведь нужен такой уголок?

— Очень нужен,— говорю.— Некоторые девочки... да и ребята... сроду не видели даже таких птиц, как чиж, щегол... Только сумеем ли? Птиц и животных надо кормить, ухаживать за ними...

— Конечно, одному трудно... Но у тебя вот уже два помощника,— показал Павел Сергеевич на Романа и Мухлачёва.— А захочешь,— ещё десяток найдёшь.

— Да, пожалуй, и сотню найду,— согласился я.

— Значит, действуй... А потом вот ещё дело интересное. У нашего народа есть особо любимые птицы: кукушка, сорока, соловей... Неплохо бы было собрать и записать всё, что говорится о них в пословицах, поговорках, песнях, рассказах. Как ты думаешь?

— Хорошо бы,— согласился я.

— Это, на мой взгляд, очень увлекательная работа,— займитесь этим.

— Выйдет ли что-нибудь? — усомнился я.

— Выйдет,— уверенно сказал Павел Сергеевич. И ещё раз повторил: — Выйдет... А чтобы положить начало уголку живой природы, я дарю вам белку вместе с клеткой... Берите её,— показал Павел Сергеевич на клетку.

Было воскресенье. Тротуары на солнечной стороне улиц уже подсохли. На улицах города было много народу. Я нес клетку с белкой, Роман и Мухлачёв важно шли рядом, а за нами толпой гнались ребята и спрашивали, какой это зверёк и куда мы его несём.

Трудящиеся Токио вышли на демонстрацию против закона, запрещающего всеобщие забастовки.

В Я П О Н И И

А. Кожин

Своеобразна и живописна природа Японии. На севере её растут сосны, берёзы, ели. В средней полосе и на юге не только летом, но и зимой зеленеют пальмы, бамбук, японские вишни. За двое—трое суток вы можете перенестись от снежных вьюг на Хоккайдо к тропической жаре на юге страны. Даже в Токио, расположенном в средней полосе, на острове Хонсю, средняя температура в январе — три градуса тепла.

Японские острова — вулканического происхождения. Здесь много потухших вулканов, а некоторые и сейчас время от времени извергают потоки огненной лавы.

Красивые долины, обрамлённые горными хребтами, подножья гор, холмистые возвышенности — каждый клочок доступной для обработки земли — покрыты, как шахматными клетками, небольшими разделанными участками, с которых крестьяне снимают по два — три урожая в год.

Как хорошо жилось бы японскому народу, если бы ему принадлежали плоды его труда, богатства родной земли! Но

ими владеет не тот, кто с утра до позднего вечера гнёт спину на рисовых полях, кто воздвиг красивые города, дворцы, храмы, заводы, фабрики, кто строит сложные машины, добывает уголь, нефть, золото, платину, кто по быстрым горным рекам сплавляет лес, кто приводит в движение миллионы ткацких станков.

Богатства японской земли, всё, что создано талантливым трудолюбивым народом, принадлежат кучке капиталистов и помещиков.

На центральных улицах Токио высятся многоэтажные дома европейского и восточного типа с плоскими крышами. На домах — золочёные вывески: «Магазин Мицукоси», «Банк Мицубиси», «Управление шахт Мицуи». Это фамилии капиталистов, крупных заводчиков и фабрикантов. Из поколения в поколение они, эксплуатируя народ, копили богатства, прибирали к рукам банки, шахты, заводы, судовойфи. Несколько семейств японских богачей владели до войны почти всей промышленностью, транспортом, торговлей страны.

Но не только японские богачи грабят и разоряют страну.

После Великой Отечественной войны Соединённые Штаты Америки послали на Японские острова свои войска и оккупировали Японию. И вот теперь японские и американские капиталисты вместе угнетают народ, вместе вынашивают планы новых походов.

Я пробыл в Японии год, и с первых до последних дней я постоянно чувствовал, как тяжела и унизительна для японского народа американская оккупация.

Каждый третий или четвёртый прохожий, которого вы встречаете в Токио и в других крупных городах Японии, — американец. На глаза вам то и дело попадают надписи «стрит», «авеню» — так на американский манер переименовали оккупанты японские улицы. Возле лучших городских зданий — магазинов, ресторанов, театров и гостиниц — стоят вооружённые американские часовые. Японцам вход сюда запрещён. Повсюду разъезжают зелёные «джипы», оглашая улицы пронзительными звуками сирен. Это машины американской военной полиции. Первого мая прошлого года я видел, как американские военные полицейские в упор расстреливали участников многолюдного митинга.

Вот на одной из улиц Токио слышатся хриплые голоса, возгласы на английском

Обычная картина на улицах Токио: инвалид войны просит милостыню.

языке. На асфальте лежит юноша-японец. Лицо его в кровоподтёках. Несколько пьяных американских солдат с остервене-

Японскому правительству нет дела до того, где найдут приют сотни токийских бедняков. Оно разорило их жалкие трущобы, чтобы не портить вид города.

У этих бедняков есть «дом». Но что это за дом! Безработные города Саппоро строят свои лачуги из кусков ржавой жести, сломанных ящиков, мешков и рогож.

нием бьют его коваными ботинками. И всё это только потому, что солдатам показа-

лось, что юноша недостаточно почиттелен к ним.

Куда бы вы ни поехали, всюду вы можете увидеть колючую проволоку и дощечку с надписью: «Стоять! Проход запрещён». Это значит, что поблизости расположена американская военная база. Американцы захватили под свои базы уже больше ста тысяч гектаров плодородной земли. Они запретили японским рыбакам ловить рыбу на западном и восточном побережьях Японии и устраивают там стрельбища для военных кораблей. А японские рыбаки голодают, разоряются.

В центре Токио — великолепные здания, которыми владеют богачи, роскошные отели, виллы, окружённые причудливыми скверами, бассейны, где плещутся золотые рыбки. А в пяти минутах ходьбы, на берегу зловонных каналов, копошатся в поисках объедков взрослые и дети.

Эти каналы часто становятся местом тяжёлых драм. Вот одна из них. На берегу столпились угрюмые, молчаливые люди. По каналу шныряет лодка. Двое в лодке прощупывают дно длинными шестами. Что случилось? Женщина с ребёнком бросилась в канал. Она осталась без средств к существованию и, доведённая до отчаяния, покончила с собой. Это обычная история.

Поздней ночью на улицах Токио видишь торопливо идущих бедно одетых людей. Это безработные. В Японии сей-

Японские и американские империалисты военизируют Японию, готовят вооружённые силы к новой войне.

Японская полиция расправляется с участниками мирной демонстрации инвалдов войны.

час около десяти миллионов безработных и полубезработных. С полночи спешат они к биржам труда в надежде получить хоть какой-нибудь заработок.

На одной из бирж я поинтересовался, какая специальность у этих людей и давно ли они не имеют работы. Я разговаривал с учителем, инженером, машинистом, музыкантом. Все они давно без работы. Около тысячи человек собралось к открытию биржи, а получило наряды лишь несколько человек. Их послали подметать улицы, таскать грузы.

Положение этих людей ужасно. У многих нет крова. Осенью, когда начались проливные дожди, я видел семьи бездомных людей, расположившихся на ночлег на вокзалах, под железнодорожными мостами. Видел я их и на грязных аллеях парка Уэно. Стараясь укрыться от пронизывающего ветра и проливного дождя, прикрывая собою детей, прямо на земле лежали под высокими деревьями, скорчившись, мужчины и женщины.

— Откуда вы? — спросил я пожилого человека в лохмотьях.

— Житель Токио, — ответил он. — Вот выбросили из квартиры, нечем платить.

— Вы безработный?

— Да, уже второй год.

— А кем работали?

— Работал слесарем в мастерской «Кавасаки».

Глаза горемыки горели голодным, ли-

хорадочным блеском, на его коленях лежал, не двигаясь, мальчуган лет шести. Худое, мертвенно бледное лицо его было покрыто струпьями.

Возможности найти работу почти нет. В городе Осака и его пригородах, в этом крупнейшем промышленном центре страны, стоят многие текстильные фабрики, машиностроительные заводы, судостроительные верфи. Тысячи людей выброшены на улицу. Зато вовсю дымят трубы военных предприятий. Открыты старые, построены новые военные арсеналы. Японское правительство по указке американцев сотни миллиардов иен расходует на военные нужды. А трудящимся живётся всё тяжелее. Рабочий текстильной промышленности получает от трёх до пяти тысяч иен в месяц. Этим денег может хватить только на то, чтобы купить пару рубашек или дешёвый детский костюм.

Чтобы побольше нажиться, японские капиталисты заставляют рабочих трудиться за двоих, за троих, от зари до зари, совершенно не заботятся об охране их труда, а платят гроши. На японских предприятиях бьются сотни тысяч несчастных случаев в год.

Приехал я как-то на металлургический завод «Амагасаки Сейко» в городе Осака. Мы поднялись на площадку мареновских печей. Одна печь бездействовала, покрылась трещинами. Оказывается, недавно в ней взорвались гранаты. Железный лом

привозят на завод из Южной Кореи. И вот то и дело случаются несчастья. В марте-новском, в прокатном цехах рабочие работают без защитной одежды. Огненные брызги попадают на обнажённое тело. До ста человек в месяц получают увечья. Этим потерявших трудоспособность людей попросту выбрасывают за ворота. Ведь желающих стать на их место так много!

Бывал я и в японских деревнях, у рыбаков. Каждый раз, приезжая в деревню, я любовался красивыми сельскими пейзажами. Но вот поговоришь с людьми — и на тебя повеет безысходным человеческим горем. Ведь большинство крестьян не имеет своей земли. Они арендуют жалкие наделы у кулаков и помещиков и нередко отдают им за это почти весь урожай. Миллионы бедняков уже с осени остаются без риса и вынуждены питаться кореньями, травами, ракушками, закладывают свои хижины. Многие продают своих детей.

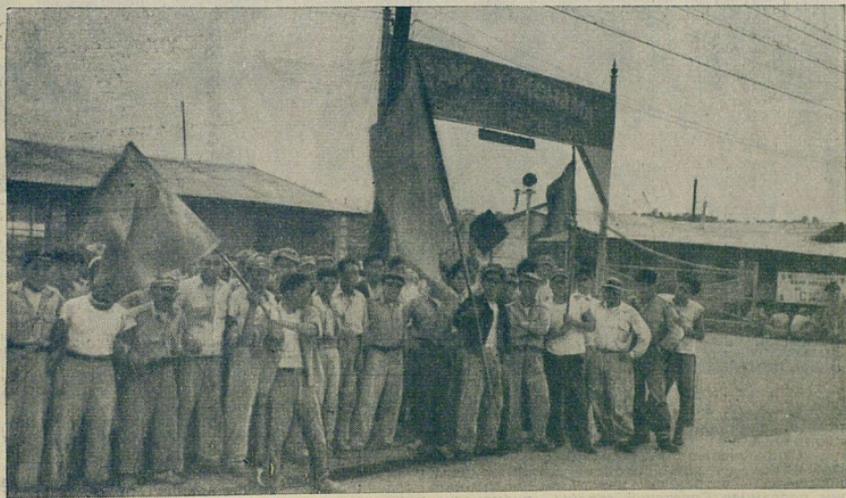
В городе Киото в ткацких мастерских мне приходилось видеть малышей, скрученных в ближайших деревнях у обнищавших крестьян. По десять—двенадцать часов без отдыха работают дети в жалких каморках, куда не проникают солнце и свежий воздух.

На улицах японских городов и деревень не услышишь детского смеха. Бледные, измождённые лица малышей постоянно напоминают об их горькой участи. Около миллиона ребят в прошлом году были вынуждены бросить школу. Десятки тысяч детей работают чистильщиками обуви, рассыльными в магазинах, подмастерьями на фабриках и заводах.

Так живут простые люди в Японии. Но они не собираются мириться со своей участью. Японский народ всё решительнее и смелее борется за свои права, за свободу и независимость родины.

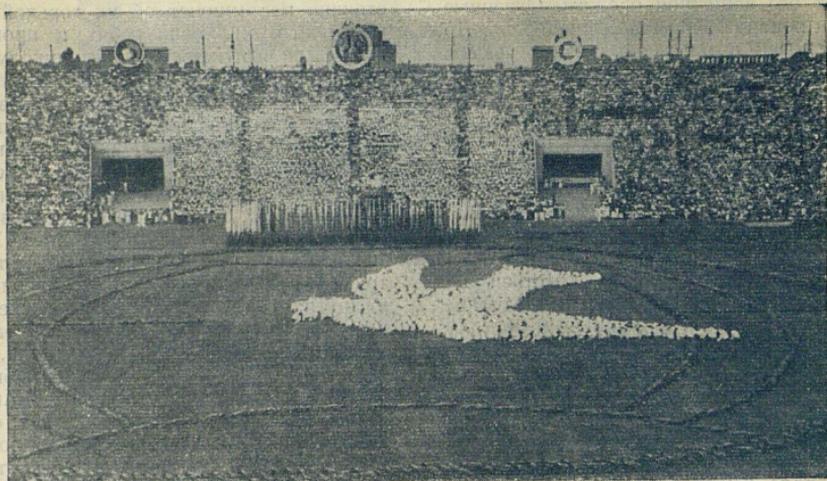
Мне никогда не забыть, как сотни тысяч трудящихся Токио, Осака, Киото, Саппоро и других городов — мужчины и женщины, взрослые и дети — вышли с красными знамёнами на улицы и площади. Они пели «Интернационал», свою любимую песню «Акахата» и требовали: «Мы не хотим быть рабами американских оккупантов и их прислужников! Долой поджигателей войны! За дружбу с Советским Союзом и Китаем!»

Под этими лозунгами в прошлом году прошли мощные забастовки шахтёров, металлургов, железнодорожников, моряков, рабочих электростанций. Под этими лозунгами бастуют сотни тысяч японских трудящихся.

Рабочие авторемонтных мастерских в Иокогаме отказались обслуживать американские войска и потребовали повышения заработной платы. На снимке: пикет забастовщиков.

ПРАЗДНИК МИРА, МОЛОДОСТИ И ДРУЖБЫ

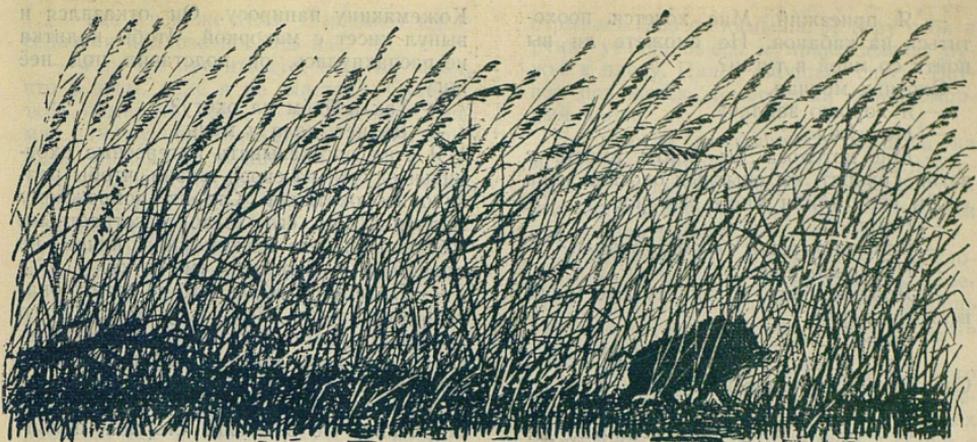

В городе Бухаресте, столице Румынской Народной Республики, проходил Четвёртый Всемирный фестиваль демократической молодёжи и студентов. На праздник дружбы и мира приехали посланцы молодёжи из ста одиннадцати стран.

Открытие фестиваля происходило на огромном стадионе. Полтора часа понадобилось, чтобы все делегаты прошли торжественным шествием по полю стадиона. Дружными аплодисментами встречали участники праздника появление делегаций. Горячо приветствовали они посланцев Советской страны — знаменосца мира и дружбы между народами.

Фестиваль показал твёрдую решимость молодёжи отстаивать мир во всём мире, крепить единство и дружбу молодёжи всех стран.

На верхнем снимке вы видите выступление молодых спортсменов Румынии. Тысячи юношей и девушек образовали на зелёном поле стадиона фигуру голубя мира, летящего над земным шаром. На нижнем снимке — молодёжь восторженно приветствует делегацию Кореи.

В АМУ-ДАРЬИНСКИХ ТУГАЯХ

Рассказ А. Шахова.

Рисунки В. Константинова.

Так вот они какие, аму-дарьинские тугаи!.. Как охотника, они манили меня к себе давным-давно. По литературе мне было известно, что в верхнем течении Аму-Дарьи и по Пянджу, выше Вахша, тугаи местами занимают огромные площади. Бывали случаи, что охотники в пасмурные дни, потеряв направление, блуждали в этих зарослях по несколько дней.

В тугаях когда-то пряталось великое множество диких свиней, встречались стада камышового оленя, по ночам часто слышалось унылое уханье полосатой гены и предсмертный крик кабана, подмятого тигром.

Тугайные земли отличаются плодородием. Лет двадцать тому назад было решено постепенно очищать их от кустарников и болотных растений. Каждую зиму над жёлтыми, сухими тростниками там и сям с треском взвизывает красное пламя, и над Аму-Дарьёй, заволакивая небо, целыми днями стоит сизый горьковатый дым. Приходит весна, по пеплу начинают гулять тракторы, оставляя за собой пласты вывороченной земли. И там, где когда-то шумели тростники, теперь зеленеют рис, хлопчатник, люцерна, стоят колхозные и совхозные строения.

Но тугаев ещё и поныне достаточно. Хотя кабанов в них сильно поубавилось,

олени насчитываются единицами, а тигр является редким гостем, для охотника там ещё и теперь раздолье.

На Аму-Дарью я поехал на несколько дней после окончания служебных дел. Охота в незнакомых местах без проводника редко бывает удачной, и я принялся за поиски человека, хорошо знающего местные уголья. Мне указали на колхозного сторожа Кожемякина.

В полдень я подошёл к саманному домику с плоской крышей, огороженному высоким серым дувалом, и постучал в калитку. Залаяли собаки, затем послышались неторопливые шаги, калитка наполовину открылась, и передо мной появился кражистый, босой старик лет шестидесяти пяти. Лицо его, обросшее чёрной, с проседью круглой бородой, было сонным и неприветливым. Из-под нависших, лохматых бровей пытливо смотрели карие острые глаза.

— Здравствуйте! — сказал я. — Вы товарищ Кожемякин?

— Я, — ответил он, застёгивая ворот рубахи.

Придерживая рукой калитку и не приглашая войти во двор, Кожемякин осмотрел меня с ног до головы и, задержав на секунду глаза на моём ружье, отвёл их в сторону.

— Я приезжий. Мне хочется поохотиться на кабанов. Не сможете ли вы пойти со мной в тугай?

Охотник молчал.

— Я хорошо заплачу.

— Не нужно.

— Мне хотелось бы пойти вместе с вами. Говорят, вы опытный охотник и на своём веку убили много кабанов.

— Немало.

— Вероятно, вы и тигров убивали?

— Не приходилось.

— Должно быть, в этих тугаях много всякого зверя?

— Звери есть.

— Под боком такая богатая охота! Счастливы вы человек!

— На судьбу не жалуясь.

— И собаки у вас, видно, неплохие?

— Ничего собаки.

— Рассказывают, что вы однажды выручили одного местного охотника. На него наскочил раненый кабан, а вы без ружья бросились к зверю и ударили его кинжалом. Это правда?

— Был такой случай.

Несмотря на все мои усилия, разговор не завязывался. Помолчав, я предложил

Кожемякину папиросу. Он отказался и вынул кисет с махоркой. Чтобы калитка не распахнулась, он подставил под неё ногу.

— Так пойдём на охоту?

— Да нет, дела у меня...

Я стал рассказывать интересные охотничьи случаи из своей жизни, чтобы раззадорить охотника. Старик попрежнему молчал. Лицо его было бесстрастным. Убедившись, что Кожемякина ничем не проймёшь, я протянул ему руку.

— Прощайте! Жаль, что не хотите оказать мне услугу. Без вас у меня ничего не выйдет. А мне так хотелось поохотиться на аму-дарьинских кабанов! Никогда ещё не доводилось кабана подстрелить.

Вероятно, в моих словах было столько огорчения, что в глазах старика появилось участие.

— Неужели ни одного?

— Ни одного.

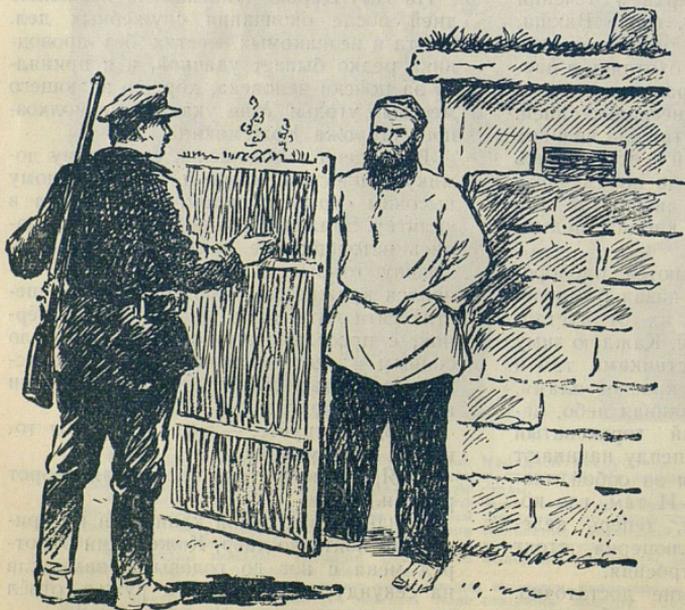
— А я думал, вы будете хвастаться! Ну, ладно... Покажу вам кабанье дарство. Не знаю, убьёте или нет, а стрелять будете.

Старик повёл меня в свой опрятный домик, посадил за стол и, предложив отведать дыни, стал собираться на охоту. Три охотничьих собаки, поняв, в чём дело, подняли радостный лай на всю улицу.

* * *

По дороге в туган Кожемякин разговорился.

— Старуха моя померла, один остался, — рассказывал он. — Сторожем работать — совсем уж дело никудышное. Беспокойство меня одолело. Надо такую работу найти, чтобы около неё душа грелась. Колхозный сад у меня в мыслях — вот что! Никак он у нас не наладится. То ли сорта не те, то ли земля неподходящая... Думка у меня одна — малость подучиться. Поехать бы в Мичуринск!

— Так в чём же дело? Попросите председателя колхоза послать вас.

— Как же просить его, если он знает, что в этом деле я не мастак? Скажет: тебе помирать пора, а не учиться. Нет, мне самому надо поехать. В нашем климате, слышал я, можно разводить и субтропические культуры: мандарины, лавр, маслины, тунг и ещё какие-то.

Я дал старику кое-какие советы и, между прочим, сказал, что знания по плододоводству и субтропическим культурам можно приобрести и помимо Мичуринска, например, в Самарканде или Ташкенте.

— Это правильно: до Самарканда рукой подать, — ответил Кожемякин, — а всё-таки желательнее поехать в Мичуринск: ведь Мичурин не в Самарканде работал. Да и Москву хочется посмотреть.

— Кому что! — сказал я. — Вам хочется побывать в Москве, а мне, москвичу, побродить по тугаям и убить кабана.

— Насчёт кабана не беспокойтесь! Если днём не повезёт, ступайте вечером на бахчи, — сказал старик, указывая на поля за тугаями. — Нынче мне колхозники жаловались, что ночью кабаны попортили много арбузов. Сядьте там и дождитесь свиней.

* * *

Пегаш, большой, с белыми пятнами пёс, прыгнувший слева от нас по зарослям гребенщика, вдруг яростно залаял. Мурзик и Чёрный, бежавшие справа, с лаем помчались к нему.

— Погнали кабана, — сказал Кожемякин и, сбросив с плеча штуцер, бросился наперерез собакам. Я за ним.

На прогалине, заросшей сочными солянками, мы остановились. Впереди вздымалась неподвижная стена невысокого камыша. Издали по верхушкам его, словно от ветра, приближалась к нам узкая тёмная полоска. Это бежал зверь. За ним на большом расстоянии с лаем гнались собаки.

Курки взведены. Глаза приросли к полоске шевелящегося камыша. Эта полоска подходит к нам всё ближе, ближе. Вот до неё остаётся несколько десятков шагов. Сердце бьётся гулко, стук его отдаётся в ушах. От волнения я переступаю с ноги на ногу, искоса смотрю на Кожемякина. Он спокоен, в правой руке держит ружьё, левой изредка приглаживает пушистые, наполовину седые усы и тоже не

отрывает глаз от камыша. Я беру себя в руки, успокаиваюсь и прикладываю ружьё к плечу. Палец ощущает спуск. Вот-вот покажется тёмнобурый длинномордый кабан.

Но полоска качающегося камыша на мгновение замерла, а потом круто повернула в сторону. Почувяв нас, зверь изменил направление. В угон ему я выстрелил наугад два раза.

— Бесплезная стрельба, — с неудовольствием заметил Кожемякин. — Стрелять полагается только, когда видишь зверя, а то, неровён час, можно угодить и в собаку.

Кабан устремился к зарослям высокого тростника, казавшегося среди серого гребенщика зелёным островом. Таких «островов» вокруг было много. Собаки с лаем и визгом пробежали мимо нас. Идя вслед за ними, мы вскоре остановились перед «островом». Высокие, в два человеческих роста, тростники оказались настолько густыми, что даже кабан повернул и побежал краем их.

Будет ли зверь огибать «остров» или удалится от него? Кожемякин остановился в раздумье. Лай собак слышался слева.

— Пожалуй, лучше идти направо, — нерешительно сказал мой спутник и, закурив, пошёл вдоль «острова».

Нерешительность Кожемякина меня смутила, и я, надеясь, что собаки рано или поздно повернут кабана в обратную сторону, сказал, что пойду налево, по следу зверя.

— Вместе бы сподручнее идти, — заметил охотник.

Но я заупрямился.

— Если так, — сказал он, — то давайте не будем далеко расходиться, встретимся вон у того тополька. — И Кожемякин показал мне на одинокий тополь, находившийся вдаль, за тростником.

Вскоре широкие плечи и узорчатая тубетейка охотника скрылись в тугаях.

Зашагал и я. В осоковом болоте след кабана потерялся. Я пошёл наугад. За болотом, на пухлых голых солончаках, снова показались глубокие отпечатки кабаньих копыт. К сожалению, солончаки скоро кончились и пошли кустарники: мелкая ива, джида, чингил и облепиха. Среди них иногда возвышалась туранга — особый вид тополя, с узкими, как у ивы, листьями.

Некоторые кустарники были с колючками. Обвитые ломоносом, они оказались непроходимыми. Идя краем этих джунглей, я пошёл к тростниковому «острову». Из середины его доносились плеск уток и крики лысух: там находилось озеро. Над моей головой безмолвно носились чайки. Стороной пролетел чёрный баклан, за ним, сверкая на солнце пером, потянулась белая цапля.

Пробраться густыми тростниками было трудно, оставалась одна дорога — через кустарники. Сделав несколько шагов между кустами облепили, я от неожиданности вздрогнул: из-под самых ног с необыкновенным шумом «свечой» вылетел разноцветный, длиннохвостый фазан. Я вскинул было ружьё, но, вспомнив, что оно заряжено пулями, опустил его.

Колючки облепили впивались в мою одежду, царапали руки; плети ломоноса, раскинувшиеся сетью по кустам, не давали пройти. К счастью, вскоре встрети-

лась звериная тропа. На ней виднелись следы кабанов, шакалов и диких кошек.

Пока кустарники были низкими и редкими, я шёл по тропе свободно, но вскоре облепили и джида оказались выше меня. Колючки царапали уже не только руки, но и лицо; ломонос, разорванный внизу зверями, вверху оставался нетронутым. Разодрать его было почти невозможно. Следовало возвращаться, но собаки, давно замолкшие, снова залаяли впереди. Лай приближался. Я опустился на четвереньки и пополз по тропе. Неподальку, по моим расчётам, должна была быть поляна, через которую, вероятно, побежит кабан.

Кустарники в самом деле скоро кончились. Я поднялся. Но вместо травы вокруг стоял густой тростник. Собаки лаяли близко. В надежде, что тростниковые заросли невелики, я опять по той же тропе бросился на лай. Минута, две — и лай оборвался: псы потеряли след.

С каждым шагом тростник становился выше и гуще. Он уже закрывал солнце. Хотя было начало октября и день клонился к вечеру, но жара, даже на полянах, стояла невыносимая. В тростниках же было, как в бане.

От духоты, от застоявшегося воздуха, пропитанного испарениями гниющих растений, мне стало не по себе. По лицу ручьями струился пот, ноги с трудом передвигались по топи. Тропа сужалась. Вытянув вперёд руки, я разгребал ими тростник, а там, где он спутался, разрывал его. Дышать было нечем. Я всё чаще и чаще останавливался и, надеясь поймать свежую струю воздуха, запрокидывал голову. Но слабый ветер, тихо качавший сверху метёлки тростника, не долетал до меня. Думать о возвращении не приходилось: лезть по кустарникам на четвереньках тоже нелегко. К тому же мне казалось, что тополь, где мы условились встретиться, близко.

Однако тростникам не было конца. Порой казалось, что мне не выбраться из них. Наконец тростник поредел, и я вышел на сухую полянку. Налетел свежий ветер. Я с наслаждением вздохнул, вытер рукавом мокрое лицо и собрался растянуться на земле, но в это время донесся чуть слышный выстрел, следом второй. Меня охватила досада, почему я не пошёл вместе с Кожемякиным.

Дуплет в большинстве случаев означает промах: если первый выстрел неуда-

чен, вторым редко поправишь дело. «Кабан, наверно, ранен, его можно встретить», — решил я и, забыв об отдыхе, поспешил к старику.

Спустя несколько минут в стороне слышался какой-то странный шелест. Я остановился, прислушался и пошёл на этот шум.

Заросли тростника становились гуще и выше. Вокруг меня были тысячи прямых тонких стеблей, сумрак... Но вот неожиданно между стеблями стала просвечиваться серая даль. Пригнув ногой несколько последних тростинок, я увидел, что стою на краю высокого обрыва. Внизу с лёгким плеском, похожим на шелест, катилась широкая коричневая Аму-Дарья.

Сбоку раздался глухой удар, от тростников вдаль ринулась высокая волна. То, подмытый течением, обвалился кусок берега. Спустившись с обрыва, я всласть наполнил мутной воды.

До того места, где слышались выстрелы, теперь было далеко. Поразмыслив, я пришёл к выводу, что разумнее идти, как условились, к тополю.

Тополь действительно оказался поблизости. Но Кожемякина там не было. Больше часа я ждал охотника. Ослепительное солнце склонилось к тугаям, потускнело. Ветер стих. С озера на озеро потянули утки. Из травы поднялись тучи комаров. Решив, что старик не дождался меня и ушёл, я, отмахиваясь от комаров веткой, пошёл на бахчи.

До них я добрался уже в сумерках и, найдя сухой арык, спрятался в нём.

Появилась звезда, другая, и вскоре они усыпали всё небо. Поля, тугаи, далёкий кишлак тонули в густом мраке. Где-то далеко звучала узбекская песня, — вероятно, колхозник возвращался с полевых работ.

Скоро из тугаев вылезла огромная рубиновая луна, и когда она, поднявшись на четверть неба, побледнела, арбузы на бахче заблестели, тополя в кишлаке резко очертились, стало совсем светло. В мер-

цающем лунном свете кусты, травы — всё казалось иным, чем днём.

Но вот за хлопковым полем, в стороне тугаев, слышался неясный шум. Я насторожился. Шум нарастал. Ещё мину- та — и можно было различить торопливый топот многочисленных ног. Кто это бежит? Овцы? Не похоже. Тут раздался тонкий визг поросёнка и тотчас недовольно хрюкнула свинья. Спустя некоторое время завизжал уже не один поросёнок, а несколько. Так вот оно какое стадо!

С трудом подавил я радостное волнение: на охоте следует быть спокойным. Свиньи приближались. Всё чаще раздавался визг поросят. Резвились и подвинки. Словом, свиньи потеряли всякую осторожность. Собаки в кишлаке подняли лай. Свиньи не обращали на него внимания.

Прошло несколько минут, — они показались мне часами. На меня пойдут кабаны или мимо?

И вот стадо близко, всего в нескольких сотнях шагов. Уже вырисовывался неясный силуэт вожака. В лунном обманчивом свете он казался громадиной, вроде быка. Вероятно, он в самом деле был большим. В тугаях встречаются секачи по восемнадцати — двадцати пудов. За вожаком, несколько отступая от него, трусили кабаны поменьше, за ними свиньи и подвинки.

Животные бежали на меня.

На ощупь проверил я куруки — взведены! Глаза следят за вожаком. Вот сейчас минует он высокий куст полныи на меже, и можно будет стрелять. И вдруг, не достигнув куста, секач повернул в сторону. Эх, эх!.. Но ещё не всё было потеряно: сухим арыком можно было незаметно выйти наперез стаду и встретить его на краю бахчи.

Согнувшись, я побежал. Через полсотни метров арык сделал крутой поворот. Пришлось из него

выбраться. Держа ружьё в руке, я быстро пополз между арбузами, не поднимая головы и следя, чтобы в стволы не попала земля. Но разве можно утерпеть, чтобы не взглянуть на кабанов, когда их топот раздаётся совсем близко?! Я поднял голову — и... окаменел от страха.

Перед самым моим носом, подобно тонкому пруту, стояла змея. Я неотрывно смотрел на её наклонённую голову, на раскрытую пасть, на движущееся жало. Змея приготовилась к прыжку. Я понимал это и всё-таки не мог отскочить или придавить её ружьём. Не только змею, но даже ужи вызывают у меня необыкновенно острое чувство страха, смешанное с гадливостью.

Не помню, сколько времени продолжалось моё оцепенение. Вероятно, оно исчислялось всего-навсего секундами. Овладев собой, я вскочил и попытался. Змея, — должно быть, это была змея-стрела — опустилась и исчезла в ажурных ветвях арбузов.

Свиньи, увидев меня, заухали и бросились прочь. Они находились довольно близко, можно было стрелять, но руки у меня тряслись, как при сильном ознобе. Когда я пришёл в себя, кабаны уже подбежали к тугаям. Поставив немного, я, ругая змею и себя, медленно пошёл домой.

* * *

Утром перед отъездом я пошёл к Кожемякину попрощаться и справиться о результатах охоты.

Открывая мне калитку, старик приветливо спросил:

— С удачей или впустую?

Я рассказал ему о своих приключениях и, в свою очередь, поинтересовался, убил ли он кабана.

Кожемякин, скрывая смущённую улыбку, наклонил голову и полез в карман за табаком.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте...

— И не знаю, с чего начать... Помните, мы разошлись с вами у камыша? Ну так вот, я пошёл, значит, один. Собак не слышно. Прибежали они ко мне не скоро. Языки вывалились. Пегаш на меня не смотрит, тащится сзади. Ясное дело: прозевали зверя. Поругал их маленько, больше для порядка: знаю, трудно в жару гонять в тугаях кабана — и пошёл к топольку. Думаю, покуда дойду до него, покуда с вами посижу там, собаки отдох-

нут, и тогда их можно опять послать на работу. Но они скоро отдышались и побежали вперёд. Иду я за ними, поглядывая по сторонам. Вдруг Пегаш молчком как прыгнет в сторону! Мурзик и Чёрный за ним. Пробежали они реденьким камышком шагов с полсотни да как шархачнутся назад — и давай около моих ног крутиться. «Что-то, — думаю, — неладно». Взвёл курки и пошёл в камышок. Сделал шагов двадцать — ничего особенного не заметно. Пригляделся — из гущичны жёлтые глаза на меня смотрят. «Стало быть, — думаю, — это дикий кот». Собаки не любят с котами связываться: коты царапаются, бывает, что без глаз оставят! Кот мне был не нужен, я вернулся назад и пошёл своим путём. Смотрю: Пегаша нету. Оглянулся — он стоит сзади, рычит тихонько и смотрит на камыш, где кот. Позвал — не идёт. Шерсть на загривке дыбом. Остальные собаки подбежали к Пегашу и тоже ошетинились. «Э, — думаю, — это неспроста, там не только кот. Так дело оставлять нельзя. Надо выяснить...»

Пошёл я туда. Собаки за мной не идут. Я остановился. Не хотелось мне соваться без них в камыши, — мало ли что бывает! Ну, постоял немного, вижу, ничего подозрительного нету, и опять направился к топольку. Собаки обогнали меня. Не успел я пройти и десяток шагов, как слышу сзади шорох. И только что повернулся, глядь, в камыше какая-то длинная зверюга пролетела. Припала к земле по моему следу и приготовилась к новому прыжку. Что за зверь, не видно, одна только морда чуть торчит. Населился я в неё и спустил курок. «И кот, — думаю, — пригодится. Он теперь уже вылинял». Подхожу ближе, смотрю, что-то морда уж больно большая. Зверь хоть и не шевелится, но я на всякий случай пустил вторую пулю. Перезарядил ружьё, подошёл ближе и как глянул... Вот так кот! — Кожемякин торопливо подвёл меня к маленькому сарайчику и открыл дверь: — Поглядите-ка!

На жерди висела огромная шкура... На жёлтом поле резко выделялись чёрные поперечные полосы. Тигр!.. Я горячо поздравил старика с необыкновенной удачей.

— Хорош! — воскликнул я. — Что вы со шкурой будете делать?

— Сдам в Союзпушнину! — Подумав, он спросил: — Может, вы хотите её ку-

пить? Отдам за эту же цену. Наживаться на вас не хочу.

Мне не хотелось украшать квартиру чужими трофеями, и я отказался.

Старик же, вероятно, решил, что у меня мало денег, вдруг предложил:

— Может, так возьмёте? Как-то неловко брать с вас деньги.

— Почему неловко?

— Ну как же! Если бы не вы, мне этой зверюги не убить. Это вы меня потащили на охоту.

Я снова отказался.

— Дело, конечно, ваше,— с обидой сказал Кожемякин, закрывая сарай.

За завтраком он снова предложил мне взять шкуру.

— Не возьму,— отказался я решительно.

— Зря, память бы о тугаях осталась.

Ел он молча и сосредоточенно о чём-то думал. Закончив завтрак арбузом, он убрал тарелки со стола и сел напротив меня.

— Значит, не желаете брать от меня гостинца,— сказал он раздумчиво.—

Ладно. Не неволю. Да и денежки мне теперь пригодятся. К ним буду просить у председателя прибавку. Небольшую, конечно. На это у меня смелости хватит. Весной на эти деньги в Мичуринск поеду! Выходит, сразу две удачи ко мне пришли. Может, и третья придёт: удастся мне приспособить внука к садовому делу. Он в Самарканде живёт. Также Кожемякин. Зи-

мой учится, а летом лоботрясничает, голу-бей гоняет. На летнее время я решил написать его к себе. Вот так!

Прощаясь, он даже пошутил:

— Ну и охотник! Жалеет, что с тигром не встретился, а змеи испугался!

Больше мне не пришлось увидеться со старым охотником, но я не сомневаюсь, что он ездил в Мичуринск.

* * *

Недавно в газете среди фамилий колхозников — новаторов насаждения субтропических культур в аму-дарьинских тугаях — я встретил фамилию Кожемякина. Дед это или внук?

О Б О Д Н О М С Т А Р И Ч К Е И П И О Н Е Р С К О М З Н А Ч К Е

А. Барто

Пришёл старик в зелёный сквер,
Собрался отдохнуть,
Вдруг видит — юный пионер
Куда-то держит путь.

Блестит на курточке значок —
Пылающий костёр.
— Садись, — промолвил старичок
И начал разговор

О том, что в солнечные дни
В палящий, летний зной

Так хорошо сидеть в тени...

— Сядь, посиди со мной.

Но пионер на старика
Взглянул с усмешкой, свысока:
— Сидеть охоты нет,
Ещё я двигаюсь пока,
Ведь мне не двести лет.

— Ну что ж, ты прав на свой манер,—
Вздыхает старичок, —
Но думал я: здесь пионер,
А здесь... один значок.

ФОТОВЫСТАВКА

«ЗОРКИЙ ГЛАЗ»

Е. Иосиф

Что и как снимать? Вот вопрос, с которым часто обращаются ко мне юные фотографы.

Неинтересно, да и не нужно снимать всё, что видит глаз. По этому поводу стоит вспомнить слова крупнейшего нашего учёного К. А. Тимирязева: «...если фотограф будет щёлкать направо и налево..., снимая походя «интересные места», в результате получится лишь утомительно пестрый инвентарь живых и неодушевленных предметов...»

Кругом нас очень много сюжетов для съёмки — только выбирай! Можно снимать пейзажи нашей Родины: растительный и животный мир, современную и древнюю архитектуру, исторические места, разные машины, жизнь в пионерском лагере, спортивные состязания и многое другое. Фотография помогает юным ботаникам, зоологам, географам, путешественникам, краеведам и прочим исследователям показать результаты своей работы. Фотография оживляет стенную газету в пионерском лагере и школе. А как приятно составить из своих фотографий домашний альбом!

Мы помещаем здесь несколько работ юных

фотографов. Давайте рассмотрим их внимательно.

Витя Бажухин (Алма-Ата, 55-я школа) сфотографировал величественный снежный пик Пионеров. Вершина пика отчётливо выделяется среди массивов других гор. Жаль только, что Витя мало задиафрагмировал объектив и потому получил недостаточную резкость по краям изображения.

Ильдуса Нугманова (Казань, 24-я школа) интересуется древняя русская архитектура. На его снимке мы видим старинную Спасскую башню Казанского кремля. В этом снимке Ильдус допустил две погрешности: во-первых, слишком наклонил фотоаппарат во время съёмки, и потому и башня и другие здания получились «падающими», а во-вторых, увлёкся облачным небом. Облака отвлекают внимание от самого главного в снимке — Спасской башни.

Эти фотографии могут пригодиться на уроке географии и истории или на занятии краеведческого кружка; вот только зря ребята не сделали подробные подписи, рассказывающие о местах, которые они сфотографировали. Запомните, ребята: снимая что-либо, надо обязательно записывать не только условия съёмки (чувствительность фотоматериала, величину диафрагмы объектива, состояние погоды, время дня и выдержку), но и сведения о тех местах, которые вы снимаете. Такие записи всегда интересны и полезны.

«Пик Пионеров».

Фото Вити Бажухина (Алма-Ата).

«Казанский кремль».
Фото Ильдуса Нугманова
(Казань).

«Самосвал за работой».
Фото Леонида Пенарского
(Минск).

На снимке Леонида Пенарского (Минск, 3-я школа) показаны мощные 25-тонные самосвалы на стройке. Но, снимая этот кадр, Леонид не воспользовался светофильтром, и потому небо получилось слишком гладкое. Это обедняет фотографию.

А вот посмотрите, как интересно снял Витя Крашенинников (Москва, 425-я школа) пеликанов в зоопарке. Снимок чёткий и резкий, но в нём есть недостатки: один из пеликанов находится

слишком близко к краю снимка, а высотный дом на заднем плане оказался обрезанным.

Делая любой снимок, нужно обращать внимание на всё, что может оказаться в кадре, нужно заботиться о композиции кадра.

На снимке Евгения Ярошевича (Минск, 4-я школа) хорошо получились ребята. Сразу видно, что они с увлечением занимаются геологией. Но Евгению тоже следовало бы дать к своему снимку подроб-

ную подпись: кто эти ребята, какими исследованиями они занимаются.

Дима Огнев (Москва, 468-я школа) сфотографировал ребят во время привала. Это отличный снимок. Дима сумел снять ребят, когда они этого совсем не ожидали, и посмотрите, как естественно и живописно расположились ребята вокруг костра.

Хороший спортивный снимок можно сделать, только зная тот вид спорта, который собираешься фотографировать. Ведь для того, чтобы выбрать точку съёмки, нужно знать, где может развернуться наиболее интересный и острый момент игры или соревнования. Необходимо подкараулить этот момент и снять его. Вот Слава Чернов (Москва, 468-я школа) снял очень напряжённый момент игры в волейбол. В его снимке прекрасно передан прыжок игроков за мячом, но, к сожалению, некоторые фигуры оказались обрезанными, и это очень портит фотографию.

Здесь только семь фотографий, но и они показывают, сколько интересных сюжетов вокруг вас. Подумайте, присмотритесь, и вы сами найдёте множество интересных объектов для фотографирования.

Снимать можно любым фотоаппара-

«В зоопарке».

Фото Вити Крашенинникова
(Москва).

том. Наша фотопромышленность выпускает сейчас прекрасные аппараты. Но чтобы правильно пользоваться аппаратом, его надо обязательно хорошо изучить.

Светочувствительные фотоматериалы для снимков на солнце надо брать средней чувствительности (от 40 до 70 единиц по ГОСТу).

В начале освоения фотографии советую вам пользоваться пластинками и плёнками одинаковой чувствительности.

«Юные геологи в походе».

Фото Евгения Ярошевича (Минск).

Тогда вы быстрее приобретёте необходимые навыки по определению выдержки. Снимая первый раз новым по чувствительности фотоматериалом, сделайте предварительно несколько пробных снимков с различными выдержками (определяя выдержку по таблицам). После проявления пробных негативов и просмотра их вы сможете установить, какая выдержка для данного материала при определённом освещении оказалась правильной. Фотографируя объект, выдержку для которого установить трудно, делайте два снимка с различными по продолжительности выдержками, например, с 1/25 и 1/100 секунды при одной и той же диафрагме объектива.

Проявлять негативы старайтесь всегда в одном и том же проявляющем растворе, при этом старайтесь, чтобы температура раствора и время обработки были всегда одинаковы. Для составления растворов можно воспользоваться готовыми пакетами, которые продаются в магазинах.

Негатив — это только половина работы. С негатива следует отпечатать позитив — фотокарточку. Не советуем вам откладывать эту работу надолго: ведь ин-

«У костра».

Фото Димы Огнева (Москва).

терес к снятому объекту понижается, а количество негативов увеличивается. С негативов, снятых фотоаппаратами «Любитель» или «Москва», можно печатать позитивы контактом, то есть равные по размеру негативам. Для этого нужно только сделать или купить копировальную рамку.

Фотография требует аккуратности, внимательности и терпения, зато хороший фотографический снимок с удовольствием будут смотреть в школе, в Доме пионеров, дома и на выставке.

«Воллейбол».

Фото Славы Чернова (Москва).

Перевёл В. Крашенинников.

Рисунки И. Кузнецова.

В Е Р Н Ы Й С О К О Л

Говорят, что когда-то давным-давно у одного бадшаха¹ был любимый сокол, с которым он никогда не расставался.

Однажды, посадив на плечо сокола, бадшах отправился на соколиную охоту. И вдруг он увидел антилопу. Бадшах пришпорил коня и погнался за антилопой. В охотничьем азарте он ускакал очень далеко. Слуги старались не отставать от бадшаха, но не могли угнаться за ним и потеряли его из виду.

А бадшах тем временем загнал антило-

пу и почувствовал, что очень хочет пить. Долго кружил он по горам на коне, выискивая место, где можно было бы напиться. Наконец он добрался до подножия высокой скалы и увидел, что с вершины её каплет вода. Бадшах вынул из сумки чашу и стал собирать капли, чтобы утолить жажду. Чаша была уже полна, и бадшах поднёс её ко рту, как вдруг сокол ударил по ней крылом и разлил всю воду. Бадшах рассердился на сокола и снова подставил чашу под падающие капли. Через некоторое время чаша снова наполнилась, и бадшах поднёс её к губам, но сокол снова выбил её у него из рук и пролил всю воду. Разгневанный бадшах ударил сокола о землю, и тот умер.

В этот миг к бадшаху подскочил стремянный. Он тотчас налил из козьего бурдюка воды в чашу и хотел подать своему господину, но тот сказал, что хочет напиться чистой и холодной воды, той, что течёт со скалы.

— Взьберись-ка на скалу, зачерпни воды из родника и принеси мне! Я не хочу ждать, пока вода капля за каплей наберётся в чашу! — сказал он.

Стремянный поднялся на гору, добрался до родника, и что же он увидел? На берегу лежала мёртвая змея; её отравленная слюна, смешиваясь с водой, капля за каплей падала со скалы.

Испуганный стремянный, спустившись вниз, сказал об этом бадшаху, а потом налил воды из бурдюка и подал господину. Бадшах, прижав губами к чаше, заплакал и, указав на мёртвого сокола стремянному, проклял свою поспешность.

И всегда, пока был жив, помнил он об этом случае.

КУ П Е Ц И П О П У Г А Й

Жил-был один купец. Как-то, собираясь по торговым делам в далёкие страны, он собрал всех своих домочадцев и сказал:

— Я уезжаю. Говорите, что вам привезти в подарок?

¹ Бадшах — царь.

Каждый сказал, что хотел бы он получить. Купец, распрощавшись со всеми, собрался уходить. Но тут сидевший в клетке попугай, которого хозяин всегда кормил и поил из своих рук, подозвал его к себе и сказал:

— У меня тоже есть к тебе просьба!
— Что же это за просьба? — спросил купец. — Если возможно, постараюсь её исполнить.

Тогда попугай сказал:

— В той стране, куда ты едешь торговать, растёт одно большое дерево, на котором живёт множество попугаев. Если ты доберёшься до этого дерева, передашь попугаям мой привет — салам — и привезёшь ответ, то окажешь мне большую услугу! — И попугай объяснил купцу, как найти дерево.

Купец засмеялся и сказал:

— Ладно! Исполню твою просьбу.

После долгого и опасного путешествия купец прибыл в далёкую страну, продал свои товары и накупил всяких заморских диковинок. Закончив дела, он отправился к тому месту, о котором ему говорил попугай. Смотрит — и верно: растёт огромное старое дерево, а на нём множество попугаев. Купец закричал:

— Эй, попугай! Мой попугай шлёт вам салам!

Едва успел он вымолвить эти слова, как один из попугаев свалился с дерева на землю и умер. Купец был поражён.

«Наверное, этот дикий попугай был прежде большим другом моему попугаю, если он умер, едва услышав от него салам», — подумал купец.

Поглядев ещё раз на пёстрых, ярких птиц, купец возвратился в город и стал собираться в дорогу.

Здоровый и невредимый, купец вернулся домой и наделил своих домочадцев подарками. Но он не привёз своему попугаю ответа на его салам и, боясь огорчить его известием о смерти дикого попугая, ничего ему не сказал.

Тогда попугай спросил его:

— Должно быть, ты, хозяин, не передал моего салама?

— Салам-то твой попугаям я передал, но ответа никакого не получил, — ответил купец.

Попугай очень огорчился и попросил:

— Расскажи мне тогда, что ты там видел.

Делать нечего. Стал купец рассказывать:

— Пришёл я на то место, о котором ты говорил, увидел попугаев, но едва успел я передать им твой салам, как вдруг один из них замертво упал на землю. Поэтому мне нечего передать тебе!

Едва успел он это сказать, как попугай пошатнулся, свалился с жёрдочки и мёртвым упал на дно клетки.

Купцу было очень жаль попугая, и он подумал: «Зря рассказал я ему о смерти друга». Затем он взял попугая за лапки и выбросил за окно.

И вдруг попугай вспорхнул и улетел.

Только тогда купец понял, что и попугай, упавший с дерева, лишь притворялся мёртвым, чтобы научить попугая, сидевшего в клетке, как ему вырваться на свободу.

ТРИ ЗОЛОТЫЕ СТАТУЭТКИ

Говорят, что один бадшах послал в подарок султану соседней с ним страны три совершенно одинаковые по внешнему виду, размерам и весу золотые статуэтки и передал, что они имеют разную цену. Он сделал это, чтобы узнать, насколько мудры подданные султана.

Получив такой странный подарок, султан очень удивился и, обратившись к придворным, повелел найти разницу между статуэтками и доложить ему. Но придворные, осмотрев все три статуэтки, нашли, что они ничем не отличаются одна от другой.

Вскоре слухи об этом подарке распространились по всему городу; о статуэтках узнал и стар и млад. И вот какой-то бедный юноша, сидевший в тюрьме, попросил передать султану, что если ему дадут взглянуть на статуэтки, он тотчас же узнает, какое между ними отличие.

Султан повелел доставить юношу во дворец, принести статуэтки и поставить их перед ним. Тот, рассмотрев их со всех сторон, заметил, что у всех трёх в ушах просверлены отверстия. Когда он сунул соло-

минку в ухо одной статуэтки,— кончик соломинки вылез из рта, когда он то же самое проделал со второй статуэткой, то кончик соломинки вышел из другого уха, а у третьей статуэтки вся соломинка ушла в живот.

Тогда юноша доложил:

— Ваше величество! У этих статуэток те же особенности, что и у людей! Первая статуэтка похожа на человека, который, услышав что-нибудь, тотчас всем рассказывает об услышанном. На такого человека нельзя положиться. Поэтому цена этой статуэтки невелика. Вторая схожа с человеком, который слушает слова одним ухом, а из другого они у него вылетают. Это беззаботный, пустой и бесполезный человек. А третья статуэтка похожа на человека, который всё, что услышит, словно проглотит. Поэтому цена её самая высокая.

Выслушав юношу, султан остался очень доволен. Он повелел написать на каждой статуэтке, как высока её ценность, и отправить их бадшаху. А юношу того он выпустил из тюрьмы и возвеличил, сделал его своим приближённым.

О Т О В С Ю Д У И О Б О В С Е М

Как стланик спасается от холода

Я вышел из дому рано, с рассветом. Ночью ударил мороз, и утро было холодное. На кустиках с жёсткими, полирванными листочками адели гроздь брусники. Прихваченная морозом брусника очень вкусна. Я собирал её горстями, пробираясь по каменистому склону сопки. Вдруг дорогу мне преградили длинные ветви распластавшегося по земле кедрового стланика. Я был крайне удивлён. Ещё вчера стланик стоял прямой и высокий. пышные лапы его с длинной густой хвоей были похожи на беличьи хвосты, только зелёные. Пёстрые червовки раскачивались на ветвях

и резко кричали, выклёвывая из шишек вкусные орешки.

А сегодня довольно толстые ветви стланика распластались по земле. Долго пришлось мне пробираться к вершине сопки, где мы искали руду в белых кварцевых скалах.

День выдался тёплый, даже

жаркий. Ранней осенью на севере всегда так бывает.

Когда вечером я спустился к зарослям стланика, он снова стоял, устремив к небу свои пышные ветви. И трудно было поверить, что это он так покорно прижимался к земле утром!

Поразительна эта приспособленность растения к суровым условиям севера. Метели здесь страшные, ледяные. Но снега выпадает много, и под ним тепло, как под шубой. Осенью, когда начинаются холода, стланик по ночам жмётся к земле, а зимой он совсем уходит под снег.

Г. Колесников

Под защитой дыма

Много судов бороздит воды «главной улицы» нашей страны — Волги. По ней идут караваны барж, наполненных «чёрным золотом» — нефтью или продуктами её перегонки.

Перевозка нефтепродуктов требует особой осторожности. Известно, какой богатый энергией обладает жидкое горючее. Энергия небольших порций бензина заставляет работать двигатели автомобилей и тракторов, судов и самолётов. А если вспыхнет большое количество бензина или нефти, то взрыв и пожар сокрушат и уничтожат всё вокруг.

Жидкое горючее, как говорят, огнеопасно: оно очень легко воспламеняется. Воздух, в котором всего пять процентов паров бензина, превращается во взрывчатую смесь. Много хлопот доставляла речникам перевозка жидкого горючего. Но особые неприятно-

сти возникали при повреждении нефтеналивных судов.

Прежде чем браться за ремонт, надо выкачать всю нефть из судна. Но после этого на барже останутся ещё нефтяные газы, которые при ремонте могут взорваться, баржу нужно дегазировать. Это тоже сложная операция: судно в течение суток пропаривают горячим паром, сжижают газы и смывают со стенок остатки горючего.

Очистка баржи особенно трудна. Рабочие, надев противогазы, спускаются в отсеки баржи, собирают остатки горючего в вёдра, при помощи брандспойтов моют стены и потолки и протирают их насычу тряпьем. Это очень тяжёлая работа: ведь на одной волжской барже помещается до двенадцати тысяч тонн, или, другими словами, целых двенадцать железнодорожных составов нефти или бензина!

Сотрудники Куйбышевского индустриального института много поработали над тем, чтобы облегчить и упростить ремонт нефтеналивных барж.

Учёные рассуждали так: нефть горит только тогда, когда вокруг неё есть кислород. А что, если всё пространство над нефтью наполнить вместо воздуха углекислым газом, не поддерживающим горения?

Они проделали такой опыт: налили в две стеклянные банки нефть и в одну из них накачали углекислого газа. Обе банки наглухо закупорили пробками. Сквозь пробки были пропущены два металлических стержня, соединённых с электрической машиной. Как только между стержнями проскочила искра, в банке, где над нефтью был воздух, нефть моментально взрывалась, а в банке, заполненной углекислым газом, её невозможно было поджечь.

Этот опыт показал, что углекислый газ может предохранить нефтепродукты от воспламенения.

А где же взять углекислый газ?

Можно для этого построить специальные установки, которые будут вырабатывать углекислоту. Но учёные нашли совсем дешёвый источник углекислоты: они решили использовать для этого дым, который вылетает в трубу пароходов.

Теперь наливные суда ремонтируются новым способом. К повреждённой барже подходит баркас, на котором есть установка для нагнетания дыма. Когда пространство над нефтью заполнится дымом, можно приступать к ремонту и даже к электросварке. Эта работа теперь совершенно безопасна.

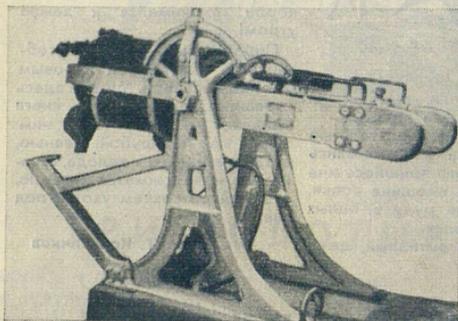
Новый способ ремонта уже сохранил государству много миллионов рублей.

Железнодорожники установили дымамагнетательные установки на паровозах и ремонтируют под защитой дыма цистерны.

Исследователи работают теперь над тем, чтобы сделать совершенно безопасным не только ремонт, но и перевозку нефтепродуктов, «накачивая» дымом все цистерны перед отправкой в рейс.

А. Розен

Пушка, стреляющая зерном

Аппарат, который вы видите на этой фотографии, называется пушкой. Это особенная и, главное, совсем мирная пушка.

Главная часть пушки — вращающийся стальной цилиндр с толстыми стенками. В него загружается кукуруза, рис или пшеница, и он герметически закрывается. Потом цилиндр начинают подогревать на газовой горелке. Чтобы зерно не подгорало, его всё время вращает особый мотор.

Что же происходит в это время в цилиндре?

Зерно, как вы, вероятно, знаете, состоит из крахмала, сахара, небольшого количества белков и воды. Её в зерне примерно около пятнадцати процентов. При нагревании зерна вода испаряется и превращается в пар. Но выйти пару некуда: ведь цилиндр герметически закрыт. Пар всё больше и больше сжимается, и давление внутри цилиндра всё увеличивается.

Минут через десять после начала подогревания температура внутри цилиндра доходит до двухсот пятидесяти градусов, а давление — до десяти — двенадцати атмосфер. Теперь наступает время «выстрела». Цилиндр останавливают и перестают подогревать. Крышка цилиндра автоматически открывается, и в тот же момент раздаётся оглушительный «выстрел» —

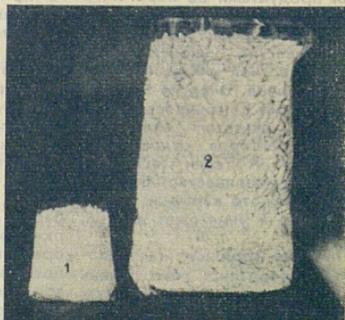
это вылетает из цилиндра сжатый воздух вместе с зерном.

Пар в порах и клетках зерна тоже был сжат до десяти — двенадцати атмосфер, когда же происходит «выстрел», сжатый пар с огромной силой вырывается из зерна, а пустоты немедленно заполняются воздухом, отчего зёрна увеличиваются во много раз в объёме. Поэтому эти зёрна и называют «воздушными». В магазинах они называются ещё «хлопьями». Вы, наверно, не раз их ели.

Трудно сказать, чего больше в зёрнах: вещества зерна или воздуха. Один литр сырой кукурузы весит 760 граммов, а такой же объём «воздушной» кукурузы весит всего 55—60 граммов.

Во время нагревания под сильным давлением в зерне происходят такие химические изменения, которые делают «воздушные» зёрна более питательными, хорошо усваиваемыми организмом.

Инженер И. Вольпер

В маленьком мешочке сырые зёрна, а в большом «воздушные», приготовленные из этих зёрен. Видите, насколько больше объём «воздушных» зёрен.

Живое удобрение

Наши колхозы, добываясь высоких урожаев, стараются даже самые тощие, самые бедные земли превратить в плодородные. Они применяют травопольный севооборот, восстанавливающий структуру почвы, охраняющий почву от разрушения ветром и водой; они удобряют песчаные и глинистые земли, вывозя на поля сотни и тысячи тонн минеральных удобрений, перегноя, торфа.

В повышении плодородия почвы у людей есть замечательные помощники среди растений — все представители бобовых: вика, клевер, люцерна, люпин.

Люпин — красивое, пышное растение, оно не годится на корм скоту. Многие сорта люпина содержат в своей зелени растительные яды, алкалоиды, и его зелень ни корова, ни лошадь есть не может. И всё же люпин сеют, потому что

это — живое зелёное удобрение. На корнях у люпина, как у всех растений семейства бобовых, образуются клубеньки, а в этих клубеньках живут бактерии. Живут бактерии в клубеньках и улавливают азот из воздуха, который пронизывает все поры, скважинки и щели между комочками почвы.

Азот необходим для жизни всех растений, но не все растения могут взять азот прямо из

воздуха, хотя воздух на две трети состоит из азота. Растения могут пользоваться только тем азотом, который содержится в почве, в её минеральных солях.

Люпин и другие бобовые хорошо растут даже на почвах, бедных азотистыми солями, потому что крохотные квартиранты, живущие в клубеньках, добывают нужный азот из воздуха и превращают его в минеральные соли. Ими пользуются и сам люпин и другие растения, которые будут посеяны на этой же земле после него.

А если поле, засеянное люпином, перепахать так, чтобы богата, сочная зелень люпина осталась в земле и там превратилась в перегной, поле станет ещё урожайнее. Даже на самой тощей, неплодородной земле благодаря люпиону образуется почвенный слой.

Е. Владимирова

Крыша из золы

Как вы думаете, из чего сделан этот столбик, стоящий в сосуде с водой? Что это, металлический стержень, графит или какое-нибудь другое плотное вещество?

Вы, наверно, удивитесь, если узнаете, что это столбик речного песка.

В одном научно-исследовательском строительном институте в Москве я сам наблюдал такой опыт: научный сотрудник поставил на дно банки стеклянный цилиндр без дна, насыпал в него песок, налил в банку воды и потом осторожно вынул цилиндр. Песок и без ци-

линдра стоял в воде столбиком, не рассыпаясь и не намакая.

Этот момент и показан на фотографии.

Почему же это произошло? Потому что песок обработан гидрофобным, водоотталкивающим составом. После такой обработки каждая песчинка обволакивается, точно непромокающим плащом, тончайшей плёнкой. Вода, попавшая между песчинок, тотчас же выталкивается, водоотталкивающий состав не пропускает воду внутрь, поэтому она и не смачивает песок.

Чем мельче крупинки вещества, тем тоньше между ними поры, тем труднее проникает в них вода. В золе много пор, заполненных воздухом, она могла бы быть хорошим материалом для утепления домов, если бы она не впитывала воду, как губка. Поэтому учёные стали обрабатывать её водоотталкивающим раствором битума. Битум — это дешёвый продукт переработки нефти. Достаточно добавить к золе 3—5 процентов расплавленного битума при температуре 200°, и зола станет совершенно непроницаемой для воды.

После такой обработки зола уже становится строительным материалом. Её насыпают ровным десятисантиметровым слоем на подстилку из толя или рубероида, присыпают сверху тонким слоем битумированного песка, чтобы её не выдувал ветер, и сверху покрывают железобетонными плитками.

Получается дешёвая, тёплая и долговечная крыша, которая совсем не пропускает дождя. Вода, как ртуть, сбегает с неё по водоотводам.

А. Светов

ОПЫТЫ С РАСТЕНИЯМИ

Я уже два года занимаюсь в юннатском кружке. Мне нравится изучать жизнь растений и продельвать с ними различные опыты.

Однажды на уроке наша учительница ботаники Евгения Леонидовна рассказывала нам о разных способах вегетативного размножения растений. И я стал делать опыты с кувшинолистной бегонией.

Сначала я к горшку с бегонией подставил другой горшок и пригнул стебель так, чтобы он касался земли в этом горшке. Через некоторое время в том месте, где стебель соприкасался с землёй, появились корешки. Тогда я перерезал стебель, и вот во втором горшке из стебля, отделившегося от материнского растения, пошли новые, молодые листья. Так вместо одной бегонии стало две.

Потом я попробовал вырастить бегонию по-другому. Отрезал большой лист, положил его на мокрый песок и по краям пришил палочками, чтобы он плотно прилегал к песку. А на крупных жилках листа сделал надрезы. И что же? Там, где были надрезы, скоро начали расти сверху крохотные листочки, а книзу — корешки. Это выглядело удивительно: на листе листья, которые постепенно превратились в маленькие кустики.

Затем я заинтересовался финиковыми пальмами. Вырастить из косточки пальму в наших условиях довольно трудно. Я прочитал много книг о жизни этого растения и узнал много интересных и неожиданных вещей.

Например: финиковую пальму считают растением пустыни. Но, оказывается, это не совсем так. Она растёт не в самой пустыне, где сухой, раскалённый песок, а в оазисах, то есть там, где есть вода. У нас финиковая пальма растёт в Крыму, на Кавказе и в Туркменинии. Там много солнца, но и влаги достаточно. А как вырастить её в Москве? Этот вопрос встал передо мною сразу, когда я начал проращивать финиковые косточки.

Вспомнил я вычитанную в книге арабскую поговорку о пальме: «Царица оазиса купает ноги в свежей воде, а прекрасную голову в огне солнечных лучей» — и стал создавать «царице» привычные для неё условия. Сначала я попробовал ло-

сточки замочить в холодной воде, но из этого ничего не получилось: они не проросли. Тогда я подумал: почему же взял холодную воду? Ведь пословица относится к дереву, а не к косточке! А тут ещё мне сказали, что финиковая косточка плохо прорастает из-за очень толстой оболочки, которую надо размягчить. Я замочил косточки в горячей воде, и семена проросли.

После этого мне захотелось узнать, какую почву предпочитает финиковая пальма. Взяв три горшка, я насыпал в один чистого песка, во второй — песку пополам с землёй, а в третий к земле добавил только одну треть песка. Над горшками я установил два рефлектора, которые всё время давали свет и тепло, как маленькие солнца. Через некоторое время я убедился, что лучше всего пальма растёт во втором горшке, где земля пополам с песком.

Пальмочка моя выпускала листок за листком, и о результатах своих опытов я сделал доклад на мичуринском сборе учеников пятых и шестых классов.

После этого я продолжал выращивать растения и наблюдать за ними. Но тут случилась одна история.

Как-то на большой перемене у дверей пятого класса стояли два мальчика и о чём-то спорили. Я уже хотел пройти мимо, но вдруг услышал, что разговор идёт о растениях, остановился и стал слушать.

— Нет, нельзя увидеть, как растёт трава! — убеждённо доказывал один из пятиклассников.

— Нет, можно! Если не веришь, давай спросим у него, — и мальчик показал на меня. — Может, он знает: он ходит в юннатский кружок.

Когда-то Евгения Леонидовна на занятии кружка говорила нам о приборе, который показывает рост растений. Я сказал об этом ребятам.

— А ты сам-то видел такой прибор? Видел, как растёт трава? Всё равно не поверю, чтобы это можно было увидеть, — упрямо сказал пятиклассник.

Пришлось сознаться, что не видел. Но я решил не сдаваться:

— Ну и что же, что не видел! Построю прибор и увижу и вам покажу.

Сказал я так, а сам думаю: ведь не приходилось мне строить никаких приборов. Я умею делать окулировку, пикировать сеянцы, черенковать, опылять цветы, а тут ведь нужно пилить, строгать, паять.

Всё-таки на следующем занятии кружка я попросил Евгению Леонидовну ещё раз, подробнее рассказать об этом приборе и объяснить, как он устроен.

Евгения Леонидовна сказала, что прибор называется ауксонометром, начертила его схему и подробно объяснила, как он устроен и как действует.

Ауксонометр немножко напоминает весы: штанга, а на ней рычажок, связанный с пятиграммовой гирькой.

На той же штанге стрелка, которая движется, если рычажок поднимется и нажмёт на неё. К верхушечному побегу или листочку растения от рычага прикрепляется ниточка и натягивается, чтобы гирька не могла опуститься. Стрелка стоит при этом в нейтральном положении.

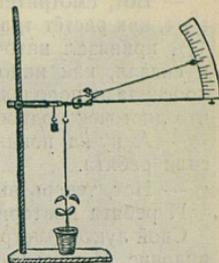
Но вот через тридцать — сорок минут растение подрастёт немного, на крохотную долю миллиметра, и ниточка чуть-чуть ослабнет. Внимательно наблюдая, мы увидим, как едва заметный рост листочка ослабит ниточку и гирька опустится, а связанный с ней рычажок поднимется и нажмёт на стрелку. От этого стрелка передвинется по шкале на расстояние в триста раз больше, чем незаметное для нашего глаза прибавление в росте листочка.

Я взялся за изготовление прибора. Сначала сделал точные чертежи всех деталей, подобрал подходящие материалы, достал инструменты. Для стрелки и рычажков я взял белую жёсткую штангу сделал из тонкого железного прута. Но трудней всего было сделать ось для стрелки.

Вскоре я собрал свой прибор. Он сначала не действовал. Вот когда мне пришлось узнать, что такое точность и как важно аккуратно работать! Началась борьба за точность. Все детали, сделанные в первый раз грубо, пришлось переделывать.

И наступил такой день, когда прибор был готов. Я принёс его в школу, взяв когда-то отсаженную бегонию и привязал ниточку к самому маленькому листочку.

Прошло некоторое время. Вдруг стрелка вздрогнула, поползла вверх по шкале. Я очень обрадовался и пожалел, что никто

не видит этого, кроме меня. И тут же вспомнил о тех ребятах из пятого класса. Я разыскал их и привёл с собой в кабинет биологии.

— Вот, смотрите! Этот прибор показывает, как растёт трава! — сказал я.

Я привязал ниточку к другому листку и сказал, как надо наблюдать. И опять дрогнула и поползла стрелка и показала, что листочек подрос.

— А ну-ка покажи ещё раз! — попросили ребята.

— Нет, теперь вы сами, — сказал я им. И ребята повторили опыт.

Свой ауксонометр я отдал Евгению Леонидовне. И хотя потом в школе появился настоящий прибор, сделанный в мастерской, учителя и мой ауксонометр часто берут на уроки.

Мне понравилось мастерить, и скоро я задумал сделать ещё один прибор. Евгения Леонидовна показывала нам его на уроке. Этот прибор позволяет убедиться, что насекомые дышат, хотя у них нет лёгких.

На этот раз мне пришлось научиться работать со стеклом; паять и гнуть трубки. Работа оказалась нетрудной, но требовала навыка и большой осторожности.

Я достал две колбочки и соединил их между собой трубкой. В нижнюю колбу налил известковой воды, в верхнюю опустил бабочку, плотно закрыл её там и увидел, что вода помутнела. Известковая вода всегда мутнеет от углекислоты и становится белой, как молоко. Значит, бабочка выдыхает углекислый газ, то есть дышит, как и мы, хотя у неё нет лёгких.

К концу учебного года стали делать приборы и другие ребята из нашего кружка: Женя Рябчиков, Толя Гусев. Теперь мы хотим сделать какой-нибудь прибор вместе. Вероятно, мы будем строить инкубатор, такой, как я видел во время каникул на республиканской выставке наглядных пособий, сделанных учениками разных школ.

Саша Веселовский,
ученик 7-го класса 315-й школы,
город Москва.

Вечером

Я. Аким.

Пробегают по небу зарницы,
Начинает лагерь засыпать.
Только нам с товарищем не спится:
Хочется немного помечтать.

Где-то в море этой летней ночью
Борются со штормом моряки.
Самолёт ведёт бесстрашный лётчик,
Зажигая в небе огоньки.

Может быть, бетонную плотину
На канале строят в эту ночь?..
Вот бы землю нашу обойти нам,
Всё увидеть и везде помочь!..

Посмотреть, как у порогов пенных
Усмиряют буйную реку,
На заводе с утреннею сменой
Подойти к токарному станку.

Нам собрать бы самолёт, который
В книге я видал на чертеже.
А модель с бензиновым мотором
С другом мы построили уже!

Завтра будем запускать в овраге.
Не взлетит, — проверим, укрепим...
Тишина. Уснул притихший лагерь.
Только мы с товарищем не спим.

Рисунки А. Алейникова.

ПЕРВЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ

М. Черевков

Летом все вы играли в волейбол, плавали, бегали — каждый занимался каким-нибудь спортом и многому научился, стал сильным, здоровым, ловким. Вернувшись в город, в школу, не бросайте спорт, ребята, наоборот, сделайте так, чтобы спортом занимались в вашем отряде все.

И для этого прежде всего проведите в звеньях и отрядах в первый же месяц занятий соревнования по играм и по лёгкой атлетике.

Начните с соревнований в звеньях.

Больше всего привлекут ребят игры. Это интересно, и в них могут участвовать все ребята, даже те, кто ещё очень мало занимался спортом.

Устройте для начала состязания по городкам, лапте и тем играм, описания которых мы даём ниже.

Составьте волейбольные или баскетбольные команды и организуйте между ними состязание на первенство отряда.

Соревнования в отряде проводите так, чтобы все звеньевые команды встретились друг с другом. Победит та команда, которая наберёт большее количество очков.

В некоторых школах состязания между звеньевыми командами на первенство школы устраивают так: команды, которые заняли в отрядах первые места, на дружинных состязаниях встречаются между собой. Звеньевые команды, которые заняли вторые места, тоже соревнуются друг с другом. Организуйте соревнование так же.

После состязаний по играм проводите в звеньях состязания по лёгкой атлетике: по бегу (на 50 или 60 метров), по прыжкам в длину и высоту, по метанию хоккейного и футбольного мяча на дальность. Ребят, отличившихся в этих состязаниях, звено пошлёт на отрядные соревнования по лёгкой атлетике.

Соревнования в отряде не старайтесь окончить за один-два дня: это вызовет только переутомление. В один день проведите бег и прыжки в высоту с разбега, в другой — прыжки в длину с разбега, в третий — метание. Семиклассники могут кроме того попробовать свои силы в беге на 800 метров (мальчики) и 400 метров (девочки), а также в метании гранаты.

Тренировки и соревнования лучше всего проводить на школьной спортивной площадке. Но не надо слишком увлекаться и перегружать себя. Занимайтесь не больше чем по полтора часа, раза два — три в неделю.

Для того, чтобы спортивная работа шла хорошо, нужно, чтобы в каждом отряде обязательно был физкультурный организатор, в помощь ему выберите судей по играм, бегу, прыжкам и ме-

Чемпион Советского Союза, рекордсмен мира по толканию ядра Галина Зыбина на тренировке.

танию. Они будут руководить всей работой, они составят с помощью преподавателя физического воспитания и старшего вожатого план тренировок и соревнований, будут следить за точным выполнением этого плана.

Судью и физкультурного организатора нужно слушаться беспрекословно. Из ваших занятий ничего не получится, если вы не сумеете провести их организованно, если у вас будет плохая дисциплина.

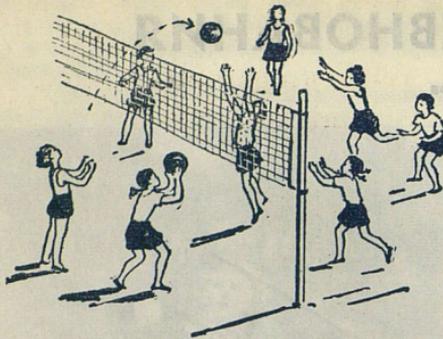
Приходите на тренировку и соревнования обязательно в спортивных костюмах, начиная занятия в точно установленное время. Собравшись на площадке, постройтесь всем отрядом в одну шеренгу и приступайте к тренировкам только по команде физкультурного организатора. Помните, что успех зависит от вашей организованности.

И Г Р Ы   Д Л Я   З В Е Н А И   О Т Р Я Д А

ДВА МЯЧА ЧЕРЕЗ СЕТКУ

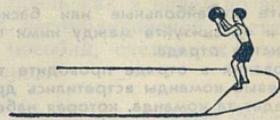
Игра проводится на волейбольной площадке. Играют две команды, как и в волейболе. Каждая команда становится на своей стороне площадки в два или три ряда (в зависимости от числа игроков). Команды получают по волей-

больному мячу. После свистка судьи команды начинают перебрасывать мячами через сетку. Если на площадке одной из команд одновременно окажется два мяча (на земле или в руках у её игроков), она проигрывает одно очко. После этого игроки в каждой команде меняются местами, передвигаясь по площадке так же, как в во-

Игроки бросают мяч в баскетбольное кольцо по очереди. Если мяч попал в кольцо, игрок имеет право на второй бросок и т. д. до первого промаха. После этого мяч переходит к очередному участнику соревнования. Первый раз мяч бросают, стоя за штрафной линией. Следующие броски делаются с того места, где игроку удалось схватить мяч, отскочивший от кольца.

Если мяч попал в кольцо с воздуха, то игрок получает три очка, если же после отскока от щитка, то одно очко. Надо учиться попадать в кольцо, не задевая щитка, как это делают лучшие мастера баскетбола. Побеждает тот, кто первым набрал 20 очков.

лейболе (по ходу часовой стрелки). Затем игроки, оказавшиеся справа в первых шеренгах, бросают через сетку мячи, и игра возобновляется. Когда одна из команд проигрывает 10 очков, игра заканчивается, команды меняются сторонами площадки и продолжают состязание. Если проиграл опять та же команда, встреча считается законченной. Если же эта команда победит, проводится третья, решающая игра.

ОДИН ЗА ВСЕХ, ВСЕ ЗА ОДНОГО

Рассмотрите внимательно рисунок на третьей странице обложки и расчертите площадку, как там показано. Имейте в виду, что кругов должно быть вдвое меньше по числу, чем играющих. Сделайте «выручалку» — квадратный мешочек (сторона мешочка — 15 см), набейте его опилками или сеном. «Выручалку» положите в начале игры на середину поля, в квадрат.

В этой игре двое водящих (у них нарукавные повязки). Один из них имеет право салить любого игрока, если только он не спрятался в «дом» — не встал в круг. Другой водящий салит только тех, кто взял в руки «выручалку».

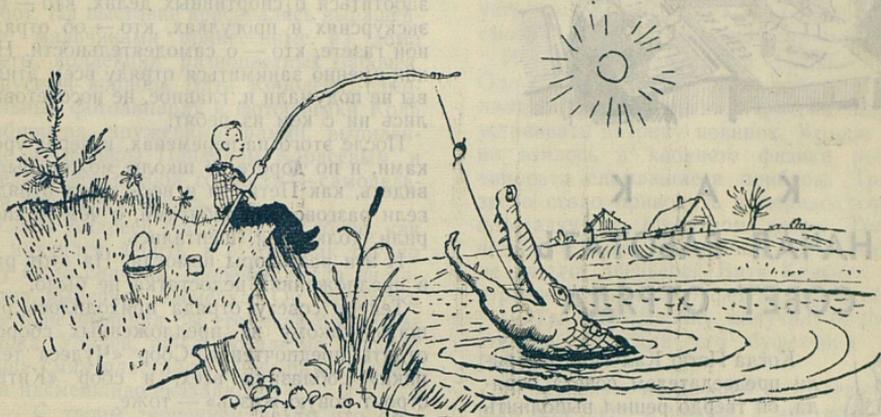
Водящие стараются осалить как можно больше игроков и отводят их в треугольник. Товарищи могут выручить осаленного игрока, бросив ему из квадрата мешочек. Если игрок, не выбегая за черту, поймает «выручалку», он снова вступает в игру, а «выручалку» водящий кладёт на место. Если же он не поймает «выручалку», её берёт водящий, он может положить мешочек на любое место площадки. Тогда его противники должны выручать «выручалку» — перенести её на прежнее место. Осалить того, кто взялся за «выручалку», нельзя, если его окружили, взявшись за руки, несколько игроков, как показано на нижнем рисунке обложки.

Игра продолжается четверть часа. Если за это время водящие перевели на штрафной треугольник хотя бы половину всех игроков, они выиграли. Если они не сумели этого сделать, — проиграли.

Можно играть несколько иначе. Игроки выручают мешочек, перебрасывая его друг другу. Игрока, который держит мешочек, никто не защищает. Зато он имеет право осалить водящего, попав в него мешочком. И тогда считается, что водящие проиграли игру.

В. Яковлев

Андрейка Врушкин рассказывает о своих летних подвигах...

Клязьма, конечно, не Конго, не Нил,
Но я в ней не раз крокодилов ловил.

А здесь художник зарисовал
В далёком пути мой обычный привал.

Медведи, как видно на этой картинке,
Со мной не любили вступать в поединки.

Рисунки О. Зотова.

КАК НАЧАЛ РАБОТАТЬ СОВЕТ ОТРЯДА

Когда Петю Калугина выбрали председателем совета отряда, он твёрдо решил выполнить то, что обещал своим товарищам на выборах актива. А обещал он оправдать хорошей работой доверие пионерского коллектива, заботиться о том, чтобы жизнь в отряде была интересной. Эта мысль не оставляла его ни на минуту. Он говорил со всеми членами нового совета. Решив, что прежде всего нужен план, который был бы по душе каждому пионеру, совет отряда повесил в классе аккуратненький ящик, чтобы все могли опускать в него записки со своими предложениями.

Но вот пошёл уже восьмой день со времени сбора, а ящик сиротливо висел на стене у классной доски, пустой и всеми забытый. Ни одна записка не скользнула в него, словно не было у ребят никаких стремлений, словно никакие мечты и желания не волновали их.

«Что же это такое? — обиженно думал Петя. — Никто ничего не предлагает. Даже вожатые звеньев... Так дальше нельзя. Надо собрать совет отряда».

Прежде чем собрать совет, Петя высказал свои заботы отрядному вожатому, восьмикласснику Юре, и Клавдии Михайловне — классной руководительнице.

Разговор на совете был серьёзный. Клавдия Михайловна объяснила ребятам их ошибку.

— Нельзя было все надежды возла-

гать на ящик для предложений, — сказала она. — Вот вы, ребята, как будто правильно начали: сразу же разделили между собой обязанности, решили, кто будет заботиться о спортивных делах, кто — об экскурсиях и прогулках, кто — об отрядной газете, кто — о самостоятельности. Но как именно заниматься отряду всем этим, вы не подумали и, главное, не посоветовались ни с кем из ребят.

После этого на переменах, и перед уроками, и по дороге из школы можно было видеть, как Петя, да и весь совет отряда вели разговоры с ребятами, о чём-то спорили, толковали, шептались.

И эти разговоры помогли. На этот раз в предложениях недостатка не было.

Теперь совету отряда приходилось решать, какому из предложенных сборов отдать предпочтение. Сбор «Чудеса техники» соблазнял всех, и сбор «Китай строит новую жизнь» — тоже.

Было целых три предложения о сборах, посвящённых учебным темам: по математике — «Весёлый задачник», по русскому языку — «Почему мы так говорим» и по географии — «Путешествие в страны народной демократии».

В конце концов все три сбора были включены в план. Сбор про Китай и про технику — тоже. Но первым по порядку был записан в плане сбор, какого не проводили ещё ни в одном отряде дружины. Сбор назывался «Моё любимое занятие».

Когда звенья начали готовиться к нему, оказалось, что в собственном отряде можно сделать удивительные открытия. Оказалось, что любимых занятий множество и что все они разные и все интересные.

В отряде вдруг обнаружились цветоводы, художники, авиамоделлисты, кораблестроители, спортсмены, столяры, один скульптор и даже один следопыт. Правда, эти открытия привели в некоторое смущение совет отряда, да и всех пионеров: как же это вышло, что, проучившись вместе целых пять лет, они так мало знали друг о друге и не подозревали даже, какие интересные развлечения и занятия у товарищей по звену, у соседей по парте!

Уже в то время, когда готовился сбор, все поняли, что он может очень обогатить отрядные планы. Ведь любимые занятия, которым каждый из ребят отдавал свой

досуг дома, интересны для всех. А в отряде как раз лучше всего заниматься теми делами, которые увлекают всех ребят.

К сбору была устроена выставка самоделок, рисунков, лепных работ. На выставке красовались выращенные мальчиками принесённые из дома цветы, коллекции разноцветных бабочек, парусный корабль Вити Королёва, самодельный фотоаппарат и фотоснимки Коли Сибирцева, кружевные рамки, выпиленные из фанеры Павликом Карасёвым, и предмет его особой гордости — самодельная книжная полочка.

Саша Андреев рассказал на сборе, как он научился лепить, и о том, как трудно ему было сначала, особенно когда он захотел вылепить оленёнка. Он, вероятно, так и не вылепил бы его, если бы не бабушка. Увидев, как в досаде на неудачу Саша смял пластилин и швырнул в угол, она насмешливо сказала:

— С твоим терпением не то что оленя — горшка глиняного не слепить!

Саше стало очень обидно от этих слов. Он, правда, ничего не сказал, но через некоторое время снова принялся за оленёнка и в конце концов слепил его. Оленёнок так и называется теперь бабушкиным.

Потом Серёжа Черкасов рассказал о том, как он свёл знакомство с дятлами в ближайшем лесу. Однажды летом Саша забрёл в глухой лесной уголок, весь заросший кустарниками, мхами и папоротниками. Там, на высокой мачтовой сосне, он увидел целую семью дятлов. С той поры он наблюдает за ними до сего дня.

Серёжа так интересно рассказывал о своих наблюдениях за дятлами, что многим мальчикам захотелось побывать в этом лесном уголке. И Петя Калугин подумал, что в план работы отряда обязательно надо включить прогулку в лес и попросить учителя зоологии Никиту Петровича, чтобы он пошёл туда с отрядом.

Этот сбор подсказал и другие дела.

Слушая историю сашиного оленёнка, член совета отряда Коля Ступин записал в своём блокноте: «Предложить ребятам сбор на тему «Настойчивость».

Так сбор о любимом занятии обогатил отряд новыми интересными замыслами.

Кроме того он имел и другие хорошие последствия: успех поднял дух, родил предпринимчивость. Ребята стали проявлять всё большую изобретательность. Один из любителей вдруг предложил устроить «путешествие»... по школе. Посмотреть, кому нужна помощь пионеров.

И ребята отправились в «путешествие». Одно звено сразу же нашло работу в библиотеке: подклеивать старенькие книги, устраивать витрину новинок. Второе звено взялось в кабинете физики ремонтировать сломавшиеся приборы. Третье звено стало приводить в порядок спортплощадку на школьном дворе. Только четвертое звено на первых порах ничего не нашло. Звеньевой Витя Краснов расстроенный зашёл в буфет на перемене.

— Ты что? Двойку получил? — сочувственно спросила его буфетчица тётя Паша.

— Никакую не двойку! Все звенья нашли себе дело в школе, а моё нет, — пожаловался Виктор.

— Дело? — удивилась тётя Паша. — Развели бы вы цветы в буфете! Уютней и лучше будет.

Цветы из дома ребятами уже принесены и вручены тётя Паше. А теперь пионеры четвертого звена выращивают новые цветы из отводков, добытых где только можно: и у соседей по дому, и на городской юннатской станции, и в ботаническом саду.

Задумать хорошие планы — это полдела; их не осуществишь, если не действовать дружно и организованно. Вот тут и помогло совету отряда распределение обязанностей. Каждый знает, о чём он должен заботиться, чем заниматься.

И вот что заметили все пионеры: первый номер отрядной газеты «Голос дружбы» получился гораздо интереснее, чем обычно. Ребята даже шутили: «Голос дружбы» стал куда громче и веселее.

И всем понятно, почему. Когда есть интересные события в отряде, когда кипит работа у пионеров, не приходится вытягивать силком заметки: есть о чём сказать, и ребята охотно пишут в газету.

Так начал работать совет отряда в новом учебном году. Ребята! А как дела у вас в отряде? Как вы начали новый школьный год? Что интересного вы задумали? Как выполняете задуманное?

СЕНТЯБРЬ

«Лес — словно терем расписной: лиловый, золотой, багряный...» Листья под ветром шешестят совсем не так, как летом. И в том настроении лёгкой грусти, которое навевает осень, человеку кажется, что листья, доживающие свои последние дни, шепчутся тревожно и взволнованно о своей судьбе.

Скоро ударят первые заморозки, и тогда пойдёт листопад.

Последите, как падают листья! Вот с неподвижной ветки клёна оторвался лист. Мягко и медленно начинает он свой полёт к земле... По пути он чуть задел другой листок. И этот оторвался... И вот уже целой стайей яркие листья, точно бабочки, порхая в воздухе из стороны в сторону, летят на землю.

Летом кленовый, берёзовый или осиновый листок еле оторвёшь от веточки. А осенью чуть притронешься — и он уже отваливается. Самый лёгкий ветерок отрывает его и уносит от родной ветки. Это потому, что к осени в основании черешка листа, у самой ветки, образуется «разделительный слой» из слабо скреплённых клеток.

Падают листья... Отслужили свою службу. Летом, под действием солнца, из воды, всасываемой корнями, и углекислого газа зелёный лист, словно маленький химический завод, вырабатывал вещества, составляющие живую ткань растения. Лист нёс летом и другую работу. Это был одновременно и химический завод и мощная насосная станция. Лист испаряет воду бесчисленными щелями-устьицами и создаёт движение влаги от корней вверх. Если влаги мало, если приходит засуха, листья в лето желтеют и падают. Этим дереву защищает себя от излишнего испарения, чтобы сберечь скудные запасы влаги и не погибнуть. Но почему же осенью сбрасывает дерево листву? Ведь влаги хоть отбавляй, — пожалуй, больше, чем надо! Кругом лужи, земля напитана водой, как губка; вода чавкает под ногами, выступает среди побуревшей травы. И вот представьте себе: деревья среди этого водяного изобилия испытывают... засуху. Воды-то много, но она холодная, а корневые волоски не могут всасывать холодную влагу из холодной почвы. Значит, в самую дождливую осень дерево сбрасывает листья по той же причине, что и в жаркое, сухое лето.

Листопад спасает деревья ещё от одной беды: если бы листья оставались на зиму, деревья ломались бы под тяжестью снега, потому что на широкой поверхности листьев его задерживалось бы больше, чем на голых ветках.

Сентябрь — время птичьих перелётов. В небе, по-осеннему холодном и синем, вы увидите вытянутые в цепочку караваны диких уток, стройные, остроугольные косяки журавлей и гусей.

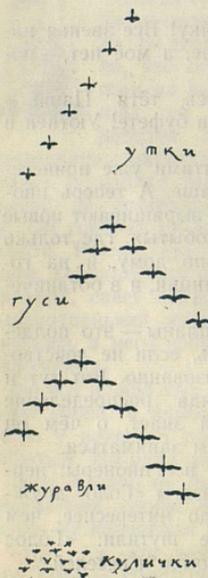
Почему большие птицы летают строем? Потому что так легче лететь, легче выдержать длинный и трудный путь. Когда птица летит, она рассекает воздух, и позади образуется завихрение. Птицы строятся так, чтобы лететь по кромке завихрения, где воздух менее плотен. Тяжёлая работа рассекает воздух ложится только на головную. Но головной, когда устанет, пристраивается в конце стаи, а его место занимает следующая в строю птица. Точь-в-точь как сменяют лыжники своего товарища, прокладывающего лыжню по снежной целине.

Далеко ли летят птицы? Куда лежит их путь? Он не для всех одинаков. Большинство гнездящихся у нас водяных птиц улетает зимовать к южным берегам Чёрного моря и моря Каспийского. Но есть несколько видов куличков, которые отправляются в Южную Африку и даже в Австралию, за океан.

Птицы улетают так дружно не оттого, что они предвидят наступление зимы. Ведь в отлёт собираются даже те, которые вывелись в этом году и никак не могут знать, что впереди снега и морозы. К осени в крови у птиц появляются особые вещества, гормоны перелёта, которые вызывают беспокойное стремление сбиваться в стаи и улетать. Учёные пробовали впрыскивать птицам «гормоны перелёта» в летнюю пору. И что же? Эти птицы начинают собираться в путь раньше времени.

Перелётные птицы покидают нас, а оседлые меняют свой образ жизни. Птенцы вывелись, подросли, теперь выводки разных гнёзд собираются в стайки и кочуют в поисках пищи.

Выйдете куда-нибудь на пустырь или в огород. Там с утра до вечера стаи пёстро разодетых щеголей — щеглов перелетают с места на место, лакомясь семенами репейника. Чётки путешествуют по берёзовым и ольховым рощам. По опушкам лесов и у окраин сжатых полей кочуют стайки овсянок. В сентябре вы увидите по соседству с ними и коноплянок и жаворонков, но жаворонки улетят, а овсянки останутся зимовать.

Заметнее, многочисленнее других шумные и весёлые стаи синиц. Синицы в одной стае не все похожи друг на друга. Вот самая крупная — желтогрудая, с чёрным галстучком, с чёрной головкой и белыми щёчками — большая синица. Вот маленькие, серенькие, с чёрными шапочками. Это пухляки, или гаички. Оливково-буроватые, с задорно вздёрнутым чубчиком — хохлатые синицы. Самые мелкие, с тёмносиней спинкой и чёрной манишкой — синички-москочки.

Всмотревшись в стаю синиц, перепархивающих с дерева на дерево, вы заметите и других птичек в синичьей компании. Маленькая бурокоричневая в пестринках птичка с довольно длинным и слегка изогнутым тонким клювом — пищуха. Она поспевывает «Син... син... цин...» и ползёт вверх по стволу, изредка задерживаясь, чтобы вытащить лакомую добычу из трещинки в коре.

А вот ещё один «посторонний» в стае: поползень. Круглый, остроносый, с голубоватой спиной, с резкой чёрной полоской поперёк щеки. Он стремительно перелетает от одного дерева к другому и, ловко прицепившись к стволу вниз головой, выскивает личинку в коре.

К концу сентября собираются в стаи серые куропатки и тетерева. Тетерева держатся на брусничниках и клюквенных болотах, где медведь тоже не прочь поживиться ягодами. Его можно встретить и в брусничных зарослях и у рябин, которые клонят свои ветки с тяжёлыми пламенеющими кистями.

У медведя заканчивается осенняя линька, и волка тоже. И вот в это время, когда всё зверьё готовится к зиме, надевает мохнатые шубы, усиленно кормится, нагуливая жирок, появляется на свет третье, последнее за год, поколение зайчат. По времени рождения охотники называют их «листопадниками». Не беда, что скоро стужа! Зайчата растут быстро; они успеют стать самостоятельными раньше, чем ударят морозы.

Двадцать второго сентября — время осеннего равноденствия, когда день, укорачиваясь, уже сравнялся с ночью. С этого времени день становится короче ночи и уступает ей всё больше часов и минут.

Сентябрьскими ночами, длинными и тёмными, легко наблюдать звёзды.

Разыщите на небе созвездие, похожее на Большую Медведицу. Только у него гораздо меньший ковшик; звёзды в нём сидят тесно друг к другу. Это Плеяды. Вы найдёте их близ уже знакомых вам созвездий Кассиопеи и Персея. Человек с обыкновенным зрением увидит в созвездии Плеяд шесть звёзд, образующих ковшик. У кого очень хорошие глаза, тот может разглядеть в этом созвездии десяток с небольшим слабых звёздочек. Посмотрев в телескоп, вы откроете в Плеядах сотни звёзд всевозможной силы и блеска.

В большинстве созвездий, которые мы видим, звёзды только кажутся нам соседями на небе, а на самом деле они удалены друг от друга на сотни световых лет. Иные из них даже движутся в различных направлениях. А вот в Плеядах по-другому. Звёзды Плеяд образуют одну систему — звёздное скопление. В просторах большой звёздной системы — нашей Галактики, — среди миллиардов одиноких звёзд, они мчатся все вместе, в одном направлении, в одном общем движении, словно стая перелётных птиц. Есть на небе и другие звёздные скопления. Например, созвездие Большой Медведицы. В созвездии Ориона часть звёзд тоже образует скопление. Из этого скопления вы видите простым глазом три яркие звезды, называемые Поясом Ориона. Главные же звезды Ориона — Бетельгейзе, Ригель и Беллатрикс — в скопление не входят.

Учёные предполагают, что одинокие звёзды прежде, в незапамятные времена, тоже входили в различные звёздные скопления, но сила притяжения центра Галактики и всех остальных звёзд постепенно как бы растащила их в разные стороны. Чем старше скопление, тем меньше в нём небольших и лёгких звёзд. Они давно вышли из общего строя, тогда как большие, массивные остаются в скоплении до сих пор. Чем больше в скоплении сохранилось звёзд, тем оно, очевидно, моложе, меньше подвергалось действию тяготения, меньшее число раз успело совершить путь вокруг центра Галактики.

В Плеядах есть звёзды самые разнообразные: и тяжёлые, и лёгкие, и великаны, и малыши. Судя по этому, Плеяды моложе Большой Медведицы, в которой остались только большие, массивные звёзды.

Плеяды от нас далеко: на расстоянии в триста двадцать световых лет.

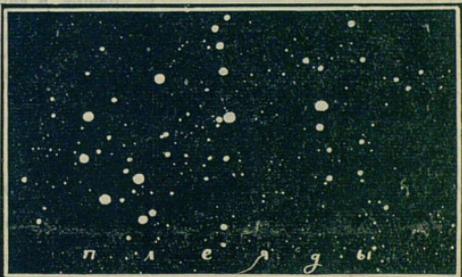
пищуха

медведь

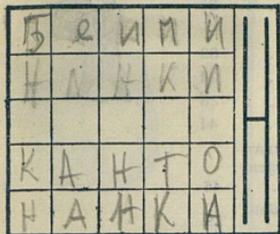

хохлатая синица

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

1. В каждую клетку впишите по одной букве, чтобы в горизонтальных рядах можно было прочитать названия пяти крупных городов Китайской Народной Республики. Все эти названия, как видите, оканчиваются буквой «Н».

2. вспомните названия государств, двух городов и полуострова, которые начинаются с буквы «Й».

3. За годы Советской власти в нашей стране появился город, название которого состоит из шести букв: начинается и оканчивается оно буквой «Т» и читается одинаково как слева направо, так и справа налево. Какой это город?

4. В Армянской ССР есть большое озеро; в его названии пять букв. Пользуясь этими буквами, составьте пять географических названий: название судоходной реки, протекающей на северо-западе нашей страны, двух рек Западной Европы, большого озера, находящегося в Малой Азии, и столицы одного из европейских государств.

5. При перестановке букв названия одной планеты вы получите название столицы союзной советской республики, а при перестановке букв названия другой планеты — большой город Франции. Назовите эти планеты и города.

КАКАЯ ПОВОРКУ?

Нарисованный здесь квадрат разделен на 49 клеток. В каждой клетке вы видите число и букву.

Задача заключается в том, чтобы из 49 букв выбрать 29 и составить из них русскую народную поговорку.

Как же найти нужные буквы? Вспомните признаки делимости и из всех чисел, размещенных в клетках квадрата, выпишите только те, которые без остатка делятся на три. Эти числа расположите в таком порядке, чтобы каждое следующее число было больше предыдущего. Над каждым числом напишите ту букву, которая находится в одной клетке с ним.

К	Р	У	Т	Ф	Я	Н
579	67	210	807	143	903	498
Ь	П	Ы	Ч	Ц	О	М
369	217	631	268	905	102	401
М	Е	И	Й	С	Д	Б
511	522	687	112	402	732	340
Л	С	О	А	Ж	О	
135	843	48	705	504	608	165
З	В	Г	Ш	Ю	И	П
179	516	699	344	802	321	612
В	И	Т	Л	О	И	С
899	205	351	536	108	789	199
О	Д	Н	Р	Г	У	Я
419	198	745	654	809	231	417

Когда вы это сделаете, прочтёте русскую народную поговорку.

ОТВЕТЫ на задачи, помещённые в №№ 5, 7 и 8

„100 БУКВ“

В пятом номере нашего журнала были напечатаны условия этой игры. В ней участвовали больше трёхсот учащихся всех классов средней школы, начиная со второго и кончая десятым.

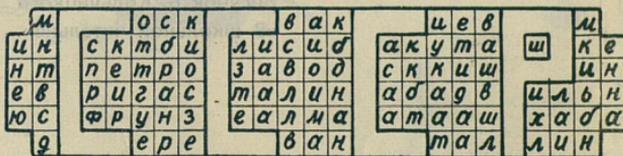
Большинство ребят, приславших правильное решение, написали по тридцать три слова.

Тридцатью словами задачу решили: Явриян Елена, ученица 3-го класса, и Явриян Александр, ученик 6-го класса (Тбилиси), Зуев Виктор, ученик 8-го класса (Кабардинская АССР, Зольский район, село Светловодское), Иванникова Лариса, ученица 6-го класса (Московская область, село Звягино).

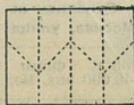
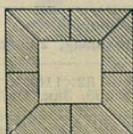
Двадцать девять слов, в которых буква «а» повторяется сто раз, написал Живица Толя, ученик 6-го класса (БССР, Минский район).

Первое место в игре-сорязании заняла группа драмкружковцев Дома пионеров в городе Горьком. Они решили задачу, написав следующие двадцать восемь слов: абракадабра (5), амальгама (4), сарабанда (4), мегараджа (4), каракалпак (4), астраханка (4), замарашка (4), кавалькада (4), парафраза (4), шарлатанка (4), саламата (4), таракашка (4), катаракта (4), балалайка (4), прабабка (3), саванна (3), баклажан (3), ладанка (3), аргамак (3), караган (3), батрачка (3), тачанка (3), вагранка (3), атака (3), затрата (3), ватага (3), авангард (3).

СООБРАЗИТЕ

РАЗРЕЖЬТЕ И СЛОЖИТЕ

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ

1. Суриков. 2. Васнецов. 3. Левитан. 4. Репин. 5. Крамской. 6. Серов. 7. Поленов. 8. Верещагин. 9. Саврасов.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Сентябрьский звонок	2
Мечта.—Повесть Бориса Емельянова. Рисунки Б. Винокурова	3
Любимый писатель.—М. Прилежаева	25
Из воспоминаний о Л. Н. Толстом:	
Поездка с Толстым.—И. Репин	32
В Ясной Поляне.—И. Гинцбург	34
Школа в Ясной Поляне.—В. Морозов	38
Сказка о мальчике и огурце.—Н. Н. Гусев	44
Рукописи Льва Толстого.—А. И. Шифман, кандидат филологических наук, научный сотрудник Музея Л. Н. Толстого	45
Там, где жил великий писатель.—Из дневников коломен- ских школьников	49
Записки школьника. Тетрадь вторая.—Повесть М. Гор- бовцева. Рисунки В. Константинова	52
В Японии.—А. Кожин	61
Праздник мира, молодости и дружбы	66
В Аму-Дарьинских тугаях.—Рассказ А. Шахова. Рисун- ки В. Константинова	67
Об одном старичке и пионерском значке.—Стихи А. Барто	73
Фотовыставка «Зорний глаз».—Е. Иофис	74
Индийские сказки: Верный сокол. Купец и попугай. Три золотые статуэтки.—Перевёл В. Крашенинни- ков. Рисунки И. Кузнецова	78
Отовсюду и обо всём	91
Моё любимое занятие. Опыт с растениями.—Саша Весе- ловский	84
Вечером.—Стихи Я. Акима. Рисунки А. Алейникова	86
Первые соревнования.—М. Черевков	87
Андрейка Врушник рассказывает о своих летних подвигах... Рисунки О. Зотова	89
Беседа с пионерским активом. Как начал работать совет отряда.—Н. Снегирёва	90
Календарь природы. Сентябрь	92
В часы досуга	94

На обложке:
рисунок В. Кольчицкого
«В школьной читальне».

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Касиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

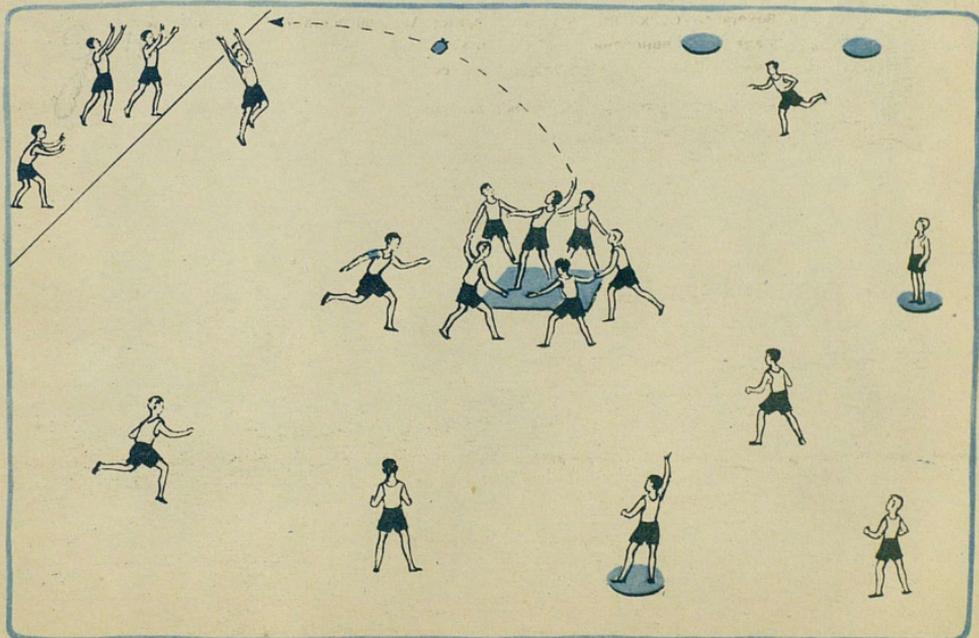
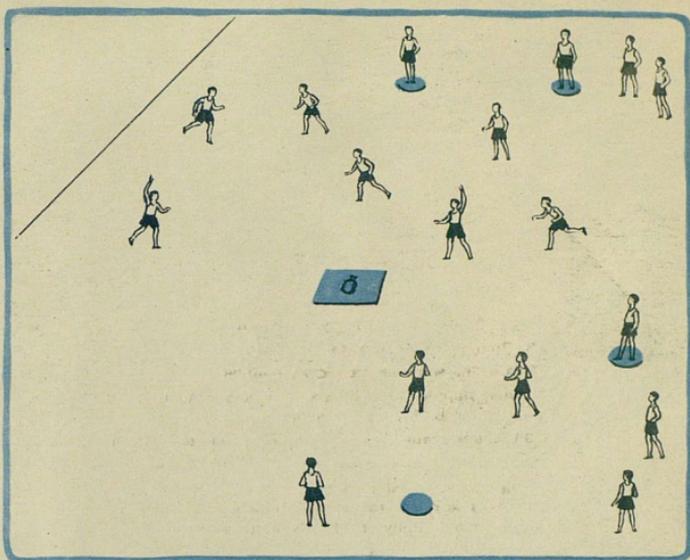
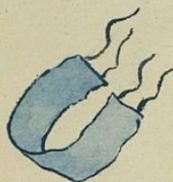
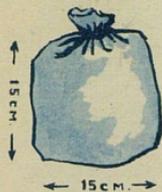
Рукописи не возвращаются.
Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

А 05034. Подписано к печати 25/VIII 1953 г. Форм. бум. 82×110/16. Бум. листов 3,06. Печ. листов 10,05. Тираж 140 000 экз. Изд. № 633. Зак. 1947.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ОДИН ЗА ВСЕХ, ВСЕ ЗА ОДНОГО

ИГРА ДЛЯ ЗВЕНА И ОТРЯДА

Описание игры вы найдёте на странице 88 нашего журнала.

Цена 2 р. 50 к.

З а р и с о в к и с н а т у р ы

Г. ГЛАДУНОВА,
ученика средней художественной школы
имени Сурикова

